

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ АП. ПАВЛА КЪ КОРИНѢЯНАМЪ.

Вступленіе.

Второе посланіе апостола Павла къ Коринѣянамъ принадлежитъ къ тѣмъ частямъ Новозавѣтнаго Канона, въ которыхъ живо и широко выступаетъ предъ нами жизнь христіанской церкви апостольскаго времени. Ни одно общество перваго христіанскаго вѣка не представляетъ собою такого разнообразія формъ религіозной жизни, какъ христіанская община коринѣская сгруппированная изъ противоположныхъ національныхъ элементовъ іудейства и язычества. «Ко-

ринская община, замѣчаетъ одинъ ученый, съ ея различными партіями въ апостольскій періодъ представляетъ нѣкоторымъ образомъ микроскопическое христіанство, въ его главныхъ моментахъ ¹⁾). Въ Коринфѣ—этой централизаціи богатствъ матеріальной и интеллектуальной жизни Греціи ²⁾—обнаруживается сильное столкновение христіанства съ іудействомъ и язычествомъ. Броженіе умовъ, какъ результатъ этого столкновения, производитъ разнообразный смѣшанный спектръ разложеннаго луча Божественнаго свѣта. Этотъ не разграниченный смѣшанный спектръ вначалѣ, какъ онъ представляется намъ въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ, мало по малу ограничивается, концентрируется и достигаетъ болѣе опредѣленнаго выраженія во второмъ посланіи къ Коринѣянамъ. Само собою понятно, что только въ этой опредѣлившейся формѣ религиозной жизни возможно проникнуть въ ту тайну борьбы коринѣскихъ партій, которая такъ интересовала и интересуетъ ученыхъ изслѣдователей. Между тѣмъ туманный покровъ лежитъ на этомъ произведеніи апостольскаго пера и вводитъ въ заблужденіе и обманъ не только не опытнаго простаго читателя, но и строгій глазъ осторожнаго изслѣдователя. Подъ этимъ туманнымъ покровомъ нельзя, конечно, разумѣть отрывочности и темноты изложенія и неопредѣленности выражений ³⁾; тѣ которые думаютъ такъ, очевидно смѣшиваютъ

1) Lic. Theolog A. Klöpffer. Exeget—Kritische untersuch
üb d. zweiten Brief. d. Paul an die gemeinde zu Kor.
Gottingen. 1869 г. стр. 31.

2) Злат. Предислов. на 1 посл. Кор. по слав. перев. стр.
686.

3) Такъ понимаютъ дѣло Неудеккеръ (jahrbuch d. histor
—krit. Einl in d. N Test. von Dr Eh. G Neu-
decker. Leipz. 1840 I. 462), Мейдеръ (Kvit.—exeg.
Komment. üb d. N. Test. v. Heinr Aug.. Wila Meqer.
Gotting. 1840. Einleit. S. J.), de Wette (Lehrb. d. histor.

правильность логическую съ правильностію фактической и трудности историческія переносятъ на непослѣдовательность систематическую. Намъ кажется вмѣстѣ съ Вальрожеромъ¹⁾, что второе посланіе апостола Павла къ Коринѳянамъ въ литературномъ отношеніи можетъ быть разсматриваемо какъ *chef d'oeuvre* ораторскаго искусства Павла. Но въ то время какъ здѣсь мы не видимъ неправильности формальной, мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ трудностями историческими. Эти трудности очень естественны въ нашемъ посланіи и понятны сами собою. Посланіе наше представляетъ собою отвѣтъ на тѣ извѣстія, которыя изъ коринѳа Титъ привнесъ Павлу въ Македонію. Для насъ сохранился одинъ только рефлексъ этихъ извѣстій—Тита, одно только слѣдствіе, между тѣмъ

kvit. Einl. in. d. Bibl. Alt. und n. Test. v. Dr. Willh. de Wette. 1860 г. 292) и др.; которые выясняютъ темноту выраженій и рѣзкіе переводы въ нашемъ посланіи изъ беспокойнаго состоянія духа апостола и послѣдственности, съ которою онъ писалъ второе посланіе къ Коринѳянамъ. Такое объясненіе при всей тонкости психологическаго анализа, можетъ быть названо скорѣе остроумнымъ, чѣмъ правдоподобнымъ. Не говоря уже о томъ, что такой взглядъ оставляетъ въ сторонѣ историческія обстоятельства, вызвавшія тѣ или другія замѣчанія,—это остроумное предположеніе упускаетъ изъ виду ту осторожность и точность выраженія, которую апостолъ строго наблюдаетъ чрезъ все наше посланіе. Онъ обращаетъ вниманіе на самые малѣйшіе отъѣвны мысли, чтобы они не подали какого либо повода Коринѳянамъ для ложнаго истолкованія его мысли. (срав. 7, 3, 11, 16).

¹⁾ *Introduit aux livr. d. nouv. Test. par fr. Reithm traduit par d Walroger et M. Müller. Paris. 1861. Tom. II. p. 249.*

какъ самыхъ извѣстій, самаго мотива не дошло до насъ и мы можемъ судить о самой причинѣ только по этому письменному отзвуку въ извѣстномъ теперь 2 каноническомъ посланіи апостола Павла къ Коринѳянамъ. Безъ выясненія же причины очевидно не можетъ быть правильно понято и слѣдствіе. Для вознагражденія подобныхъ историческихъ недостатковъ въ другихъ книгахъ обыкновенно обращаются къ историческимъ даннымъ, хранящимся въ литературѣ свѣтской или духовно языческой; но для нашего предмета мы не можемъ найти разрѣшенія ни въ той ни въ другой. Историческія обстоятельства, вызвавшія написаніе втораго посланія къ Коринѳянамъ занимаютъ небольшой промежутокъ (около полугода) и не представляютъ особеннаго интереса, чтобы остаться памятными на страницахъ не христіанской литературы. Нѣтъ пополненія этого историческаго пробѣла и у древнихъ толковниковъ—Златоуста, Теодорита и др., труды которыхъ подъ ферулою догматическихъ принциповъ, могутъ имѣть значеніе скорѣе для правильнаго пониманія языка священнаго и оборотовъ рѣчи его, но не могутъ дать прочнаго критеріума для правильнаго научнаго взгляда. Если же остаться при одномъ только буквальномъ пониманіи отдѣльныхъ мѣстъ текста, то, при историческомъ мракѣ въ нашемъ посланіи, естественно сбиться съ правильнаго пути въ объясненіи и запутаться въ трудностяхъ систематическаго изложенія,—это мы и видимъ въ трудахъ Озіандера, Розенмюллера и друг. ¹⁾); къ нимъ примыкаютъ парафрастическія изслѣдованія Землера и Вебера ²⁾), безконтрольный ни чѣмъ не сдерживаемый взглядъ

¹⁾ I. Osiander. Explicatio Jacrorum Biblior. Pars. III. Epistol Paul. II ad Corint—D. Georgii Rosenmülleri scholia in nov Testam. Tom. IV norimberg. 1806.—in alter epist. ad. Cvointh.

²⁾ Semleri Parafrasis, II. epist ad. Corinth. Webev. De numero epistol ad Corint. rect constituendo.

которыхъ пришелъ къ произвольному не основательному предположенію раздробленности нашего посланія. Не безъ основанія по этому новѣйшіе ученые стали искать объединяющаго исходнаго пункта для выясненія содержанія посланія. Мейеръ, Ланге и Гофманъ ¹⁾ думаютъ объяснить наше посланіе изъ разсматриванія отдѣльныхъ стиховъ въ контекстѣ рѣчи не только ближайшемъ, но и отдаленнѣйшемъ, въ связи, однимъ словомъ, со всѣмъ кругомъ идеи говорящаго или пишущаго. Изъ таковаго же исходнаго пункта или общей идеи думаютъ объяснить наше посланіе представители Тюбингенской школы Бауръ и Гильгенфельдъ ²⁾. Приѣмъ этотъ однакожь, выработанный для предохраненія отъ произвольности взгляда, и самъ не ведетъ ни къ чему болѣе, какъ чистому произволу. Идея для выясненія содержанія выводится изъ самаго невыясненнаго содержанія и ни чѣмъ не гарантируется въ своей правильности. Здѣсь при этомъ кругъ. Неопредѣленное содержаніе выясняетъ идею и само выясняется ею. Такая постановка дѣла естественно даетъ полный просторъ ватажкамъ и всевозможнымъ выводамъ. Руководясь такимъ началомъ, Блекъ а затѣмъ Гильгенфельдъ и друг. ³⁾ пришли къ предположенію потеряннаго посланія между нашимъ первымъ и вторымъ каноническими посланіями Апост. Павла къ Коринтянамъ. — Но говоря такъ, мы не настаива-

¹⁾ W. Meyer. Kvit.—exeg. handbuch. ub d. zweiten br. an. d. Kor. 1840. I. XIII.

Lange. Bibel—werk. II. Test. VII. Die Kor. Br. 1865. Hofmann. D. Heil. schrift. II 3. 1866. nordlingen.

²⁾ Baur. Christenthum. und. Kirche d. br. ers. jahrhund. von Dr. Chr. Baur, 1860. Tubeng. s. 57—62.

Zeitschr. fur. Wiss. theol. v. A. Helgenfeld. 1866. „Die Paul. B. und. ihr. neuest. Bearb. s. 337“.

³⁾ jbid. s. 345. Friedr. Bleek Einl. in d. N. Test. Berlin. 1866 r. Verlor. gegang. Brief. an. d. Korinth. § 149.

свѣтъ на совершенной негодности такого приѣма. Намъ кажется, что предпосланная идея можетъ пролить свѣтъ на отдѣльныя мѣста посланія, но только въ томъ случаѣ, когда она будетъ строго контролирована въ своей правильности, когда т. е. для выясненія самой идеи будетъ найденъ ключъ или лучше руководительная нить, которая бы предохраняла насъ отъ сбивчивости. Этотъ контроль получится, когда мы прежде раскрытія самаго содержанія выяснимъ неизвѣстную величину нашего посланія—т. е. предварительно раскроемъ внутреннее и внѣшнее состояніе Коринтской общины, къ которой направлено посланіе, опредѣлимъ историческіе мотивы, вызвавшіе написаніе нашего посланія. Какъ бы ни была трудна такая задача, все же она не невозможна. Задача эта облегчается для насъ имѣющимъ другимъ священнымъ документомъ, предназначеннымъ къ одному и тому же обществу, къ которому направлено и наше посланіе. Такъ какъ разъясненіе потребныхъ историческихъ мотивовъ для написанія втораго посланія къ Коринтянамъ мы не можемъ найти во внѣ, то мы должны искать ихъ въ самихъ же посланіяхъ (1 и 2) Апостола Павла къ Коринтянамъ; а для сего необходимо напередъ опредѣлить самое отношеніе этихъ посланій т. е. примыкаетъ ли второе посланіе къ Коринтянамъ непосредственно къ первому или же между обоими этими посланіями есть нѣкоторый особенный кризисъ, разъединяющій и раздѣляющій ихъ.

Мы должны такимъ образомъ 1) опредѣлить точное взаимное отношеніе 1-го и 2-го посланія къ Коринтянамъ, 2) выяснить историческое состояніе Коринтской церкви ко времени написанія нашего посланія, насколько это возможно черезъ сопоставленіе обоихъ документовъ и 3) наконецъ раскрыть самую идею содержанія въ ея послѣдовательномъ развитіи во 2-мъ посланіи Ап. Павла къ Коринтянамъ.

(Продолженіе будетъ).

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ АП. ПАВЛА КЪ КОРИНОЛЯНАМЪ.

(Продолженіе).

I.

Взаимное отношеніе перваго и втораго посланій Апостола Павла къ Кориноянамъ.

Самое названіе нашего посланія вторымъ уже характеризуетъ отношеніе его къ первому каноническому посланію Апостола Павла къ Кориноянамъ. Названіе это въ первый разъ встрѣчается у Иринея Лионскаго ¹⁾ и остается неизмѣннымъ во всѣхъ кодексахъ священныхъ книгъ и во всѣхъ переводахъ. Всѣ древніе толковники, протестантскіе ученые прошлыхъ столѣтій и новые экзегеты до 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія считали и считаютъ наше посланіе непосредственно слѣдующимъ за первымъ каноническимъ посланіемъ Ап. Павла къ Кор. обществу и ни у кого изъ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на другое какое либо посредствующее между ними посланіе. Между тѣмъ новѣйшіе экзегеты пришли къ мысли о потерянномъ посланіи къ Кориноянамъ, лежащимъ между первымъ и вторымъ посланіемъ Ап. Павла къ Кориноянамъ. Блекъ (Bleek) первый выдвинулъ эту гипотезу въ періодическомъ изданіи. Theol. Stud. u. Krit. 1830 s 625—632 и подтвердилъ ее съ большею увѣренностію въ другомъ своемъ сочиненіи—Einl. in d. N. Test. Berlin. 1866 г. S. 402—405. Правда и послѣ Блека большая часть ученыхъ—Неудеккеръ, Руккертъ, Мюллеръ, Бауръ де Ветте, Реуссъ, Вурмъ, Визелеръ, Вальрожеръ, Мейеръ, Ланге, Гофманнъ остались еще прежняго мнѣнія о непосредственномъ отношеніи

¹⁾ Irenäus. Adv. Haeres. lib V. Cap. 47. pag 349.—
Ibid. cap. 14 pag. 420.

обоихъ Коринѣскихъ посланій; однакожь смѣлый, новый, оригинальнѣйшій взглядъ Блека вскорѣ нашелъ себѣ сочувствіе и одобреніе въ средѣ приверженцевъ отрицательнаго направленія—Билльбота, Евальда, Гильгенфельда и особенно Клөппера¹⁾, жаждущихъ новизны и враговъ всего консервативнаго. И то, что у Блека и его ближайшихъ послѣдователей было только предположеніе, у Евальда, Гингельнфельда и Клөппера является какъ необходимый постулатъ правильнаго пониманія 2 посланія Павла къ Коринѣянамъ и почти какъ положеніе²⁾. Это предположеніе для послѣднихъ казалось тѣмъ необходимымъ, чѣмъ настоятельнѣе чувствовалась потребность и желаніе—послѣдовательнѣе и систематичнѣе провести чрезъ Павловы посланія высказанную впервые Бауромъ идею борьбы между павлинизмомъ и петринизмомъ. Гипотеза потеряннаго посланія, очевидно, давала полный просторъ произволу и пасплью отрицательныхъ критиковъ въ объясненіи содержанія 2 посланія Павла къ Коринѣянамъ и такимъ образомъ могла служить оправданіемъ тенденціи—представить христіанство, какъ продуктъ простаго историческаго развитія. Вводнымъ посланіемъ Гильгенфельду, напримѣръ, очень легко было объ-

1) Billroth Comment. zu. den Br. d. p. a. d. Cor. Leipz. 1833 г. s. XXXIV.—Heinr Ewald. Jahrb der Bibl. Wissensch. 1849 s. 227—229.—A. Hingelfeld. Zeitschr f. Wiss. Theolog. 1866. 4. s. 345. A. Klopfer. Exeg—krit untersuch 1869 г.—D. verlor gegang. Brief d. Ap. P. a. d. Kor zwisch. d. heid. uns. Erhalt. Sendschr. a. d. Gemeind.

2) Это особенно ясно выступаетъ у Евальда—Jahrb. 1849. S. 227: „Dass ein Corinthier—Brief der dem erhalten ersten worgeging verloren sei, ist sei leicht zu ersehen. aber ebenso sicher wird es bei einem Vichtigen werstehen unseres zweiten dass zwischen diesem und unser ersten noch einer werloren gegangen ist.“

яснить слишкомъ замѣтное отсутствіе догматической борьбы въ нашемъ II посланіи, которое однакожь всѣми и даже самимъ Бауромъ признано было за подлинное произведеніе пера апостольскаго. Вся сила этой борьбы по Гильгенфельду ¹⁾ сосредоточилась въ потерянномъ посланіи, — второе же посланіе Ап. Павла представляетъ уже утихающую бурю.

Такое значеніе настоящаго вопроса въ области историко-экзегетическаго раскрытія нашего посланія даетъ основаніе обстоятельнѣе заняться имъ. Чтобы составить правильный взглядъ на дѣло, необходимо напередъ разсмотрѣть и оцѣнить тѣ основанія, на которыхъ держится гипотеза потеряннаго посланія. Въ этомъ отношеніи прежде всего выступаютъ предъ нами темныя свѣдѣнія о личности Тимоѳея, котораго Павелъ до написанія перваго посланія къ Коринѳянамъ отправилъ (4, 17) изъ Ефеса въ Ахаію съ наставленіемъ, чтобы онъ напомнилъ о путяхъ его (Павла); какъ онъ училъ во всѣхъ церквахъ. И такъ какъ Павелъ предполагалъ (1 Кор. 16, 10), что Тимоѳей позднѣе посланія прибудетъ въ Коринѳъ, то естественно онъ могъ ожидать отъ него извѣстій о томъ впечатлѣніи которое должно было произвестъ на Коринѳянь его первое посланіе къ нимъ. По 2 посл. Коринѳ. 1, 1 Тимоѳей опять является вмѣстѣ съ Павломъ, когда послѣдній пишетъ второе посланіе къ Коринѳскому обществу; между тѣмъ Павелъ ничего не говоритъ о результатахъ его путешествія и не упоминаетъ вовсе объ извѣстіяхъ, которыя онъ долженъ былъ причести. Для объясненія такого недоумѣнія тѣ, которые держатся непосредственнаго отношенія обихъ посланій къ Коринѳянамъ, даютъ два рода предположеній одинаково неудачныхъ. Одни, какъ Ейхгорпъ и Гофманъ, полагаютъ, что Тимоѳей дѣйствительно былъ въ Коринѳѣ, но опередилъ случайно первое посланіе къ Коринѳянамъ, оставилъ Коринѳъ прежде, чѣмъ прибыло туда это посланіе Апостола

¹⁾ Zeitschr. 4. 1866. Seit. 345.

и слѣдовательно онъ не могъ ничего сказать Павлу о дѣйствіи на Коринѳянь этого посланія ¹⁾. Но въ такомъ случаѣ отсюда же явилось у Апостола предположеніе, что его посланіе должно было придти въ Коринѳъ прежде Тимооея и почему, какъ справедливо замѣтилъ Гильгенфильдъ ²⁾, Апостолъ ничего не сказалъ во 2-мъ посланіи о такомъ странномъ приключеніи. Болѣе вѣроятнымъ кажется другое предположеніе ³⁾, которое выясняетъ, что Тимооей, будучи посланъ въ Коринѳъ апостоломъ, не достигъ Коринѳа, но изъ Македоніи по какимъ-то случайнымъ обстоятельствамъ, возвратился опять въ Павлу. Но этой гипотезѣ, при всей правдоподобности и легкости въ объясненіи, недостаетъ научной основы. Въ самомъ дѣлѣ, если Тимооей специально былъ посланъ въ Коринѳъ, если онъ назначенъ былъ туда для дѣла Господня, то какимъ образомъ онъ такъ небрежно могъ отнестись къ дѣлу; а если онъ задержанъ былъ чѣмъ нибудь на пути, то Ап. Павелъ не примуплъ бы выяснить это во 2-мъ посланіи въ Коринѳянамъ ⁴⁾. Въ виду такой несостоятельности въ объясненіи подлежащей трудности, Блекъ ⁵⁾ думаетъ рѣшить недоумѣніе предположеніемъ потеряннаго посланія; онъ пони-

1) Hoffmann. Die heilige Schrift. N Testm. II. B. a. d. Kor. 1866 s. 343.

2) Zeitschr. 1866 г. viert Heft S. 346.

3) Этого мнѣнія держатся Шмидтъ (Einl. 1 Seit. 240) — Бертольдъ (Einl. VI S. 3358) и др.

4) Мы оставляемъ въ сторонѣ еще одну теорію, которая совершенно не имѣетъ права на научную постановку дѣла. Это теорія Визелера (chronol. des. Apost. Zeitalt. s. 368 сл.), который думаетъ, что первая часть посланія нашего до 7-го включит. написана съ извѣстій Тимооея до прибытія Тита, послѣдняя же съ извѣстій Тита.

5) Joh. Jriedv. Bleeck. Einl. in. d. N. T. 1866 s. 404.

маеть дѣло такъ, что Тимошеей дѣйствительно былъ въ Коринѣ, по порученію Ап. Павла, съ первымъ посланіемъ въ Коринѣянамъ, и за тѣмъ, какъ предполагалъ апостоль, возвратился опять въ Ефесъ, что Павелъ вмѣсто Тимошеея отправилъ потомъ въ Коринѣ Тита съ новымъ порученіемъ и новымъ посланіемъ потеряннымъ для насъ. Мысль эта принятая Эвальдомъ и Гильгенфельдомъ, съ особливою силою развита въ послѣднее время ревностнымъ адвокатомъ потеряннаго посланія—теологомъ Клѣпперомъ. Въ трактатѣ: «Der verloren gegangenen Brief. d. Ap. Pauli an die Korinther» Клѣпперъ напрягаетъ всю силу своего ума, чтобы обосновать какъ можно прочтѣе мысль Блека. Тимофѣй, по миѣнію его, былъ посланъ въ коринѣскому обществу для того, чтобы лично поддѣрѣпить содержащіяся въ 1 посланіи наставленія и увѣщанія Апостола, чтобы довести эти наставленія до практическаго примѣненія и конкретнаго разъясненія. Онъ долженъ былъ замѣнить для Коринѣянъ отсутствующаго Павла въ судѣ надъ человѣкомъ, глубоко развращеннымъ, котораго Апостоль повелѣвалъ исключить изъ общества (1 Кор. 5, 1. 2). При такомъ назначеніи, Тимошеей, очевидно, вѣмогъ неглижировать своимъ дѣломъ, онъ долженъ былъ всѣми силами стараться выполнить дѣло Господне (16, 9). И Тимошеей дѣйствительно въ Коринѣ былъ свидѣтемъ дѣйствія посланія, прибывшаго туда, заботился, чтобы поддержать наставленія Апостола, высказанныя въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ о выполненіи строгаго церковнаго благочестія противъ кровосмѣсителя. Между тѣмъ его старанія и заботы оказались безплодными, его миссія — неудавшеюся. Грѣшникъ упорствовалъ въ преступленіи, общество потворствовало ему, увлекалась извращеннымъ понятіемъ свободы христіанской. Понятно послѣ этого какія извѣстія доженъ былъ Тимошеей принести Павлу. Если еще и въ то время, когда Титъ извѣстилъ Павла о религіозно—нравственномъ состояніи общества кор., положеніе дѣла было таково, что недавно только для поваго посланника стало замѣтнымъ обращеніе коринѣянъ отъ непо-

слушанія къ послушанію, то очевидно Тимошеей ничего другаго не могъ сообщить, какъ только то, что апостольское посланіе нашло себѣ въ большей части и даже у всѣхъ совершенно неблагопріятный приѣмъ, что наставленія и повелѣнія Апостола относительно кровосмѣсителя побудили противниковъ къ упорной оппозиціи и что онъ, Тимошеей, при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, немогъ достигнуть желаемого. Онъ былъ не безъ-страха въ Коринѣ (1 Кор. 16, 10); общество проводило его не съ миромъ, но отпустило его къ Ефесу съ жалобами, упреками и обвиненіями противъ Апостола. Что-же долженъ былъ сдѣлать Павелъ послѣ полученія такихъ печальныхъ извѣстій отъ Тимооея. Онъ естественно не могъ снова отправить въ Коринѣ Тимооея,—тѣмъ болѣе, что послѣ непріятнаго приѣма Коринѣянами, и самъ Тимооей едвали находилъ въ себѣ побужденіе къ призванію снова вступить на подрывную почву коринѣскаго общества. Апостолу П. конечно могла притти мысль самому отправиться въ Коринѣ, но опасеніе встрѣтить сильный отпоръ въ Кор. обществѣ съ одной стороны и не желаніе огорчить общество съ другой должны были удержать его отъ этого путешествія. Апостоль Павелъ былъ вынужденъ такимъ образомъ продолжить свои отношенія къ Коринѣянамъ другимъ путемъ, а не чрезъ личное посѣщеніе Ахайи. И этотъ путь былъ—отправленіе въ Коринѣ Тита. Но такъ какъ при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, нельзя было рассчитывать на дѣйствіе одного только слова Тита, Павелъ отправилъ и новое потерянное для насъ посланіе, въ которомъ вооружается какъ противъ невоздержавныхъ участниковъ кровосмѣсителя, такъ и противъ личныхъ своихъ противниковъ. Это посланіе и произвело то дѣйствіе, на которое намекаетъ наше 2-е посланіе къ Коринѣянамъ 1).

Нужно отдать полную справедливость ловкости и искусству, съ которыми Клѣпперъ комбинируетъ данныя настоящей

1) Klöpp, Der verlor. Br... S. 5—13.

теоріи. Но нельзя при этомъ не сознаться, что эта теорія объясненіемъ взятой трудности, при всей изворотливости и остроумности сочетанія фактовъ, отличается крайнею натянутостію и крайне гипотетическимъ характеромъ. Теорія эта выпускаетъ изъ виду самыя простыя соображенія. Если Тимоѳеи дѣйствительно былъ въ Коринѣхъ для того, чтобы придать болѣе силы и вѣсу апостольскимъ наставленіямъ и распоряженіямъ, то не понятно, какимъ образомъ Тимоѳеи долженъ былъ прибыть въ Коринѣхъ послѣ перваго посланія (ср. 1 Кор. 10, 4 17) послѣ того, какъ посланіе это могло уже произвести то или другое впечатлѣніе на общество. Теорія эта далѣе не выясняетъ достаточно основанія, почему первое посланіе къ Коринѣянамъ встрѣтило такой непріязненный пріемъ у нихъ и что могло возбудить сильную и упорную оппозицію противъ Павла и Тимоѳея? Ужели порицаніе кровосмѣшенія—этого порока неслыханнаго даже и у язычниковъ (1 Кор. 5, 1); ужели порицаніе беспорядковъ вечери любви, раздоровъ въ обществѣ и другихъ уклоненій отъ дисциплины христіанской?—Общество Коринѣское еще не такъ пало, чтобы дойти до крайняго абсурда въ нравственномъ отношеніи; если оно обращалось къ Апостолу за разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ,—какъ яденія идоложертвеннаго (гл. 8), брачнаго общенія съ язычниками (гл. 7) и др. вопросовъ; если далѣе Коринѣяне старались твердо держать наставленія Апостола (II, 2), то странно, какимъ образомъ посланіе, въ которомъ Апостолъ дѣлаетъ справедливыя порицанія, требуемыя объясненія и должныя наставленія, могло произвести сильный разрывъ общества съ Ап. Павломъ, вызвать жалобы на него и притевзанія на его строгость. Да если бы наконецъ, и согласиться съ мнѣніемъ Клѣппера,—что первое посланіе Павла произвело непріятное дѣйствіе на Коринѣянъ и миссія Тимоѳея осталась совершенно безуспѣшною,—то какъ же, спрашивается, могъ Павелъ, послѣ того какъ Тимоѳеи ни въ чемъ неуспѣлъ, послать къ Коринѣхъ Тита—этого еще менѣе извѣстнаго Коринѣя:

намъ мужа (ср. 2 Кор. 1, 19) какъ могъ онъ, послѣ того какъ и умѣренный тонъ его посланія вызвалъ непріязнь и оппозицію, писать въ Коринѣхъ болѣе строгимъ и рѣзкимъ тономъ? Отсюда совершенно непонятно то психическое состояніе, въ которое приверженцы потеряннаго посланія поставляютъ Коринѣское общество, -- не объяснимъ тотъ психическій переворотъ общества, который совершился предъ глазами Тита. Является въ Коринѣхъ Тимоѳей и первое посланіе съ легкимъ порицаніемъ и общество негодуетъ на Апостола, негодуетъ на своего учителя, который съ скорбью сердца дѣлаетъ вѣрующимъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній (1 Кор. 4 и 5 гл.); является Титъ съ рѣзкимъ и грознымъ словомъ Апостола, и общество въ страхѣ и трепетѣ отказывается отъ всего прошлаго, отъ своего негодованія и упрековъ противъ Павла. Очевидно, что вся эта теорія объясненія подлежащей трудности не разъясняетъ, а только запутываетъ дѣло, которое само собою будетъ понятно, если мы во всей связи рассмотримъ тѣ мѣста посланій къ Коринѣянамъ и книги Дѣян. Апост., въ которыхъ идетъ рѣчь объ этой миссіи Тимоѳея.

Въ 1 Кор. 4, 17 ст. Апостоль Павелъ заявляетъ Коринѣянамъ, что онъ отправилъ къ нимъ Тимоѳея, который долженъ былъ напомнить имъ о путяхъ его, какъ онъ училъ вездѣ и во всякой церкви. Прямой смыслъ этого мѣста, судя по связи рѣчи, тотъ, что Тимоѳей назначенъ былъ къ христіанамъ въ Ахаію, чтобы исполнить дѣло Господне, что онъ былъ посланъ прежде, чѣмъ отправлено было первое посланіе къ Коринѣянамъ ¹⁾. Но зналъ ли Тимоѳей о содержаніи перваго посланія къ Коринѣянамъ, и былъ ли исключительно назначенъ идти въ Коринѣхъ объ этомъ настоящее мѣсто ничего не говоритъ ²⁾. Напротивъ -- такъ какъ Апостоль говоритъ

¹⁾ За это послѣднее говоритъ глаголь ἐπεμψα (1 Кор. 7. 17).

²⁾ Противъ Клоппера стр. 6.

объ этой миссіи Тимоѳея прежде разъясненія вопросовъ Кор. общества, — вслѣдствіе которыхъ, какъ отвѣтъ является первое посланіе къ Кор., — то можно съ вѣроятностію заключить, что Тимоѳея былъ отправленъ Апостоломъ, въ Европу, — къ христіанамъ прежде, чѣмъ родилась въ головѣ Апостола мысль писать къ Коринѳянамъ первое посланіе, когда онъ имѣлъ еще только частныя свѣдѣнія о несогласіяхъ въ Коринѳѣ. Сравненіе же настоящаго мѣста съ 10 ст. 16 гл. 1 Кор. ясно говоритъ, что Тимоѳея не былъ спеціально посланъ въ Коринѳѣ, къ тамошнему только обществу, а былъ отправленъ ко всѣмъ европейскимъ христіанамъ, чтобы воспроизвестъ съ новою силою затемнявшіяся начала христіанства. Онъ былъ отправленъ въ Македонію и Ахайскія церкви ¹⁾, подобно Титу, — возобновить забытое и исправить недоконченное. Апостоль предвидѣлъ даже, что Тимоѳею придется долго задержаться въ Македоніи и другихъ мѣстахъ, и что онъ, быть можетъ, даже не достигнетъ до Коринѳа. Вотъ почему Апостоль и употребляетъ условность выраженія гл. 16. 10 ст., гдѣ рекомендуетъ Коринѳянамъ приемъ Тимоѳея въ словахъ: — *ἔαν δὲ ἐλθῆ Τιμόθεος...* Очевидно, еслибы Апостоль прямо послалъ Тимоѳея въ Коринѳѣ, если бы онъ былъ увѣренъ въ томъ, что послѣдній непременно достигнетъ Коринѳа, то онъ не выразился бы такъ, «если придетъ Тимоѳея». — Предположеніе это, что Тимоѳея не былъ прямо и исключительно назначенъ въ Коринѳѣ — получаетъ всю силу несомнѣннаго положенія, если обратить вниманіе на одно мѣсто изъ кн. Дѣяній Апостольскихъ 19, 22 ст, гдѣ писатель этой книги передаетъ, что послѣ того какъ слово Божіе обильно возросло и укрѣшилось въ Малой Азіи, Павелъ положилъ въ духъ, прошедши Македонію и Ахаію, идти въ Коринѳѣ; «пославъ же, прибавляетъ авторъ, два отъ служащихъ ему Тимоѳея и Эраста, самъ пребыста время въ Азіи». Фактъ этотъ относит-

¹⁾ Срав. 1 Кор. 4, 17. Дѣян. 19, 22 — Посл. къ Титу 1, 5

ся ко времени между рѣшимостію Павла итти въ Македонію и Ахайю и выполненіемъ этой рѣшимости послѣ бунта Димитрія Среброковача (Дѣян. Апост. 19, 23 гл.). А такъ какъ намѣреніе Павла итти въ Азію чрезъ Македонію обусловливалось неприятными изъ Коринѳа извѣстіями о нарушеніи христіанской дисциплины (1 Кор. 5, 1) и созрѣло прежде написанія Коринѳянамъ перваго посланія, когда Павелъ имѣлъ только частныя свѣдѣнія о Коринѳскихъ безпорядкахъ, то можно положительно утверждать, что случай отправленія Тимоѳея и Эраста въ Македонію падаетъ какъ разъ на время, о которомъ упоминаетъ 1 Кор. 4, 17 т. е. на время около написанія перваго посланія къ Коринѳянамъ,¹⁾ когда Павелъ уже рѣшилъ въ духѣ итти въ Коринѳъ чрезъ Македонію (1 Кор. 16, 5). Тимоѳей по этому специально былъ посланъ въ Македонію, путешествіе же въ Азію зависѣло отъ его личнаго благоусмотрѣнія и расположенія. И вотъ когда Тимоѳей узналъ въ Македоніи, что въ Азію посланъ Титъ и что онъ Тимоѳей почему-то особенно нуженъ Павлу (1 Кор. 16, 11), возвратился изъ Македоніи въ Ефесъ. Очень можетъ быть даже, что Титъ, отправившійся по дѣлу о милостыни въ Коринѳъ, дорогою догналъ Тимоѳея и что послѣдній, считая свою миссію въ Коринѳъ лишнею, возвратился изъ Македоніи къ Павлу, который ожидалъ его. Вотъ почему Апостоль въ 2 Кор. 12, 17 не упоминаетъ о Тимоѳѣѣ, а говоритъ только о Титѣ, который, какъ даютъ право заключать нѣкоторыя соображенія, былъ отправленъ Павломъ съ первымъ посланіемъ въ Коринѳъ для того, чтобы имѣть наблюденіе за дѣйствіемъ этого посланія и лично выполнить то дѣло, о которомъ упоминаетъ Апостоль въ 1 Кор. 16, 1 ст. Понятно отсюда, почему въ настоящемъ мѣстѣ Апостоль такъ коротко

¹⁾ Противъ Блека (Einl. стр. 406), который относитъ этотъ фактъ ко времени послѣ возвращенія Тимоѳея изъ Кор. и послѣ написанія перваго посланія къ Кор.

дѣлаетъ распоряженіе относительно сбора милостыни въ Коринѣ; очевидно, здѣсь онъ имѣетъ въ виду болѣе подробныя для Коринѣянъ свѣдѣнія объ этомъ въ личныхъ наставленіяхъ Тита — этого вѣрнаго своего сотоварища и сотрудника (2 Кор. 8, 23). Что Титъ дѣйствительно въ подобной роли путешествовалъ съ посланіемъ въ Коринѣ — это ясно изъ II Кор. 8, 6. 10: 9, 2. Здѣсь Апостолъ приписываетъ Титу начало сбора въ Коринѣ милостыни въ пользу бѣдныхъ святыхъ Иерусалима. Между тѣмъ начало этого сбора или лучше приготовленіе къ нему относится къ году, предшествующему написанію нашего втораго посланія (8, 10; 9, 2), — что совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Коринѣяне получили отъ Павла первое посланіе. Посланіе это, заключавшее въ себѣ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ недоразумѣній Коринѣянъ и справедливыя порицанія, естественно могло вызвать въ Коринѣянахъ скорбное чувство сожалѣнія о содѣянномъ прошедшемъ и опасеніе вызвать болѣе строгое слово Апостола. Такъ мы и видимъ, что Коринѣяне встрѣтили Тита, какъ посланника Павла, „со страхомъ и трепетомъ“ (2 Кор. 7, 15). Представленіе порока, неслыханнаго даже у язычниковъ, скрытаго при томъ отъ Апостола (такъ какъ Павелъ узналъ объ этомъ не отъ посланныхъ общества, а частнымъ образомъ: — «отнынѣ слышится въ васъ блужденіе»...), безпорядки вечери любви др. безпорядки натурально вызывали въ сознаніи Коринѣянъ глубокое чувство скорби и раскаянія въ содѣланномъ, боязнь и трепетъ предъ авторитетнымъ словомъ Апостола, глубоко огорченнаго безнравственными поступками нравственно рожденныхъ имъ дѣтей.

Странно было бы предполагать въ Коринѣянахъ равнодушіе и тѣмъ болѣе негодованіе на слово Апостола (1 посл. Кор.), полное отеческой сборби, печали и оскорбленной любви. И однакожъ ревностные приверженцы потеряннаго посланія стараются выдвинуть противъ непосредственнаго отношенія посланій то возраженіе, что въ первомъ посланіи къ Ко-

рипянамъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то печальное состояніе Павла и общества, на которое указываетъ 2 Кор. 2, 2. 3. 4. «Отъ печали бо многія и туги сердца написахъ вамъ многими слезами», замѣчаетъ Апостоль о предъидущемъ своемъ посланіи.

Но кто можетъ подумать, спрашиваетъ знаменитый Тюбингенскій критикъ, чтобы Павелъ написалъ наше первое посланіе съ великою тѣсною сердца, со многими слезами¹⁾. «Гдѣ же, восклицаетъ Гетингенскій Теологъ Клопперъ, во 2 пос. Коринѳянамъ тѣ мѣста, которыя бы говорили объ этомъ внутреннемъ огорченіи и растворяющемся въ слезахъ уныніи. И чѣмъ, во время написанія нашего перваго посланія Кор., Апостоль долженъ быть приведенъ къ этому тѣсному, печальному настроенію, доходящему до изліянія его въ слезахъ?... Мы видимъ, заключаетъ долгій рядъ восклицаній Клёпперъ, что во 2 Кор. 2, 4 встрѣчаемое нами положеніе Павла со всѣмъ не то, изъ котораго проистекаетъ первое посланіе, но этимъ положеніемъ обуславливается другое, потерянное для насъ посланіе Павла къ Коринѳянамъ»²⁾.

Правда Апостоль Павелъ въ 1 Кор. не высказывается прямо относительно этого печальнаго и скорбнаго настроенія своего, но это само собою слѣдуетъ изъ представленія того отношенія, которое было между Апостоломъ и обществомъ само собою понятно, какъ тяжело и мрачно отзывались въ душѣ сердобольнаго Апостола тѣ нравственныя неровности, которыя такъ замѣтно начинали выступать въ общинѣ Коринѳской (2 г. 4 и 5). Излишне было бы Апостолу даже и высказывать предъ Коринѳянами такое внутреннее настроеніе, и безъ того понятное само собою. И если Апостоль выясняетъ это основаніе во 2 посланіи Коринѳ. (2 Кор. 2, 4 ср. 7, 11, 12), то только для того, чтобы опровергнуть ложное

¹⁾ Dr. Hilgenfeldl. Zeitschr. 1866. IV. S. 346.

²⁾ Klöpp. unters... S 18—20.

пониманіе его противниками, которые говорили, что онъ строгъ въ посланіяхъ ¹⁾. Почему Апостолъ и раскрываетъ предъ обществомъ, какъ дорого стоить ему всѣ порицанія, сколько внутреннихъ тревогъ и волненій переживаетъ онъ при каждомъ упрекѣ, каждомъ замѣчаніи обществу.

При этомъ, если внимательнѣе прислушаться къ самому тону перваго посланія, нельзя не узнать въ немъ того болязненно печальнаго настроенія, которое раскрывается въ 2 Кор. 2, 3 и 4 ст. Этотъ тонъ особенно ясно звучитъ въ той части перваго посланія, которая составляетъ какъ бы вступленіе къ отвѣтамъ Павла Коринѣскому обществу (съ 1 по 5 гл.). Здѣсь особенно ярко выступаетъ предъ нами гл. 3, 4 и 5, гдѣ Апостолъ порицаетъ дѣленіе Коринѣскаго общества на партіи (гл. 3), его пресыщеніе духовными дарами (гл. 4) и въ особенности выдающійся нравственный упадокъ въ половомъ отношеніи (гл. 5). Въ 3 гл. Апостолъ представляетъ себя, какъ заботливую мать, которая съ искреннимъ чувствомъ материнской любви внимательно слѣдитъ за тѣмъ, какою пищу полѣзнее и лучше всего дать дитяти (ст. 2). Апостолъ Павелъ поставляетъ общество на точку дитяти, живущаго еще плотію и неразвившагося еще духовно (ст. 3) и этимъ дѣтскимъ состояніемъ его заранѣе какъ бы хочетъ извинить пагубный духъ раздѣленій у Коринѣянъ. Онъ порицаетъ Коринѣянъ за эти раздѣленія, но тутъ же какъ бы старается загладить этотъ недостатокъ, когда причину этихъ раздѣленій поставляетъ въ томъ, что Коринѣяне еще плотскіе люди, что они не успѣли еще окрѣпить духовно, не успѣли еще усовершиться въ нравственно христіанской жизни. Очевидно, Павлу тяжело было согласиться съ сознательнымъ упадкомъ Коринѣскаго общества, съ его зрѣлымъ уже духомъ раздѣленій, и онъ думаетъ найти для него оправданіе въ нравственно-дѣтскомъ еще состояніи общества, въ его еще несозрѣв-

¹⁾ 2 Кор. 10, 10.

шей новой религиозной жизни. Разсматривая далѣе пристрастный взгляд этотъ на личности (4, 5), страсть раздѣленій по авторитетамъ тѣхъ или другихъ проповѣдниковъ, Апостоль еще съ болѣе замѣтнымъ внутреннимъ стѣсненіемъ сердца разсматриваетъ раннее неосмышленное пресыщеніе духовными дарами, изъ котораго родилось горделивое превозношеніе однихъ предъ другими вообще и въ частности надъ проповѣдниками. «Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать безъ насъ», говоритъ Апостоль (4, 8) и вслѣдъ за тѣмъ съ живѣйшимъ и полнымъ любви сочувствіемъ восклицаетъ: «О если бы вы и въ самомъ дѣлѣ царствовали, чтобы и намъ съ вами царствовать». Сколько здѣсь нѣжно-отеческаго чувства, сколько нравственно тяжелой борьбы между чувствомъ состраданія и чувствомъ долга, между порицаніемъ и желаніемъ смягчить тягостный для общества приговоръ! Это особенно замѣтно въ дальнѣйшемъ теченіи мысли Апостола. Въ ст. 9 и слѣд. Павелъ раскрываетъ предъ Коринѳянами всѣ заботы и труды, которые онъ понесъ ради ихъ (ст. 12), осужденія и порицанія, которымъ онъ подвергался у нихъ (ст. 10, 13), невниманіе ихъ къ его заботамъ (ст. 11) и при этомъ тутъ же выражаетъ тотъ мотивъ, которымъ былъ вызванъ этотъ упрекъ Апостола: «Не срамляя васъ, говоритъ онъ, пишу сія, но яко же чада моя возлюбленная наказую» (14). Въ чемъ можно еще нагляднѣе выразить скорбно-печальное состояніе духа Апостола, какъ не въ этомъ полномъ жизни сравненіи его съ отцемъ, а общества съ дѣтьми. Какое чувство возбуждаютъ въ отцѣ проступки дѣтей?—Конечно не ожесточеніе противъ нихъ, но скорбь и сожалѣніе, чувство печали и желаніе исправленія. Это же самое чувство овладѣло и Апостоломъ, когда онъ высказалъ упрекъ Коринѳскому обществу (4, 8—13). Если теперь мы сравнимъ это состояніе духа Апостола съ тѣмъ, какъ оно изображается во 2 Кор. 2, 4 ст., то мы будемъ поражены сходствомъ картины. Въ томъ и другомъ случаѣ

одно и тоже тяжелое, мрачное настроеніе духа Апостола, здѣсь и тамъ одинъ и тотъ же мотивъ порицаній—чувство любви къ обществу: «отъ печали бо многія и туги сердца написахъ вамъ... не яко да оскорбистеся, но любовь да познаете, юже имамаъ избыльно къ вамъ» (2 Кор. 2, 4).—Этотъ же самый мотивъ и тоже самое болезненно-тяжелое настроеніе духа Апостола, которые выступаютъ предъ нами въ 1 Кор. 4; 14, лежатъ и на самомъ важномъ порицаніи разнузданной чувственности, до которой дошло Коринфское общество и которую изображаетъ Апостоль въ 1 Кор. 5 гл., Апостоль даже непосредственно послѣ порицаній въ 4 гл. переходитъ на этотъ выдающійся фактъ Коринфской жизни—непосредственно, очевидно въ одномъ и томъ же печальномъ уныніи, растворяемомъ въ слезахъ. За такое расположеніе духа Апостола говорить ясно тотъ родъ и образъ, въ которомъ Павелъ высказывается относительно Коринфскаго кровосмѣсителя и съ которымъ порицаетъ его. Апостолу, какъ видно, тяжело было даже именовать виновныхъ, тяжело было подробно говорить объ этомъ поступкѣ кровосмѣсителя; поэтому онъ ограничивается однимъ только намекомъ: отнюдь слышится въ васъ блуженіе... (5, 1). Фактъ былъ до того возмутителенъ для неиспорченнаго нравственнаго чувства, что долженъ былъ вызвать скорбь и слезы каждой несожженной совѣсти: такъ, что Апостоль былъ сильно изумленъ, когда узналъ, что общество (быть можетъ страшившееся обнаружить такой поступокъ предъ Апостоломъ) до сихъ поръ еще терпѣло преступника: „и вы разгордесте, говорить бл. Павелъ, и не паче плакасте, да измется изъ среды васъ содѣявый злое“. Нужно быть слишкомъ слѣпымъ, чтобы не узнать въ этихъ словахъ всей горечи, которая должна была наполнить сердце бл. Павла. Если Апостоль Павелъ считалъ слезы общества очень естественнымъ результатомъ глубоко оскорблявшаго всѣхъ поступка,—если Павелъ считалъ натурально необходимымъ это для другихъ менѣе озабоченныхъ

нравственностію ближняго сочленовъ, — то что же мы должны предположить въ это время въ сердцѣ самаго Павла, принесшаго столько трудовъ и безпокойствъ на алтарь спокойствія и нравственной чистоты общества; какое состояніе мы должны читать въ душѣ этого божественнаго мужа, — жаркаго поборника евангельской истины, ревностнаго охранителя нравственности общества, сердобольнаго отца вѣрующихъ дѣтей!! Не шумѣла ли въ душѣ его бурная волна негодованія и досады на преступника и терпѣвшихъ его! не разбивалась ли эта волна о вѣчно непоколебимое въ Апостолѣ чувство любви и сожалѣнія къ преступнику, не сокрушалась ли она при этомъ твердою надеждою Апостола на скорый лучъ свѣта, который долженъ былъ разогнать мракъ общества (2 Кор. 2, 9). И эти быстро мѣнявшіяся чувства Апостола должны были, естественно, разрѣшиться съ одной стороны въ рѣзкомъ судѣ надъ кровосмѣшителемъ. — „Предать таковаго сатанѣ во изможденіе плоти“. (1, 55), — а съ другой въ отечески благожелательной просьбѣ: — „очистите убо ветхій квасъ“ (5, 7), и въ великой скорби, изливающейся въ слезахъ: „Отъ печали бо многія и туги сердца написахъ вамъ многими слезами“ (11. 2, 4).

Для насъ такимъ образомъ представляется, при написаніи перваго посланія Коринѣянамъ, очень естественнымъ то состояніе бл. Павла, которое онъ изображаетъ во 2 посланіи (2 гл. и 7) и не представляется никакой необходимости вводить между этими посланіями посредствующую ступень. Эта послѣдняя мысль получить еще большую устойчивость, если разсмотрѣть выдающійся безнравственный фактъ Коринѣской жизни съ другой стороны, — именно, какъ могло отнестись къ пороку кровосмѣшенія Кор. общество и какъ оно дѣйствительно посмотрѣло на него.

(Продолженіе будетъ).

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ АП. ПАВЛА КЪ КОРИНӨЯНАМЪ.

(Продолженіе).

Слишкомъ не натурально представляютъ дѣло древніе толковники — Златоустъ, Теодоритъ, которые утверждаютъ, что коринөяне будто хвалились грѣшникомъ и имѣли его въ числѣ учителей церковныхъ. Нѣкто, жившій съ мачихою, замѣчаетъ Златоустъ не только не былъ укоряемъ, но даже управлялъ народомъ и внушалъ ему высокомеріе¹⁾, такое пониманіе дѣла совершенно парализуется взглядомъ на кровосмѣшеніе Іудеевъ и язычниковъ вообще и коринөскихъ христіанъ вчастности. Нечего говорить уже о томъ, какъ строго смотрѣли Іудеи на подобнаго рода преступленія. Если простое прелюбодѣяніе наказывалось у нихъ смертною казнью (Іоан. 8, 4), то еще съ большею строгостію долженъ былъ преслѣдоваться грѣхъ кровосмѣшенія. И законъ Моисеевъ, какъ выраженіе закона божественнаго, прямо заповѣдуетъ подвергать проклятію и смертной казни обоихъ виновныхъ въ подобныхъ преступленіяхъ (Второз. 27, 20)²⁾. „Иже аще пребудеть съ женою отца, срамоту отца своего открылъ есть, смертію да умрутъ оба, повинни суть“. Очевидно, что при такой строгости закона и скрупулезной точности исполненія его іудее — христіане, дорожившіе Моисеевымъ закономъ и послѣ обращенія своего, не могли сочувственно отнестись къ Коринөскому кровосмѣсителю и скорѣе могли стать на сторону Ап. Павла. Съ этимъ согласны даже и тѣ которые настаиваютъ на оппозиціонномъ отношеніи Коринөскаго общества къ Павлу, по поводу порицанія имъ

¹⁾ Златоустъ. Толков. на 1 Кор. 7. 2 стр. 147 ст. также

Теодорит. толк. на 1 Кор. ч. 7 стр. 198.

²⁾ Сравн. Лев. 18, 8; 20, 11; Быт. 35, 22; Іезек. 22, 10, 11; 2 Цар. 13, 12.

кровосмѣсителя. Клѣпперъ ¹⁾ изъ этой оппозиціонной партіи прямо исключаетъ іудее христіанскую партію, которая одна-кожъ, по мнѣнію Гильгенфельда, была самою враждебною партіею противъ Павла ²⁾.

Едвали и язычники снисходительно смотрѣли на подобныя безнравственныя дѣйствія. Если обойти пока замѣчаніе Ап. Павла (1 Кор. 5, 1), который считаетъ этотъ порокъ—кровосмѣшенія неслыханнымъ у язычниковъ, свидѣтельства языческихъ писателей не оставляютъ ни какаго сомнѣнія въ томъ, что кровосмѣсительныя нарушенія нормальныхъ половыхъ отношеній, по одному уже естественному чувству, возбуждали глубокое отвращеніе и, полное горечи, сожалѣніе. Это особенно слышится въ словахъ Сенеки, которыя онъ влагаеть въ уста кормилицы Федры, порицавшей послѣднюю за ея ложныя безнравственныя отношенія къ своему пасынку Ипполиту: „Compresce amoris impii flammam, precor, nefasque quod nonnulla tellus barbava commisit unquam, non vagus sam pis geta, non inhospitalis Taurus, aut sparsus Scylhes“ ³⁾. Еще ярче выступаетъ сознаніе безнравственности кровосмѣшенія у другаго языческаго писателя—Цицерона, который, говоря о преступной связи матери Авитія Мелена съ ея названымъ сыномъ, съ содраганіемъ сердца восклицаетъ: „Mulieris scelus incredibile et praeter hanc unam in omni vita inauditam; o libidinem effrenatam et indomitam“ ⁴⁾ „O audaciam singularem“ ⁴⁾ Мать Нерона женщина распутной нравственности, съ презрѣніемъ отталкиваетъ отъ себя постыдную любовь своего сына. ⁵⁾ Нельзя пред-

¹⁾ Klopp. Inters... s. 23.

²⁾ Hilgenf. Zeitschr. 1866. 4. s. 341.

³⁾ Senec in Hippolit p. 164.

⁴⁾ Cicero. Or. pro Clunio. 5. 6.

⁵⁾ Отечеств. записки 1872 года см. Сентяб. изъ поэмы: „Агасферъ въ Римѣ“ — Роберт. Гамерлинга перев. Миллера.

полагать, чтобы и Коринское общество вообще и Коринские христіане — язычники в частности благосклоннѣе относились къ такому безнравственному поступку, какъ кровосмѣшеніе. Правда, что жизнь Коринянъ, по своей утонченности и безнравственности, далеко превосходила жизнь другихъ народовъ; едвали еще можно указать на другое какое общество, которое отличалось бы такою распущенностію въ нравственномъ отношеніи, какъ общество Коринское. Центральное положеніе Коринѳа между морями — Егейскимъ и Іонійскимъ, — при двухъ знаменитыхъ гаваняхъ — Кенхрейской и Лихейской — доставляло жителямъ его обильныя и разнообразныя богатства. Эти богатства, дававшія возможность удовлетворять самымъ разнообразнымъ потребностямъ, и постоянной приливъ всякихъ иноземцевъ внесли съ собою въ Коринѳъ всесвѣтное развращеніе и чрезвычайную испорченность нравовъ. Не мудрено, что здѣсь съ особенною силою было развито и служеніе Афродитѣ (Римск. Венерѣ) ¹⁾. Блудодѣяніе было здѣсь дѣломъ священнымъ и распутство доходило здѣсь до крайнихъ границъ: такъ что слово „*κορυνθιαζειν*“ вошло въ пословицу, какъ выраженіе роскошной и необузданно-распутной жизни ²⁾ Однакожь и здѣсь еще далеко было до того, чтобы считать обычнымъ дѣломъ оскверненіе ложа матери распутнымъ сыномъ. За это яснѣе всѣхъ другихъ свидѣтельствъ говоритъ замѣчаніе апостола (5. 1), который порокъ кровосмѣшенія называетъ неслыханнымъ даже у язычниковъ: „*η τις ουδε εν τοις εθνεσιν ονομαζειται*“. Если же у язычниковъ этотъ порокъ не пользовался терпимостію, то тѣмъ болѣе нѣтъ никакого основанія предполагать въ христіанахъ — язычникахъ болѣе

¹⁾ Curtius. 2, p. 534. Подробныя свѣденія объ исторической жизни Коринянъ см. у профес. Голубева: Обзоръ 1 посл. Кор. ап. Пав. СПб. 1861 стр. 27—50.

²⁾ Ad. Bagienski. Introd. histor—crit in libr. sacr. N. T. p. 127 Vilna 1844.

списходительнаго взгляда на подобнаго рода преступленіе. Напрасно бы мы стали искать этой списходительности въ извращенномъ взглядѣ Кор. христіанъ на свободу, въ ихъ крайнемъ либерализмѣ, въ сочувствіи грѣшнику нѣкоторыхъ сильно эманципированныхъ въ половомъ отношеніи, какъ этого хотятъ Блекъ и Клѣпперъ ¹⁾. Тѣ мѣста, которыя приводятся этими учеными въ подтвержденіе ихъ взгляда, не даютъ твердой точки опоры для указаннаго предположенія. Сюда принадлежатъ 1 Кор. 3, 16 и 17; 5, 1. 9—11; 6, 19; 2 Кор. 12, 21; но эти мѣста говорятъ только за то, что Коринѣское христіанское общество, привычное къ чувственной распущенности и нравственной разнузданности въ язычествѣ, еще не успѣло на первыхъ порахъ оклиматизироваться въ христіанствѣ и отнюдь однакожь не даютъ ни какаго основанія къ тому предположенію, что нравственныя безобразія Коринѣянъ въ половомъ отношеніи сознательно и преднамѣренно постулировались хр. обществомъ или большинствомъ коринѣскихъ христіанъ. По этому совершенно основательно возражаетъ противъ Кленцера Гильгенфельдъ: „Какъ могли имѣть значеніе въ христіанской общинѣ такія безнравственныя правила и требованія, которыя бы поощряли преступленія кровосмѣшенія“ ²⁾. Нужно въ самомъ дѣлѣ допустить высшую степень нравственной развращенности Кор. христіанскаго общества, между тѣмъ какъ общество это не было такъ низко въ нравственномъ отношеніи, какъ его обыкновенно представляютъ. Можно согласиться, что нѣкоторые отдѣльные члены кор. христіанской общины предавались еще грубымъ плотскимъ страстямъ со всею необузданностію прежней языческой жизни (2 Кор. 12, 21), но то были исключительные

¹⁾ Blek. Stud. u. kritik. 1830 I. 630; Klöpp. untersuch. nb. d. zweit. Br. d. Ap. P. and. gem. zu Kor. Gotting 1869. I. 22. Голуб. Обзоръ 1 Кор. стр. 138.

²⁾ Zeitschr. für. Theolog. A. Hilgenf. 1871 erst. heft. — Paulus und. d. Kor Wirren. I. 104.

примѣры невождержности, свидѣтельствующіе съ одной стороны только о человѣческой обычной слабости коринѣскихъ христіанъ, съ другой—о томъ, „что въ семьѣ не безъ урода“. Общество же во всей совокупности представляло примѣръ нравственнаго ригоризма, доходящаго до аскетизма. Этотъ ригоризмъ у большинства коринѣскихъ христіанъ особенно сказанъ въ половомъ отношеніи: такъ что общество добровольно вызывалось не казаться совершенно женщины (1 Кор. 7, 1). Говоримъ—„у большинства“, такъ какъ это желаніе является предъ нами, какъ письменное заявленіе коринѣскихъ христіанъ, которое естественно могло быть сдѣлано отъ большинства, а не отдѣльными только индивидуумами. Это же письменное заявленіе, высказанное кор. христіанами, даетъ право предполагать, что общество рѣшилось положительно и формально оставить прежнія непотребныя дѣйствія, которыя причинили столько печали и огорченій бл. Павлу (Ср. 2 Кор. 12, 21, 13, 2). Возможно ли при такомъ положеніи сомнѣніе относительно удаленія изъ общества кровосмѣсителя!! Да и кто могъ возвысить въ этомъ дѣлѣ голосъ противъ законнаго требованія апостоламъ? Партія Петрова и Христова, какъ уже замѣчено выше, не могла очевидно сочувствовать кровосмѣсителю; тѣмъ менѣе могла это сдѣлать партія Павла, такъ ревностно преданная своему учителю и послушная его слову. Остается одна только партія Апполоса. Но нельзя и отъ нея ожидать оппозиціоннаго отношенія въ этомъ дѣлѣ къ Павлу. Ея взглядъ на дѣло существенно не отличался отъ взгляда партіи Павловой и только одна приверженность къ внѣшнему краснорѣчію и мудрствованію по плоти ослабляла ее¹⁾. Нѣтъ по этому никакого основанія предполагать упорное противленіе кор. христіанскаго общества въ исполненіи требованія апостола относительно наказанія кровосмѣсителя. Напротивъ самымъ естественнымъ результатомъ апостольскаго слова являются тѣ, готовые на все скорбныя чувства об-

¹⁾ О различіи партіи Павла и Апполоса будетъ рѣчь ниже.

щества, которыя передаетъ намъ апостолъ Павелъ во 2 Кор. 7, 11: Ἰδοὺ γὰρ αὐτὸ τοῦτο, τὸ κατὰ Θεὸν λυπηθῆναι ὑμᾶς, πρὸς ἡν κατειργάσατο ὑμῖν σπουδὴν, ἀλλ, ἀπολόγιαν, ἀλλ ἀγανάκτησιν, ἀλλὰ φόβον... И т. д. ¹⁾ Очевидно, такія чувства могли толь-

¹⁾ Нашъ русскій переводъ настоящаго стиха довольно значительно расходится съ подлинникомъ. Въ немъ совершенно произвольно къ слову ἀγανάκτησιν — негодование прибавлено слово „виновника“. При томъ упущень самый оттънокъ мысли чрезъ свободный перифразъ, именно упущено усиленіе ἀγανάκτ., φόβον... чрезъ ἀλλά. Между тѣмъ усиленіе это играетъ важную роль въ опредѣленіи психическаго настроенія коринѣскаго общества, въ пользу порицанія апостоломъ кровосмѣсителя. Именно упрекъ апостола вызвалъ въ коринѣской общинѣ не только тщаніе надъ собою, но даже отвѣтственность, негодование (на преступленіе) и т. д. Такъ сильно подѣйствовало на коринѣянъ слово Павла, такъ рѣзко возмущало ихъ преступленіе! Такое психическое настроеніе коринѣянъ будетъ понятно только тогда, если мы допустимъ прямое непосредственное дѣйствіе слова апостола; иначе намъ будетъ совершенно необъяснимъ тотъ нравственный переворотъ отъ упорства къ раскаянію, на которомъ такъ настаиваютъ Блекъ (stud u krit 1830 s. 631) и Клѣпперъ (unters. s. 13). Вотъ почему Гильгенфельдъ (Zeitschr. 1866 s. 348), чтобы быть послѣдовательнымъ въ отношеніи психологич. анализа нравственнаго состоянія корин. общины, долженъ былъ отвергнуть общее убѣжденіе, что въ означенномъ мѣстѣ—2 кор. 7, 11 и 12 ст. — идетъ дѣло о кровосмѣсителѣ, и поставить на его мѣсто новое предположеніе, хотя нужно сознаться, оч. шаткое. Гильгенфельдъ хочетъ видѣть здѣсь упорнаго личнаго противника Павла. Подъ ἀδικῆσαντος онъ разумѣетъ оскорбившаго противника Павла. Но такого предположенія нельзя здѣсь допустить уже по самому филоло-

ко быть плодомъ незагрубѣло сердца и незакоснѣлой нравственности, а отнюдь не результатомъ внутренняго переворота; онѣ уже крылись въ предварительной подготовкѣ общества послушнаго слову апостола, и всегда готоваго повиноваться ему. Надежнымъ ручательствомъ за это служатъ та увѣренность и та надежда, съ которыми апост. Павелъ от-

гическому значенію словъ, употребленныхъ въ данномъ мѣстѣ. Противъ этого говоритъ а) глаголъ *ἀδικέω* — оскорбляю, который, по справедливому замѣчанію Михаелиса (Mich. Einl. in d. N. T. s. 1026; ср. Обзор. посл. ап. Павл. къ кор. стр. 147 Пр. Голуб.), и классическіе писатели употребляли въ судебномъ мѣстѣ объ оскорбленіи супружскаго права, — б) также прилагательное *ἀγνοῦς*, которое имѣетъ значеніе чистоты и непорочности. На этомъ же основаніи нельзя здѣсь разумѣть и личнаго оскорбленія Павла кровосмѣсителемъ, какъ предполагаетъ Блекъ (Einleit. s. 403). Напротивъ такое значеніе глагола и прилагательнаго заставляеть вслѣдъ за Мейеромъ (Handbuch. s. 145) de Wetste (Comment in d. zw. Kor. Br. s. 235) и Ланге (Bibel Werk. s. 358) признать справедливость свидѣтельства Теодорита (Твор. бл. Теодор. 7. 1861 въ русск. пер. стр. 339), который подъ *ἀδικήσαυτος* разумѣетъ самаго грѣшника, а подъ *ἀδικήθευτος* — оскорбленнаго отца его. Это и требуетъ и самое отношеніе причастій дѣйствительнаго и страдательнаго (Hofmann. D. Heil. schrift 3 s. 199). Что же касается до того, что въ 1 кор. 5, гл. не говорится ничего объ этомъ оскорбленіи отца, — это еще не можетъ служить возраженіемъ въ настоящемъ случаѣ: такъ какъ порицаніе и требованіе наказанія преступника содержало уже въ себѣ *re ipsa* удовлетвореніе оскорбленнаго отца. При томъ, какъ справедливо замѣчаетъ Ланге, тамъ (въ 1 кор.) ее было и повода къ такому упоминанію объ отцѣ грѣшника.

носится къ коринѣ., отправляя къ нимъ Тита и первое каноническое посланіе. Эта надежда и увѣренность высказываются въ той похвалѣ, которую онъ сдѣлалъ о нихъ Титу, (2 кор. 7, 14): «яко еще что ему (Титу) похвалихся не посрамляясь». Эта похвала, какъ видно изъ связи рѣчи, касалась коринѣянъ по дѣлу кровосмѣсителя. Въ то время, какъ Титъ, незнакомый хорошо съ духомъ коринѣянъ, опасался за успѣхъ дѣла, Ап. Павелъ убѣждалъ его съ увѣренностію въ томъ, что коринѣяне послушны его слову, что они не настолько еще пали, чтобы упорствовать въ подобномъ поступкѣ, какъ кровосмѣшеніе, — и эту похвалу, замѣчаетъ апостоль, коринѣяне оправдали самымъ дѣломъ. Ревность Коринѣянъ по бозѣ, негодование на преступника, боязнь и страхъ предъ Апостоломъ въ силу того, что такъ долго терпѣли преступленіе, наказаніе виновнаго и желаніе исправиться — вотъ прямой и непосредственной результатъ замѣчанія Апостола относительно кровосмѣсителя, тотъ именно, результатъ, который мы встрѣчаемъ во 2 посл. Ап. Павла къ Коринѣ 1). Можно послѣ этого съ увѣренностію сказать вмѣстѣ съ Гофманомъ 2), что между существующими теперь посланіями Ап. Павла къ Коринѣянамъ ничего не лежитъ болѣе, какъ только дѣйствіе перваго и личныя свѣдѣнія объ этомъ Тита. Это не предположеніе а фактъ, который получить всю силу достовѣрности, если мы еще рассмотримъ одинъ случай изъ результатовъ дѣйствія на Коринѣское общество перваго каноническаго посланія.

Во 2 Коринѣ. 1, 15 Апостоль Павелъ отклоняетъ отъ себя упрекъ со стороны противниковъ, по поводу измѣненія имъ плана путешествія, предположеннаго, какъ утверждаютъ многіе ученые, въ первомъ потерянномъ для насъ посланіи 3).

1) Ср. 1 Кор. 5, 1; 2 Кор. 7, 11. Снес. Злат. Толк. на 2 Кор. 108 стр. посл. перв.

2) D. Heil. Schr 3. 344.

3) Вопросъ о первомъ потерянномъ посланіи можно считать рѣшеннымъ въ силу общаго почти убѣжденія ученыхъ и

По этому плану Ап. Павелъ думалъ пройти въ Коринѣ моремъ, чтобы напередъ придти въ Коринѣ, побывать за тѣмъ въ Македоніи, и потомъ снова возвратиться въ Коринѣ¹⁾. Этотъ

ясныхъ указаній на это въ нашихъ обоихъ посланіяхъ. Слова 9 ст. 5 главы 2 Коринѣ. „я написалъ вамъ въ посланіи“ очень ясно указываютъ на это потерянное для насъ посланіе, и лишь только догматическая боязнь, замѣчаетъ Ланге (Bibl. — Werk. VII. s. 89), можетъ утверждать вмѣстѣ съ древними толковниками (Злат., Θεод., Θεοφιλακτῆς), что эти слова относятся къ предыдущимъ мѣстамъ тогоже посланія. Кромѣ означеннаго мѣста за потерянность перваго посланія говоритъ также 2 Кор. 10, 9—11.

¹⁾ 2 Кор. 1, 15: «Καὶ ταύτη τῇ πεποιθήσει ἐβουλόμην προτέρου εἰσεῖν πρὸς ὑμᾶς, ἵνα δευτέρου χάριν σῴητε». Это мѣсто, довольно запутанно по конструкции и мысли, бл. Θεοδωρίτῃς (Твор. Θεοδωρ. 7, 1861 стр. 306) и Бауръ (Theol Jahrb. 1850. Bd. d. 2, s. 145) объясняютъ дѣло такъ, что въ настоящемъ мѣстѣ нѣтъ и рѣчи объ измѣненіи плана путешествія. Въ 1 Кор. 16, 5. Апостоль обѣщаль Коринѣянамъ притти къ нимъ чрезъ Македонію, а здѣсь во 2 Кор. 1, 15 онъ объявляетъ только о своемъ намѣреніи итти въ Коринѣ по прямой дорогѣ отъ Ефеса въ Коринѣ моремъ, не отказываясь однакожъ отъ прежняго плана итти отъ Македоніи къ Коринѣу. Но такого объясненія нельзя допустить съ одной стороны потому, что Апостоль въ 1 посланіи могъ уже высказаться относительно двойственности намѣреній, а съ другой если бы прежнее его обѣщаніе двукратнаго посѣщенія Коринѣа было только внутреннимъ намѣреніемъ, невысказаннымъ предъ обществомъ, то онъ, Апостоль, не имѣлъ бы нужды запутываться въ трудности и потомъ такъ настоятельно оправдываться предъ обществомъ. Напротивъ

планъ потерпѣлъ у Апостола измѣненіе (1 Кор. 16, 5); такъ что Павелъ вмѣсто двукратнаго и скорого посѣщенія Коринѳа, какъ обѣщаль онъ въ потерянномъ для васъ посланіи, въ пер-

особенная энергія, съ которою Павелъ защищается въ данномъ мѣстѣ, указываетъ что измѣненіе плана путешествія Павлова было формально извѣстно Коринѳянамъ, какъ дѣйствительное измѣненіе прежде высказаннаго и совершенно отличнаго плана. На это же указываетъ и частица *πρότερον*, которая очевидно принадлежитъ къ сл. *ἔβουλοντο*, и выражаетъ прежній планъ, который Апостоль высказываетъ въ двухъ стихахъ 15 и 16, 7 гл. 2 Кор. По нашему славянскому и русскому переводу, какъ и по чтенію Мейера, Ланге (по Тишендорфу) «*πρότερον*» относится къ *ἔλθειν*. Но едвали такое чтеніе можно признать справедливымъ. Если согласиться съ этимъ чтеніемъ, то нужно признать въ настоящемъ случаѣ логическую неправоильность въ теченіи мысли Павла. То, что является у Павла какъ результатъ его плана (*ἵνα δευτέρ. χάρις...* 2 Коринѳ. 1, 15) поставляется по этому чтенію прежде этаго плана—слѣдствіе прежде своей причины: такъ какъ планъ путешествія Павла вполне высказывается только въ 16 стихѣ, а цѣль этого въ ст. 15 той же главы. Это заблужденіе знаменитыхъ ученыхъ основывается на ложномъ пониманіи словъ *δευτέρα χάρις*. Мейеръ, какъ и де-Ветте и Ланге (см. толков. ихъ 2 Кор. 1, 15—17) подъ этимъ выраженіемъ разумѣютъ двойную благодать, которую Ап. Павелъ хотѣлъ имъ сообщить—однажды на пути изъ Ефеса въ Коринѳъ, а затѣмъ во второй разъ по возвращеніи изъ Македоніи. Слово «*δευτέρα*» они переводятъ такимъ образомъ нѣмецкимъ «*zweimal*» (см. Мейер. комм. стр. 20; де Ветте стр. 176; Ланге D. W. s. 280)—дважды или двукратно. Но этаго значенія не можетъ имѣть слово «*δευτέρα*», которое употреблено здѣсь въ смыслѣ порядковаго прилага-

вомъ каноническомъ посланіи высказываетъ (16, 5) намѣреніе иридти туда однажды и гораздо позже, — не моремъ, а сухимъ путемъ чрезъ Македонію. Почему противники Павла упрека-

тельнаго, а не количественнаго нарѣчія. На этомъ же основаніи нельзя признать вѣрнымъ свидѣтельство Златоуста (толь. на 2 Коринѳ. посл. пер. стр. 1584), Блека (slud u krit. s. 622) коворые переводятъ слово δευτερον равнозначущимъ διπλους — сугубый, двойной, какъ нельзя согласится и съ тѣмъ мнѣніемъ Златоуста и Блека, по которому слово χαρη означаетъ радость, душевное спокойствіе, подобно χαρα! Конечно слово χαρις означаетъ и радость въ противоположность λυπη печаль, какъ это встрѣчается у Пиндара (см. Мейеръ Krit exig Handb. ubzw. Br. an. d. Kor. 1840 s. 19); но нигдѣ слово «χαρις» не встрѣчается съ такимъ значеніемъ въ новомъ завѣтѣ вообще и въ частности въ посланіяхъ Ап. Павла. «Δευτερα χαρις» можно и должно перевести прилагательнымъ порядковымъ: вторую или вторичную благодать. Такимъ выраженіемъ Апостоль даетъ знать то, что онъ, при личномъ посѣщеніи Коринѳа, имѣлъ въ виду сообщить тамошнимъ христіанамъ благодать въ другой разъ. Этому нисколько ни противорѣчитъ свидѣтельство 2 Кор. 12, 14 и 13, 1, гдѣ Апостоль говоритъ, что онъ уже два раза былъ въ Коринѳѣ. Первую благодать Апостоль сообщилъ Коринѳянамъ, при первомъ посѣщеніи Ахаіи, когда онъ обращалъ ихъ въ христіанство. Когда же Ап. былъ въ Коринѳѣ во второй разъ, онъ былъ тамъ не съ миромъ, а съ огорченіемъ. Беспорядки и неурядицы, зависть, гнѣвъ, ссоры, клеветы, гордость и плотское невѣдѣніе (12, 21) — все это возбуждало такое негодованіе духа Апостола, что онъ не въ силахъ былъ удержаться отъ строгости въ отношеніи къ Коринѳянамъ. Его рѣчь была суха и жестка; она не отличалась чувствомъ особеннаго снисхожденія, ни лилась потокомъ обличеній

ли его въ лекомыслии и непостоянствѣ дѣйствій, не сообразности съ Апостольскимъ достоинствомъ. Апостоль Павелъ, говорили они, не заслуживаетъ довѣрія. Какъ можно положиться на него, когда онъ такъ неустойчивъ въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, когда онъ дѣйствуетъ «хата зѣрка» (1, 17); когда то намѣревается притти въ Коринѳъ, то отълаживаетъ свое посѣщеніе на долго, то обѣщается итти чрезъ Коринѳъ въ Македонію, то на оборотъ. Само собою понятно, что такого рода упрекъ стоитъ въ тѣсной непосредственной связи съ высказаннымъ въ 1 Кор. 16, 5, измѣненіемъ его прежняго намѣренія и указываетъ на прямой результатъ дѣйствія въ Коринѳѣ перваго каноническаго посланія къ Коринѳянамъ. Но защитники потеряннаго посланія, лежащаго между нашимъ первымъ и вторымъ посланіемъ въ Коринѳъ, надѣются сбойти и это затрудненіе съ помощію своихъ софастическихъ уловокъ. Какимъ образомъ настаиваетъ Клѣпперъ, «могъ бытъ сдѣланъ упрекъ Павлу, если Коринѳяне не потерпѣли никакого ущерба отъ измѣненія Павломъ плана его путешествія. Когда Ап. думаетъ итти по первоначальному плану, то онъ предполагаетъ, кажется, посѣтить Коринѳъ мимоходомъ.—почему вза-мѣвъ этого, по второму плану, обѣщаетъ имъ довольно долгое пребываніе въ Коринѳѣ. (1 Кор. 16, 5). Очевидно, что первый планъ относится ко второму не какъ «да» къ «нѣтъ» (ст. 17), обѣщаніе къ отказу. Чтобы сдѣлать понятнымъ такой упрекъ, направленный противъ Павла, должно, говорить далѣе этотъ ученный, прибавить къ этому еще нѣчто, на чемъ

и угрозъ (2 Кор. 13, 2) Поэтому легко понять, что Павелъ не могъ говорить объ этомъ свиданіи съ Коринѳянами, какъ о благодатномъ посѣщеніи Коринѳенской христіанской общины. Этотъ же мотивъ—чтобы не приходило къ нимъ съ огорченіемъ—удержало его и отъ исполненія своего прежняго намѣренія посѣтить ранѣе Коринѳъ: такъ какъ прямая цѣль посѣщенія—сообщеніе Коринѳянамъ благодати.

враги Апостола могли бы съ правомъ обосновать ихъ обвиненія противъ Павла. И это «нѣтъ» мы можемъ заимствовать изъ даннаго Титу, потеряннаго для насъ посланія, которое, какъ извѣстно, было написано въ такомъ расположеніи духа Апостола, что онъ никакимъ образомъ не могъ положительно сказать, когда онъ придетъ въ Коринѳъ, что давало противникамъ поводъ разсматривать это неопредѣленное колебаніе, какъ отказъ Павла быть въ Коринѳѣ¹⁾.

Ясно, что вся эта легкая силлогистика держится на сбивчивомъ пониманіи ст. 17 (2 Корин. 1 гл.). Выраженіе этаго стиха: *το καὶ καὶ το ὁ* разсматриваютъ какъ прямое противоположеніе; между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ, судя по связи рѣчи, указанныя слова служатъ только выраженіемъ неустойчивости убѣжденій и намѣреній чловѣка, дѣйствующаго *κατὰ σάρκα*—выраженіемъ непостоянства и легкомыслія, противъ чего собственно и защищается Павелъ. Апостола укоряли въ томъ, что онъ слишкомъ необдуманно и не основательно дѣйствуетъ, что онъ слишкомъ легкомысленно поступаетъ, высказывая обѣщаніе, не размысливши и напередъ—можетъ ли исполнить обѣщанное. Высказавши въ потерянномъ посланіи намѣреніе, измѣняетъ его потомъ какъ неосновательное. Поэтому Апостоль въ высказываетъ предъ Коринѳянами основанія своего прежняго плана путешествія (2 Кор. 1, 13—15) и вслѣдъ затѣмъ спрашиваетъ: легкомысленно ли такое намѣреніе?—Этимъ вопросомъ Апостоль нѣкоторымъ образомъ хочетъ открыть Коринѳянамъ ихъ заблужденіе (а отнюдь не справедливость обвиненія) относительно его мнимой безосновательности дѣйствій, хочетъ показать имъ всю осмотрительность своихъ дѣйствій, какъ богодухновеннаго мужа, и законность своихъ намѣреній. Почему далѣе Павелъ высказываетъ и основанія самаго измѣненія плана. Здѣсь онъ дѣлаетъ замѣт-

¹⁾ Klöpp. Untersuch. ub. d. zweii. Br. P. an. d. Gem. zu kor. Gotting. 1869. S. 20—27. Подобно и Блекъ Einleit in. n. Test. s. 404.

нымъ, что онъ хотъ и могъ ранѣе притти въ Коринѣ, какъ судья, но удержался изъ пощады самихъ же читателей. «Бога призываю во свидѣтели на душу мою, говоритъ св. Ап. Павелъ, что, щадя васъ, я доселѣ (ουχενι) не приходилъ въ Коринѣ (2 Кор. 1, 23)». Ап. Павелъ такимъ образомъ защищается здѣсь противъ замедленія (ουχενι) своего прибытія въ Коринѣ, а непротивъ отказа посѣтить Коринѣянъ. Основаніемъ же такого замедленія является педагогическій тактъ любвеобильнаго божественнаго мужа по отношенію къ вѣрнопой ему паствѣ. Апостоль Павелъ, вѣрный своему призванію и долгу, направлялъ, сколько возможно свои силы и дѣятельность къ тому, чтобы доставить миръ и тишину своимъ вѣрующимъ, влить радость и утѣшеніе въ ихъ измученныя закономъ и язычествомъ души и укрѣпить ихъ на пути христіанства. И потому, если онъ ранѣе думалъ итти въ Коринѣ, то очевидно не за тѣмъ, чтобы судить коринѣянъ, а чтобы облагодатсвовать ихъ (2 Кор. 1, 15). При такой цѣли своей дѣятельности, апостоль, когда узналъ о настроеніяхъ коринѣянъ, счелъ за лучшее для блага же коринѣянъ и своего собственнаго (2 Кор. 2, 1) отложить далѣе путешествіе въ Коринѣ и послать напередъ посланіе (наше 1-е), которое должно было приготовить общество къ прибытію Павла. Черезъ это самое, общество могло избѣгнуть личныхъ строгихъ порицаній апостола, которыя должны были подвергнуть общество въ униженіе и печаль, тяжело отражавшіяся въ душѣ бл. Павла. «Это самое, говоритъ онъ, я писалъ вамъ, дабы, пришедши не имѣть огорченія отъ тѣхъ, о которыхъ мнѣ надлежало радоваться ибо... моя радость есть радость и для всѣхъ васъ». (2, 3). Теперь, когда главная цѣль перваго посланія была достигнута, когда общество стерло главное пятно своей нравственной жизни (отлучило кровосмѣсителя), когда общество, такъ сказать, достаточно подготовилось (2 Кор. 2, 6—9; 7, 11—12), апостоль Павелъ рѣшается неуклонно слѣдовать своему, начертанному въ 1 Кор. 16, 5, плану и идетъ въ Коринѣ черезъ

Македонію (дѣян. апост. 20. 1, 2). Однакоже взору апостола представлялись еще нѣкоторыя мрачныя стороны коринтской жизни, о которыхъ сообщилъ ему Титъ и которыя должны были еще возмущать его душу. Чтобы устранить послѣднія препятствія своему мирному путешествію, онъ предпосылаетъ въ Коринтъ изъ Македоніи ¹⁾ еще одно посланіе къ тамошному христіанскому обществу (наше 2 Кор). — Что же именно заставляло апостола писать это посланіе, какія еще затрудненія предстояло ему устроить? — Если бы для насъ сохранились извѣстія, принесенныя Павлу изъ Коринта Титомъ, намъ не было бы нужды останавливаться долго на этомъ вопросѣ; но теперь за недостаткомъ этого документа — извѣстій Тита — мы должны, чрезъ сопоставленіе тѣсно между собою связанныхъ обоихъ посланій къ коринтянамъ, обратиться къ соображеніямъ и историческимъ наведеніямъ, чтобы опредѣлить тотъ спеціальнѣйшій кругъ, въ которомъ лежитъ историческій мотивъ, вызвавшій главнымъ образомъ написаніе второго посланія апостола Павла къ коринтянамъ.

¹⁾ Наше второе посланіе къ коринтянамъ написано было въ Македоніи, какъ это видно изъ 2 кор. 9, 2. 4, гдѣ Павелъ вѣроятно встрѣтился съ Титомъ. Точное же положеніе мѣста написанія этого посланія, за недостаткомъ историческихъ данныхъ, опредѣлить нельзя. Обыкновенныя подписи въ посланіи обозначаютъ мѣстомъ написанія то Трою, то Филиппы. Но этихъ подписей нельзя признать за достовѣрное потому, что Павелъ вѣроятно прежде всего высадился на землю въ Филиппахъ (дѣян. 20, 6); но прежде, чѣмъ написалъ апостольское наше посланіе, онъ долженъ былъ пройти чрезъ Македонію гораздо далѣе, чѣмъ до Трои и Филиппъ: ибо во 2 кор. онъ говоритъ объ успѣхѣ въ дѣлѣ сбора милостыни у Македонянъ (8, 1) и о внутреннемъ спокойствіи, котораго однакожь не было въ душѣ его при вступленіи въ Македонію.

**Историческія обстоятельства, вызвавшія написаніе
2 посланія ап. Павла къ Коринтянамъ.**

(Христова партія и ея тенденціи).

Во 2 Кор 2, 3. Апостоль Павелъ ясно указываетъ главный мотивъ своихъ посланій, — «чтобы, пришедши, не имѣть огорченія отъ тѣхъ, о которыхъ надлежало (ему радоваться», т. е. чтобы, по пришествіи своемъ, не найти у Коринтянъ безпорядковъ, которые огорчаютъ его. Въ 1² гл. 20 ст. того же посланія апостоль указываетъ опредѣленный спеціальный мотивъ для написанія собственно нашего втораго посланія къ Коринтской общинѣ: «я опасуюсь, говоритъ богодухновенный мужъ, чтобы мнѣ, по пришествіи моемъ, не найти васъ (Коринтянъ) такими, какими не желаю..., чтобы не найти у васъ раздоровъ, зависти, гнѣва, ссоръ, клеветы и гордости». — Духъ раздоровъ и зависти, столь свойственный Коринтской общинѣ¹⁾, составляетъ такимъ образомъ, по свидѣтельству самаго апостола, главный и существенный пунктъ, къ которому направлено и около котораго вращается наше второе посланіе, имѣющее приговорительное значеніе къ принятію ап. Павла Коринтянами. Задача настоящаго изслѣдованія — опредѣлить точно тотъ кругъ, которымъ ограничивается этотъ духъ несогласія и раздора въ Коринтской христіанской жизни во времени написанія втораго посланія къ Коринтянамъ.

Въ 1 посланіи къ Коринтянамъ мы встрѣчаемся съ широко охватывающею борьбою отдѣльныхъ партій Коринтской общины. Уже ко времени этого посланія въ Коринѣ являються партіи Павла, Аполлоса, Кифы и Христова партія, какъ это съ очевидностію можно заключить изъ 1, 12. Но остаются ли эти партіи и ко времени написанія нашего втораго посланія — это еще вопросъ, который за недостаткомъ положи-

¹⁾ Neander. geschicht. D. Ptang. und. d. Chvstl. Kirche
1, s. 293.

тельныхъ данныхъ можетъ быть рѣшенъ только дедуктивно, на основаніи точнаго опредѣленія содержанія каждой изъ указанныхъ партій. Вопросъ о коринтскихъ раздѣленіяхъ сводится здѣсь на опредѣленіе сущности партій и ихъ существенныхъ особенностей. Нечего уже говорить о томъ специфическомъ различіи, въ которомъ партія Павла стоитъ къ партіи Аполлоса ¹⁾. Ясныя выраженія, въ которыхъ апостоль характеризуетъ (1 Кор. 1, 13; 18—29) приверженцевъ Аполлоса и своихъ собственныхъ, даютъ вѣрныя и опредѣленные понятія объ этихъ партіяхъ. Приверженцы Павла (ст. 13) очевидно заблуждались въ томъ, что личность Павла, въ слѣпомъ пристрастіи, возводили на степень апотеозы и такимъ образомъ приближали его болѣе другихъ ко Христу. Послѣдователи Аполлоса возводили вмѣсто Павла на эту степень, — корифея своего кружка, — Аполлоса, въ которомъ видѣли олицетвореніе эллинской мудрости, какъ необходимой по немъ формы воспріятія христіанской истины. Это ясно изъ прямаго порицанія апостола этихъ партій въ отдѣлѣ съ 18 по 29 ст. 1 гл., гдѣ онъ возстаетъ противъ тщетной эллинской мудрости и суетной человѣческой философіи. По этому совершенно несправедливымъ кажется намъ предположеніе Шенкеля, который различіе между партіею Павла и Аполлоса видитъ въ томъ, что одна партія придавала болѣе важности основанію церкви, другая — созиданію ея ²⁾. Слова апостола: «Азь насадихъ, Аполлосъ возрастихъ» (3, 6), на которыхъ обоснованъ такой взглядъ Шенкеля, отнюдь не даютъ твердой опоры для его предположенія. Онѣ только служатъ яснымъ ручательствомъ за то, что Павелъ и Аполлосъ дѣйствовали на одной и

¹⁾ Мы предложимъ здѣсь только краткія, необходимыя для дѣла, свѣдѣнія. Болѣе подробныя изслѣдованія о партіяхъ Павла и Аполлоса см. у проф. М. А. Голубева: обзорън. посл. къ Корин. Спб. 1861.

²⁾ Schenk. De Eccles. Corinth. prim. faction. turbata. Basil. 1838 p. 145.

той же почвѣ, строили на одномъ и томъ же основаніи. И все, что оставалось для различія между ними—это то, что Аполлосъ блисталъ внѣшнимъ слововыраженіемъ, ораторскимъ искусствомъ; тогда какъ Павелъ проповѣдывалъ въ простотѣ слова, безъ всякаго витійства. И коринѣскіе христіане, особенно христіане изъ язычниковъ, будучи еще не въ состояніи отличить самаго зерна отъ содержащей его оболочки, видѣли въ этомъ блестящемъ слововыраженіи Аполлоса все превосходство его надъ простою, дышащею задушевностію, рѣчью Павла и личность своего проповѣдника сдѣлали эгидомъ своей партіонской особенності. Община Аполлоса, значитъ, не проповѣдывала ничего существенно и догматически отличнаго отъ признаваемаго общиною Павла ¹⁾. Все отличіе ея отъ послѣдней состояло только въ формѣ, подъ которою хотѣла она принимать Евангеліе ²⁾. Только особенное уваженіе Коринѣянъ къ такой внѣшности, которой не доставало Павлу и которою окрашивали личность Аполлоса, вынуждала его (Павла) съ энергіею ратовать противъ эллинской мудрости и, не имѣющаго само по себѣ никакаго значенія, ораторскаго искусства.

(Продолженіе будетъ).

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ АП. ПАВЛА КЪ КОРИНТЯНАМЪ.

(Продолженіе).

Этихъ довольно краткихъ замѣчаній достаточно, чтобы объять взглядомъ и понять ту область, на которой сосредоточиваются направленіе и тенденціи означенныхъ партій. Не такъ легко показаніе отношенія къ предшествующимъ партіямъ, какъ равно ихъ взаимное отношеніе, партіи Христовой и — опредѣлить специфическую периферію дѣятельности каждой изъ нихъ. Разногласія нѣмецкихъ ученыхъ относительно настоящаго предмета прямо говорятъ за то, что трудно на этомъ пути удержаться отъ субъективности взгляда и достигнуть объективной истины. На этотъ разъ, для предохранія отъ совершеннаго произвола, должно обратиться къ историко-критическому обзрѣнію попытокъ рѣшенія настоящаго вопроса. При этомъ нельзя не сознаться напередъ, что эти попытки, при всемъ взаимно опровергающемъ ихъ положеніи, хотя часто отрицательно, все болѣе и болѣе суживали кругъ, внутри котораго находится неизвѣстная искомая величина. И каждая попытка, какъ бы она ни была крайня и поверхностна, всегда вноситъ свою долю истины въ опредѣленіе неопредѣленнаго.

Уже первая попытка Штора ¹⁾ опредѣлить партію Христову, при всей своей наивности и легкости, имѣетъ въ себѣ ту заслугу, что она справедливо разграничиваетъ партію кифы отъ людей Христа, но она слишкомъ не основа-

¹⁾ Storr. Notitiae histor 1878 г.

тельна въ опредѣленіи послѣднихъ. Нѣтъ положительно никакого основанія допустить вмѣстѣ съ Шторромъ, что община Христовыхъ состояла изъ людей, исключительно чтившихъ, между проповѣдниками вѣры апостола Іакова, брата Божія. Иво, что особенно соблазняло этого ученаго, — это именно то, что Ап. Павелъ въ 1 кор. 9, 5, въ оправданіе себя ссылается на Кифу и братьевъ Господнихъ. Но Павелъ въ данномъ мѣстѣ вообще только противопоставляетъ себя и Варнаву первоверховнымъ апостоламъ, лично знакомымъ съ Іисусомъ Христомъ, а не въ частности поставляетъ себя въ параллель съ братьями Господними и Кифою. Да если бы, кромѣ того, въ основаніи общины Христовыхъ лежало исключительное уваженіе братьевъ Господнихъ въ особенности Іакова, то не понятно почему же самая община называлась не именемъ сего мужа (Іакова), а именемъ Христа, не понятно далѣе, чѣмъ же эта община отличалась отъ партіи Кифы, когда уже опредѣленно извѣстно, что Кифа и Іаковъ эти столпы вѣры — были служителями Христовыми въ обрѣзаніи и что оба раздѣляли совершенно убѣжденія другъ друга, какъ это мы видимъ на апостольскомъ соборѣ. (Дѣян. апост. гл. 15).

Эти столь замѣтныя погрѣшности Шторровской гипотезы относительно опредѣленія партіи Христовой старается исправить съ свойственнымъ остроуміемъ Бауръ¹⁾. Партія Кифы и люди Христа, по мнѣнію этого ученаго, не составляютъ двухъ отдѣльныхъ направленій; партіи эти у него отождествляются между собою и вмѣстѣ съ этимъ все повлиніански-юдаистическое противорѣчіе въ апостольскій періодъ сводится къ простому актонгоизму между Павломъ и Петромъ. Имя же Христовой партіи, какъ извѣстно, Бауръ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: іудее христианскіе противники Павла образовали

¹⁾ Въ сочинен. Paul. d. Ap. test christl 1842. 824 а также и въ другомъ сочиненіи: Christenth und, kirche d. brei crst jarh Tubing 1860 s. 57—62.

собственно одну только партію; Эта партія называлась по имени Кифы; она называлась также ꙗкоу христоу поелику внѣшнюю связь съ христомъ и обращеніе съ нимъ представляла какъ главный критеріумъ христоѡхѣѡи и какъ первый критеріумъ апостольскаго званія“.

Не говоря уже о томъ, что теорія Баура противорѣчитъ правильному пониманію нашего 2-го посланія къ кор., гдѣ очень ясно партія Христова характеризуется какъ самостоятельная, (10, 7, 11, 5, 13.), — теорія эта сама въ себѣ носитъ глубокое противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, если люди Христа хвалились именемъ непосредственной связи съ Христомъ, то они не могли питать или по крайней мѣрѣ не могли высказывать уваженія къ Петру, какъ необходимому посреднику.

Такую парадоксальность теоріи Баура замѣтилъ еще Бейшлагъ ¹⁾ который и произнесъ роковой приговоръ на гипопезу тюбингенскаго критика, доказавши самостоятельное существованіе общины Христа на ряду съ общиною Кифы.

Сознавая справедливость замѣчанія Бейшлага относительно партіи Христовой и вмѣстѣ съ тѣмъ желая удержать баурскую идею борьбы павлинизма и петринизма, или универсализма и партикуляризма, Гильгенфельдъ ²⁾ призналъ существованіе той и другой партіи т. е. партіи Кифы и Христовой, преслѣдующихъ одни и тѣже интересы не только въ отношеніи соблюденія закона и обрѣзанія іудеевъ — Христіанъ, но даже и Христіанъ изъ язычниковъ. „Приверженцы Кифы, по взгляду Гильгенфельда, состояли въ самой близкой и тѣсной связи съ такъ называемыми людьми Христовыми: такъ какъ эти послѣдніе никакъ не могли проповѣдывать подзаконное христіанство по мимо всякой связи съ

¹⁾ Beischl. Uber r. Christ partei in Corinth, s, 231
какое сочиненіе помѣщено въ періодич. изданіи Stud.
und. kritik. 1865 zweit. heft.

²⁾ Zeitschr, fur l. Wiss. theol 1866. s. 365—366.

первообществомъ и перво—апостолами. Ихъ рекоменда-
тельныя письма, о которыхъ такъ рѣзко умолинаетъ апостоль
Павель (9 кор. 31), по истинѣ были принесены не изъ
какаго нибудь уголка земли, но, если только онѣ не были
подложныя, изъ Иерусалима, гдѣ первообщество приняло
себѣ за право исключительное преимущество испытывать и
утверждать въ вѣрѣ учителей христіанства для язычниковъ.
И другое Евангеліе, которое проповѣдывали люди Христа (11,
14), содержало въ себѣ исключительное (превосходство пер-
воапостола“.

Если присмотрѣться къ этой гипотезѣ Гильгенфельда,
то нельзя не узнать въ ней поновленной нѣсколько теоріи
Баура. Въ сущности она даже ни чѣмъ не отличается отъ
послѣдней. Все различіе партіи Кифовой и Христовой чисто
номинальное; все отличіе ихъ отъ партіи Павловой и Петро-
вой здѣсь какъ и тамъ сводится къ простому противорѣчію
между павлинизмомъ и петринизмъ, къ противоположности
удее-христіанскаго и языческо-христіанскаго направленія.
Гильгенфельдъ такимъ образомъ снова соединилъ то, что было
разъединено Бейшлагомъ.

Но, что послѣ Баура вторично было смѣшано Гиль-
генфельдомъ, снова разграничилъ Клепперъ въ своемъ
сочиненіи: *Exeget. krit. untersuch. Uber zw. Br. an. gemeinzi. kor.* Выхода изъ точки зрѣнія Бейшлага¹⁾ от-
носительно реального различія партіи Кифы и людей Хри-
ста, Клепперъ парализуетъ теорію Баура и Гильгенфельда
въ самомъ основаніи. Если послѣдніе тенденцію партіи
Петровой и людей Христа сводятъ къ одному оппозиціон-
ному направленію противъ павлиніанскаго христіанства, то
первый съ правомъ дѣлаетъ замѣтнымъ, что партія Кифы
вовсе не представляетъ того оппозиціоннаго направленія,
которое выставляютъ тюбингенскіе критики. Она, по замѣ-
чанію Клеппера, образовалась не изъ оппозиціи партіи Пав-

¹⁾ Weischl Chr. part. s. 232 k. klöpp. Unters s. 34.

ловой, а изъ простой національной обособленности. Въ коринѣ уже съ самаго начала были іудее христіане (Дѣян. 18, 4), хотя и не въ значительной мѣрѣ. Когда большое языческо христіанское число вѣрующихъ, отчасти съ именемъ Павла, отчасти съ именемъ Аполлоста, поставило своимъ девизомъ: *παυτα εἶεσι* (1 кор. 6, 12) малая іудее христіанская заключилась тѣсно противъ него. И такъ какъ первыя двѣ партіи имѣли авторитетами Павла и Аполлоса, то естественно и малая іудее христіанская часть общества не могла не имѣть нужды въ своемъ представителѣ. Только въ собственной средѣ она не находила ни какой авторитетной личности, къ которой бы, подобно какъ другіе къ Павлу и аполлосу, могла стать въ зависимое отношеніе; по сему она обратилась ко внѣ, — къ матери общества христіанскаго, родственнаго по происхожденію, — чтобы достать себѣ оттуда Петра, конечно не для лично-настоящаго, но, если такъ можно выразиться, для идеальнаго поручательства, для опоры имѣть авторитетную главу своей части. Когда іудее христіане соединились подъ хегидомъ Петра, они отдѣлились, конечно, отъ партіи Павловой и аполлосовой, но этимъ они не отстраняли авторитета Павла и не исключали его изъ числа апостоловъ. Это не догадка, а дѣйствительной фактъ, который Клепперъ выводитъ изъ положительныхъ данныхъ. Въ 1 кор. 1, 13—4 гл 6 ст. Апостоль Павелъ ведетъ полемику противъ партіоннаго духа коринчанъ; при исполненіи этой полемики, замѣтно то, что Павелъ, отклоняя читателей отъ оцѣнки человѣческой индивидуальности и односторонней привилегіи извѣстныхъ учителей, наряду съ собою и Аполлосомъ называетъ и Кифу, какъ такаго, который принадлежитъ коринтянамъ, какъ служитель Христовъ, подобный ему и аполлосу. (3, 21 22) Отсюда позволяется заключить, что Павелъ не только признаетъ справедливымъ основной пунктъ учительской дѣятельности Петра, но что онъ даже не хочетъ уменьшать природнаго достоинства его, какъ іудея, и въ та-

комъ чисто языческомъ обществѣ, какъ общество коринское. Такая постановка дѣла въ отношеніи апостола была бы слишкомъ странна, если бы имя Петра для называвшейся имъ партіи была сибболетомъ агрессивной фанатической оппозиціи противъ Павла и основаннаго имъ общества. Если апостоль случайно и даетъ наставленіе христіанамъ изъ язычниковъ необрѣзанныхъ (1 кор. 7, 18), то настоящее мѣсто говорить скорѣе противъ, чѣмъ за то, что со стороны іудее христіанской партіи, въ коринѣ, началась какая либо систематическая разработка юдаистическихъ тенденцій, послѣдняя цѣль которыхъ необходимость обрѣзанія. Иначе нужно бы было съ правомъ ожидать, что Павелъ выставилъ бы здѣсь со всею силою такія тенденціи. Если прибавить къ этому еще то, какъ Павелъ въ (1 кор. 15, 8—9), ставитъ себя по порядку послѣ старшихъ апостоловъ, ставитъ себя какъ актора, какъ меньшаго изъ апостоловъ, — если взять во вниманіе миролюбивое столкновеніе этихъ двухъ апостоловъ — Петра и Павла на соборѣ Іерусалимскомъ, а также и то, что Павелъ постоянно хлопочетъ по дѣлу сбора милостыни въ пользу Іерусалимскаго общества (Гллат. 210, 2 кор. 8 и 9 гл.), — если принять все это во вниманіе, то можно притти къ положительному выводу, что апостоль Петръ и его партія вовсе не стояли во враждебномъ отношеніи къ Павлу и, называвшемуся его именемъ, обществу, и что апостольскій авторитетъ Павла не отвергался оспариванію со стороны партіи Кифы, преслѣдовавшей тенденціи своего учителя ¹⁾).

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Klopp. *Untersh. ub. Br. an. d. kor. s. 106—113.*

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ АП. ПАВЛА КЪ КОРИНӨЯНАМЪ.

(Продолженіе).

Между тѣмъ нѣтъ недостатка въ ясныхъ указаніяхъ на то, что Апостоль Павелъ въ обоихъ посланіяхъ къ Коринөянамъ, и въ особенности во второмъ, усиленно старается доказать свой Апостольскій авторитетъ, оспариваемый противниками. За это говорить 1 Кор. 9, 1 и цѣлое второе посланіе, въ которомъ нельзя не узнать людей Христовыхъ по характеристикѣ ихъ въ 4, 16; 10, 7; 11, 4 и т. д. На основаніи этихъ мѣстъ Геттингенскій теологъ и характеризуетъ партію Христову, какъ отличную отъ Киѳовой, характеризуетъ слѣдующимъ образомъ. Партія эта, по нему, составляетъ фактическую религіозную противоположность Павлиніанской партіи ¹⁾. Она искажаетъ истинное богооткровенное ученіе въ самомъ основаніи, вмѣсто универсальнаго Христа проповѣдуя іудейскаго подзаконнаго Мессію, настаиваетъ на соблюденіи ветхозавѣтнаго обрядоваго служенія и обрѣзанія ²⁾ представляетъ Христа, какъ іудее—національнаго сына Давидова, понимая его *κατὰ σάρκα* ³⁾. Партія эта, словомъ, проповѣдывала другаго Іисуса, другое Евангеліе, отличное отъ того, какое проповѣдывалъ Павелъ ⁴⁾. Только

¹⁾ Klöpp. Ibid. s. 38, 39.

²⁾ Klöpp. d. ibid. s. 40—43

³⁾ Ibid. s. 55—65

⁴⁾ Ibid. s. 82—86.

такой объективированный образъ ихъ національной и легальной заключенности былъ Христось, по которому называлась четвертая юдаистическая партія, къ которому она судорожно прилѣплялась, чтобы заключиться упорно противъ Павла и Аполлоса, въ рукахъ которыхъ она видѣла дѣло Христово постыженнымъ языческою примѣсю ¹⁾. Люди Христа по самому уже происхожденію стояли ближе всѣхъ къ общинѣ Кифы; по ихъ, конечно, не могли удовлетворить слова: „мы принадлежимъ Кифѣ“ иначе Павлу не было бы нужды высказывать другое нѣчто новое. Партія Христова стояла въ оппозиціи и къ этой послѣдней: такъ какъ образъ мыслей и тенденціи представителя партіи Петровой въ сущности не отличался отъ воззрѣній Павла, котораго Петръ рекомендуетъ языческо-христіанскому обществу и общество благодаритъ за него Бога: *ὅτι ο δὶὼκων... καὶ ἐθόξαζον ἐν ἑμοὶ τοῦ Θεοῦ* (Гал. 1, 23, 24).

Кленперъ такимъ образомъ признаетъ самостоятельное существованіе партіи Христовой на ряду съ другими партіями и въ частности съ партією Кифы. Эта основная точка зрѣнія, объединяющая его теорію съ теорією Бейшлага, составляетъ ту общую область, на которой мы сходимся съ Кленперомъ, какъ далѣе должны разойтись съ нимъ. Что на ряду съ партіями Павла, Аполлоса и Кифы является и партія Христова съ своими спеціальными особенностями— въ этомъ не можетъ быть въ настоящее время и сомнѣнія. Такъ же мало нужды доказывать, что послѣдняя партія Христова влечетъ за собою порицаніе апостола. Нужно быть слишкомъ слѣпымъ или пристрастнымъ къ дѣлу, чтобы не видѣть того, какъ Павелъ въ 1 посл. къ Коринѣянамъ 1, 12 слова *ἐγὼ θε Χριστοῦ* поставляетъ въ прямую параллель съ другими подобными и произноситъ порицательный приговоръ на изрѣкающихъ эти слова. Только относительно образова-

¹⁾ Klöpp. Christ. Part. ad. gem. z Kor. s. 114.

нія и характеристики партіи Христовой можно еще спорить.

Въ этомъ отношеніи прежде всего является затруднительнымъ то обстоятельство, — можно ли понимать общину Христовыхъ въ такомъ же партіонномъ направленіи и духѣ, какъ и первыя три? Одинъ изъ нашихъ соотечественныхъ ученыхъ, профессоръ Голубевъ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно ¹⁾; при чемъ все партіонное направленіе этой общины полагаетъ въ случайномъ уклоненіи еще неокрѣпшаго въ христіанской истинѣ ума отъ простоты богооткровеннаго ученія. Вся ошибка этой партіи, по его мнѣнію, была не болѣе, какъ нетерпѣливый и едва начавшійся порывъ незрѣлаго ума, застигнутаго вихремъ разногласій современнаго общества христіанскаго, и, при своемъ надменіи, понадѣявшагося найти въ себѣ самомъ рѣшеніе тревожныхъ сомнѣній, вмѣсто того, чтобы искать его въ покорности вѣрѣ и въ благоговѣйномъ вниманіи къ богоучрежденному учительству церковному ²⁾. Такое пониманіе этой партіи представляетъ собою скачекъ поспѣшнаго заключенія, не провереннаго вполне фактическими данными. Оно еще можетъ быть приблизительно вѣрно съ точки зрѣнія 1 посл. къ Кор., но совершенно теряетъ свою силу въ виду прямо противоположныхъ этому свидѣтельствъ 2 Кор. Сюда можно отнести съ правомъ 11 гл. 13, гдѣ Апостоль называетъ приверженцевъ этой партіи — „лживы, Апостоли, дѣлатели лъстивіи, преобразующеся во Апостолы Христовы“. Безпристрастный взглядъ не можетъ не узнать здѣсь хитрыхъ и упорныхъ противниковъ Павла, систематически преслѣдующихъ свои задачи, а вовсе не случайно заблуждающихся. Нигдѣ, при порицаніи другихъ партій, Апостоль не даетъ подобной рѣзкой характеристики, — что естественно приводитъ къ тому заключенію, что въ другихъ партіяхъ не было такихъ лжеано-

¹⁾ Обзорѣн. посл. Апост. Павла къ Коринѣ. СПб. 1861 стр. 117 и 118.

²⁾ Тамъ же стр. 125.

столовъ, таковыхъ лживыхъ дѣлателей и что только мнимые послѣдователи Христа заслуживали такое названіе. Это же мѣсто 11, 13 даетъ полное право признать за партію Христовою исключительную особность ея предъ другими партіями. Если мы обратимся къ другимъ партіямъ, то въ каждой изъ нихъ ничего болѣе не увидимъ, какъ только простую заключенность одной отъ другихъ, и исключительное пристрастіе къ извѣстнымъ авторитетамъ; напротивъ здѣсь въ понятіе партіи Христовой входитъ прямо оппозиціонный духъ борьбы изъ за извѣстныхъ интересовъ, духъ противо-дѣйствія и вражды изъ за извѣстныхъ цѣлей. Тамъ только заблужденіе относительно авторитетовъ, здѣсь оппозиція противъ авторитетовъ, оппозиція намѣренная и цѣлесообразная.

Но настаивая на такой систематической оппозиціи, мы не можемъ соединить съ партію Христовою тѣхъ тенденцій, которыя навязываетъ ей вслѣдъ за Гильгенфельдомъ (Klöpffer) Клөпперъ, рассматривая эту партію, какъ представительницу юдаистическаго направленія съ требованіями, для спасенія, закона и обрѣзанія ¹⁾). Странно бы было видѣть юдаистическихъ лжеучителей съ подзаконными требованіями въ Коринѣѣ—этой колыбели язычества, враждебнаго іудейству. Тѣмъ болѣе при этомъ нужно удивляться тому, что апостоль Павелъ, въ виду теологической оппозиціи, такъ небрежно относится къ ней и какъ бы отодвигаетъ въ посланіяхъ къ коринѣянамъ на задній планъ догматическую борьбу съ тѣмъ, чтобы дать впереди мѣсто личной борьбѣ, которая такъ наглядно выступаетъ въ названныхъ посланіяхъ и особенно во второмъ. Мы не смѣемъ, конечно, утверждать, чтобы возрѣнія христинцевъ существенно не отличались отъ христіанскихъ возрѣній общины Павловой ²⁾).

¹⁾ Klöpffer. Ibid s, 114 sp. Hilgenf. Zeitzlchv. 1866. 4. 1. 350.

²⁾ Противъ Гофман. Д. Heil. schrift. N. Test. II 3. z. 345.

Трудно себѣ представить, чтобы юдаистическіе учители, каковы были христинцы, порвали въ христіанствѣ всякую связь съ закономъ и обычаями прежней жизни. Если и Павелъ еще не былъ свободенъ отъ этихъ обычаевъ національныхъ, какъ можно заключать изъ его взгляда на христіанскую женщину (1 Кор. 11 2—26) ¹⁾, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о другихъ юдаистахъ. Они не могли остаться равнодушными къ своему родовому іудейскому происхожденію (2 кор. 11, 22) и закону, который въ земной жизни выполнялъ и самъ І. Христосъ. Но свое уваженіе къ подзаконному служенію они не могли навязывать такому христіанскому обществу, каково было языческо-христіанское общество коринѣское ²⁾, а потому должны были ограничиться одною только внѣшнею оппозиціею противъ апостола Павла. Быть можетъ за этою чисто внѣшнею борьбою и скрывалось лукавое намѣреніе лжеучителей провести въ коринѣскомъ хр. обществѣ юдаистическія идеи и подзаконныя тенденціи, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ намековъ Павла (2 кор. 11, 3. 4), но по крайней мѣрѣ къ тому времени, когда апостолъ писалъ наше второе посланіе къ коринѣянамъ, эти догматическіе принципы юдаистовъ не были еще высказаны и мы не въ правѣ навязывать ихъ нашему посланію. Весь разладъ между Павломъ и Христовою партіею, доходящій до открытаго антагонизма, состоялъ

¹⁾ Этотъ взглядъ сказанъ въ томъ, что апостолъ языковъ для женщинъ устанавливаетъ, какъ въ богослуженіи, такъ и во внѣшней жизни (ст. 10), іудейскіе обычаи покрывать голову. Этотъ же взглядъ іудейскій проходитъ у апостола и въ другомъ мѣстѣ 1 (кор. 10, 28 и 29, гдѣ запрещеніе пользоваться идоложертвеннымъ ради совѣсти слабыхъ было у апостола не собственное, выясненное, но чуждое, полученное еще въ іудействѣ.

²⁾ Сравн. Вагг. Paulus. s. 278.

только въ взаимномъ оспариваніи обоими сторонами правъ и преимуществъ апостольскаго званія и невыходилъ изъ этихъ границъ.

Эти сами по себѣ только еще вѣроятныя предположенія естественно въ этомъ дѣлѣ немогутъ напередъ дать рѣшенія. Но однакожь они напередъ могутъ изощрить глазъ для болѣе правильнаго раскрытія тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ безпристрастное толкованіе можетъ вывести вѣрный результатъ. Мы прослѣдимъ чрезъ обои посланія къ коринѳянамъ и прежде всего чрезъ первое, всѣ существенныя черты, которыми апостоль Павелъ ненеузнаваемо характеризуетъ его юдаистическихъ противниковъ и ихъ тенденціозный духъ.

На этотъ разъ прежде всего обращаетъ наше вниманіе 3, 22 (1 кор.), гдѣ при исчисленіи коринѳскихъ партій, апостоль упоминаетъ только о трехъ—Павловой, Аполлосовой и Кифовой и обходитъ молчаніемъ или касается только намекомъ четвертой—Христовой; почему нѣкоторые ученые и въ особенности Ребигеръ отвергаетъ даже самостоятельное положеніе общины Христовыхъ, такъ что слова: «ἐγὼ δὲ Χριστοῦ» (1. 12), по нему, не слова четвертой партіи, но общее выраженіе каждой изъ трехъ первыхъ ¹⁾; слова же: „Μηδεὶς ἔσται χριστοῦ“ (3, 23)—только пополняющее доказательство противъ „καυχασθε ἐν τοῖς ἀνδράποισι“ ²⁾ Однакожь свободное отъ предубѣжденій и не предвзанятое разсмотрѣніе этого мѣста приводитъ къ противоположному выводу. Въ разсматриваемомъ мѣстѣ апостоль, какъ видно, хочетъ правильнѣе опредѣлить отношенія вѣрующихъ не только къ ихъ проповѣдникамъ, но и проповѣданному ими Христу. Поэтому онъ раскрываетъ прежде всего предъ вѣру-

1) Rübiger Kritichs. Untersuch. ub. d. inhalt d. beid. Br. Ap. Paul. an. d.kor. gemeind. Rressl. 1847 s. 48

2) Тамже стр. 56.

ющими ихъ ложное заблужденіе относительно проповѣдниковъ. Словами: „Μηδεις κατασθω εν ανθρωποις“ апостоль характеризуетъ проповѣдниковъ богооткровенной истины, какъ обыкновенныхъ смертныхъ и этимъ самымъ предостерегаетъ вѣрующихъ отъ неразумной исключительной привязанности къ человѣческимъ авторитетамъ, противъ пристрастной оцѣнки значенія одного апостола предъ другими. И въ чему эти раздѣленія по апостоламъ, когда они (апостолы), какъ служители Христовы, составляютъ неотъемлемую принадлежность вѣрующихъ, тѣсно связанныхъ съ ними чрезъ Христа! Послѣ того какъ вѣрующіе вступили въ общеніе съ Христомъ, они владѣютъ апостолами какъ собственностію, и не только апостолами, но даже и всѣмъ (πάντα), что сколько нибудь имѣетъ отношеніе къ духовной и тѣлесной жизни христіанъ; не только „κοσμος и ζωη, но и θάνατος“ принадлежатъ вѣрующимъ, какъ участникамъ Христа ¹⁾. Когда Павелъ говоритъ, ἐίτε Πάυλος и т. д. (ст. 22) πάντα υωυς ἐστιν, то очевидно этимъ самымъ онъ хочетъ сказать то, что вѣрующіе имѣютъ право пользоваться какъ всѣми дарами своихъ проповѣдниковъ, такъ и всѣмъ—настоящимъ и грядущимъ и т. д. Что же касается того, что апостоль не прибавляетъ далѣе, „ἐίτε Χριστός“ то, какъ замѣчаетъ Данге ²⁾, это онъ дѣлаетъ потому, что не хочетъ поставить Христа въ соподчиненное отношеніе съ прежде—поименованными (апостолами), или, какъ еще яснѣе высказывается Голубевъ,—потому, что апостоль находилъ въ первыхъ трехъ нѣчто общее всѣмъ имъ, чего не находилъ въ послѣдней (Христовой). Эту общую черту первыхъ составляло то, что они хвалились въ человѣцѣхъ (ст. 21). Противъ такого заблужденія Апостоль и замѣчаетъ въ ст. 23: «ὐμαίς δε Χριστού» и непосредственно прибавляетъ: «Χριστός δε Θεοῦ». Если словами: «Вы же Христовы» Апо-

¹⁾ Такъ gange. theolo homil. Bibelverk. VII. s. 64.

²⁾ Ibid I 63.

столь имѣлъ въ виду раскрыть вѣрующимъ нормальное отношенія къ проповѣдникамъ, то выраженіемъ: «Христосъ же Божій»—Апостоль, очевидно, хотѣлъ опредѣлить нормальныя отношенія къ проповѣданному Христу; какъ въ первомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду заблужденіе вѣрующихъ относительно проповѣдниковъ, такъ въ послѣднемъ заблужденіе относительно І. Христа. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ нельзя не узнать людей Христовыхъ ¹⁾, какъ съ правомъ можно заключить изъ прибавленія къ ст. 23 выраженія—«Христосъ же Божій». Въ самомъ дѣлѣ если бы Апостоль ограничился словами—«вы же Христовы»,—то онъ, очевидно, далъ бы полное право на законность пароля христинцамъ, которые хвалились не въ человѣцѣхъ, но въ Христѣ. Апостоль же не хотѣлъ этого. Самъ по себѣ эпитетъ христинцевъ въ идеѣ былъ справедливъ, но заслуживалъ упрека эмпирически чрезъ схизматическое злоупотребленіе ²⁾. Апостоль посему восходитъ къ высшей инстанціи, на которой стоитъ Христосъ, что бы при настоящемъ случаѣ,—гдѣ онъ такъ налегаетъ на партіонный духъ коринѳянь, на человѣческіе авторитеты, на исключительное присвоеніе одного предъ другими,—чтобы, говоря, на этотъ разъ дать почувствовать и христинцамъ всю незаконность ихъ особеннаго исключительнаго присвоенія себѣ Христа: такъ какъ Христосъ—не глава партіи, но посланникъ Божій, въ своемъ лицѣ осуществившій отъ вѣкъ предустановленную экономію Божию. «Χριστός δε Θεός» такъ образомъ выражаетъ у апостола, въ контрасть съ партіоннымъ паролемъ у христинцевъ, универсальное значеніе Христа, какъ Бога, который есть всяческая и во всѣхъ, который есть общій эгидъ всѣхъ вѣрующихъ, а не однихъ только тѣхъ, которые обосновываютъ право *χριστοῦ εἶπαι*—на личномъ зна-

¹⁾ Противъ de Vette. Handbuch r. II. Test. II. 3. Leipz 1855 s. 35.

²⁾ Такъ Meyer. Handb. J. 67.

комствѣ съ Христомъ и въ устраненіи всякаго посредства Апостоловъ.

Разсмотрѣнное нами мѣсто 3, 22—23 не даетъ еще положительной характеристики партіи Христовой, но изъ него легко уже понять исключительное положеніе этой партіи въ ряду другихъ. Для болѣе ясной же характеристики общины Христовыхъ, мы прослѣдимъ еще одно мѣсто изъ 1 посл. къ Кор., гдѣ ап. Павелъ довольно замѣтно очерчиваетъ эту общину,—это именно 9 гл. 1. Здѣсь Павелъ усиливается защитить свой апостольскій авторитетъ противъ враговъ, противъ осуждающихъ его (ст. 2). Судя потому, какъ и съ какою цѣлю апостолъ выдвигаетъ эту самоапологию, не трудно узнать въ ней энергическое защищеніе противъ христинцевъ ¹⁾. Апостолъ въ 8 гл. указываетъ правила относительно яденія идоложертвеннаго. Здѣсь онъ съ особенною силою ударяетъ на то, что христіанинъ часто видитъ себя въ томъ положеніи, чтобы, ради совѣсти слабыхъ, воздерживаться отъ примѣненія къ дѣлу само по себѣ пристойнаго права—свободы совѣсти. Апостолъ заключаетъ тенденцію по этому предмету тѣмъ, что высказываетъ рѣшимость—во все не ѣсть мяса, если только яденіе соблазняетъ его брата. Это приводитъ апостола на специальный случай, чтобы представить себя читателямъ какъ такого, который отказываетъ себѣ въ подобающей его должности, свободѣ. Но въ то же время онъ знаетъ, что въ Коринѣскомъ обществѣ нѣтъ недостатка и въ извѣстныхъ людяхъ, которые оспаривали у него, связанную съ его апостольствомъ, прерогативу получать содержаніе отъ общества,—оспаривали на томъ основаніи, что Павелъ не имѣлъ даже апостольскаго авторитета. Почему Павелъ прежде чѣмъ хочетъ показать свою свободу отъ пользованія содержаніемъ и

¹⁾ Противъ Мейера *kritisch exeg Handbuch. ub. erst. Br. zu kor. s. 147* и Ребигера (*Infer such. ub. d. inhalt. beid. Brr. an. d. kor. s. 127*)

безкорыстное возвыщеніе Евангелія, старается утвердить напередъ за собою полное право на субсидію отъ общества, или иначе устраняетъ возраженіе противниковъ, — что онъ не есть истинный Апостоль (9, 1). Это тотъ самый фактъ, который Апостоль снова воспроизводитъ во 2 Кор. 11, 7—22. Въ обоихъ случаяхъ Апостоль указываетъ на свое свободное, совершенно безкорыстное благовѣствованіе (ср. 1 Кор. 9, 15—17; 2 Кор. 11, 7—10) и раскрываетъ тѣ мотивы, которыми онъ руководился при этомъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ мѣстѣ Апостоль выставляетъ одну и ту же цѣль своей безкорыстной дѣятельности — устранить всѣ препятствія къ благовѣствованію со стороны противниковъ (1 Кор. 9, 12; 2 Кор. 11, 12). Этыхъ противниковъ въ послѣднемъ мѣстѣ нельзя не узнать по той характеристикѣ, въ которой представляетъ ихъ Павелъ. Они *Ψευδοαποστολοι, ἐργαται δόλιοι, μετασχηματιζόμενοι εἰς ἀποστολους Χριστοῦ* (ст. 13); люди, которыхъ Апостоль иронически называетъ *ὕπερ λίαν ἀποστολοι*, — чего конечно не дозволилъ бы себѣ сказать Павелъ объ Иерусалимскихъ Апостолахъ, къ которымъ онъ всегда относился съ уваженіемъ и ставилъ ихъ выше себя (1 Кор. 15, 3—8). Намъ такимъ образомъ ничто не препятствуетъ полемическое направленіе 9 гл. 1 Кор. (ср. 11 гл. 2 Кор.) отнести не на партію Кифы, но (такъ какъ мы натурально должны устранить отсюда партіи Павла и Аполлоса) на партію Христову, которая оспаривала Апостольское право Павла. Для доказательства этого права Апостоль и ударяетъ главнымъ образомъ (въ 9, 1) на два выдающіеся вопроса: *οὐκ εἰμι ἀποστολος? λο οὐκὶ Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν κύριον ἡμῶν ἐώρακα* ¹⁾). При томъ къ защитѣ своей противъ

¹⁾ Подъ «εώρακα» нельзя конечно разумѣть личнаго знакомства Ап. Павла съ Христомъ; такъ какъ на это нѣтъ вѣдѣ указанія ни въ Дѣян. Апостольскихъ ни въ посл. Апостола Павла. *ἐώρακα* прежде всего относится къ явленію Господа Павлу на пути его въ Дамаскъ (Дѣян.

осужденія противниками онъ прибавляетъ къ обоимъ вопросамъ такіе существенные признаки своего Апостольства, которые должны были возвышать его надъ противниками. Къ вопросу οὐκ εἰμί ἀπόστολος онъ прибавляетъ οὐκ εἰμί ἐλεύθερος, — чѣмъ указываетъ (ср. ст. 19), — на полную независимость свою отъ людей ¹⁾ и какъ бы выясняетъ свое Апостольское право. Къ словамъ οὐκί Ἰησοῦν... ἔωραχα прибавляетъ «οὐ τὸ ἔργον μου ὑμᾶς ἔστε ἐν κυρίῳ» и этимъ послѣднимъ раскрываетъ нѣчто большее ему собственно принадлежащее, — чего недостовало его противникамъ — эксплуатарамъ чужихъ трудовъ (2 Кор. 10, 15). Если исключить эти два, такъ сказать, надбавленные пункта, то едва остается сомнѣніе относительно того, что извѣстное Апостольское достоинство Павла было оспариваемо потому, что онъ не былъ въ личной связи съ Христомъ, которая по Дѣян. Апост. 1, 21—22 выставляется какъ необходимый признакъ Апостольства. Противъ такога то оспариванія правъ учительства, Ап. Павелъ и выдвигаетъ какъ бы двѣ апологетическія нвстанціи: «не Апостоль ли я, не видѣлъ ли я І. Хр. Господа нашего?»

(Продолженіе будетъ).

Ап. 9, 22—26); однакожъ отсюда нельзя исключить и позднѣйшихъ видѣній Павла (Дѣян. Ап. 2, 8; 18, 9), какъ справедливо допускаетъ и Ланге (Bibel—Werk. VII. s. 139) Мейеръ (Handb. s. 147) и de Vette (Handb. s. 82).

¹⁾ Мейеръ (Handb. us. d. 1rst. Br. an. d. Kor. 1839 s. 147) и Ланге (Bibel—Werk VII. s. 139).

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ АП. ПАВЛА КЪ КОРИНӨЯНАМЪ.

(Продолженіе).

Изъ разсмотрѣнія этихъ мѣстъ перваго посланія къ Коринөянамъ можно составить приблизительно вѣрный образъ общины христовыхъ въ происхожденіи и направленіи ея. То, что особенно соблазняло людей Христа—этой, по всей вѣроятности, личное знакомство съ Христомъ, непо-

средственное знаніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ его земной жизни (1 Кор. 8, 1). На этомъ личномъ знакомствѣ они обосновывали свое право на учительство и утверждали, что только они владѣютъ положительнымъ ученіемъ Христа, что ученіе это могло сохраниться вѣрно только при непосредственной устной передачи и что только при такой связи съ Христомъ возможно духовное просвѣщеніе (2 Кор. 1, 12). Но противъ такого значенія ихъ права противостояла теперь личность Петра и другихъ апостоловъ, такъ же непосредственно знакомыхъ съ І. Христомъ и лично болѣе, чѣмъ кто либо, обращавшихся съ нимъ. Что бы устранить такое препятствіе и достигнуть большей самостоятельности и оригинальности,—люди Христовы рѣшились подвергнуть сомнѣнію авторитетъ этихъ апостоловъ со стороны авторитета. Они видѣли недостатокъ въ посредствующей ступени, которую занимали апостолы въ дѣлѣ отношенія вѣрующихъ ко Христу и потому считали болѣе правильнымъ непосредственное отношеніе къ нему. Каждый, по взгляду партіи Христовой, кто обращается въ христіанство, стоитъ уже въ непосредственномъ отношеніи ко Христу и не нуждается въ апостолахъ, какъ посредникахъ. Однакожъ таковыя убѣжденія они не могли высказать въ полестинѣ и въ частности въ Іерусалимѣ, гдѣ первообщество, конечно, болѣе довѣряло своему апостолу (Петру), авторитетъ котораго не могъ быть подорванъ даже и со стороны личнаго обращенія съ Христомъ, не могъ быть подорванъ тѣмъ болѣе, что тамъ было еще свѣжо преданіе объ особенномъ близкомъ общеніи Петра съ Христомъ и апостольскомъ призваніи его послѣднимъ. Къ этому должно прибавить еще то, что въ силу обычая того времени имѣть христіанамъ рекомендательныя письма отъ первообщества и первоапостоловъ, люди Христа сознавали свое зависимое отношеніе къ Іерусалимской общинѣ и волею или не волею должны были маскироваться предъ нею. Люди Христа такъ образомъ внутри матере общества не могъ

ли выказать тѣ нравственные пятна, которыя открывались позднѣе при ихъ фанатическомъ оппозиціонномъ положеніи въ Коринѣѣ. Здѣсь, въ Коринѣѣ, открывалось обширное поприщѣ для ихъ честолюбивыхъ замысловъ и предоставлялся, по видимому, полный просторъ ихъ эгоистическимъ порывамъ, несдерживаемымъ ни какими внѣшними авторитетами, ни какимъ привеллигированнымъ положеніемъ апостола языковъ, никакою наконецъ сдержанностію разнузданнаго язычества общества, еще не окрѣпшаго на почвѣ христіанства. Здѣсь уже не противостояло имъ лицо первоапостола; личность Павла казалась имъ подозрительною по самому дѣлу обращенія, а, воспріимчивая къ распрямъ Коринѣская почва общества, размягченная уже раздѣленіями на партіи Павла и Аполлоса, подавала твердую надежду на блестящій успѣхъ дѣла, на полный захватъ въ свои руки коринѣскаго христіанскаго общества. Между тѣмъ, какъ одни говорили: ἐγώ μὲν εἰμι Παύλου, другіе—ἐγώ δε Ἀπόλλω,—люди христовы выставляли противъ этого всю несостоятельность авторитета Павла и Аполлоса—этихъ основателей коринѣскаго христіанскаго общества—на томъ основаніи, что они не знали лично своего учителя (Христа), не получили отъ него непосредственно божественной истины и духовнаго озаренія и слѣдовательно проповѣдуютъ ложное ученіе, какъ и дѣйствуютъ вообще хата *σάρκα* (2 к 10, 2 ср. 9, 1). Они поэтому считали подозрительнымъ дѣло обращенія обоихъ языческихъ апостоловъ и старались сдѣлать подозрительною и самую апостольскую дѣятельность ихъ. Когда выдвинуть былъ этотъ довольно надежный барьеръ противъ апостольскаго достоинства Павла и Аполлоса, христіанская община коринѣская, балансправившая до сего времени между только двумя равнооправными авторитетами, выдвинула въ средѣ своей третью партію людей, при слабой совѣсти соблазнявшихся даже яденіемъ идоложертвеннаго (1 Кор. 8 гл.), считая значительнымъ возраженіе палестинскихъ

пришельцевъ противъ учительскаго права языческихъ апостоловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не довѣрая вполне Иерусалимскимъ миссіонерамъ, — эти немощствующіе немедленно образовали новую партію подъ эгидомъ лично знакомаго съ Христомъ первоапостола Петра и въ параллель *ἐγὼ δὲ Παῦλον καὶ Ἀπολλῶν* заклеили себѣ эпитетомъ — *ἐγὼ δὲ Κηρυχ*. Это конечно должно было произойти въ то время, когда люди Христа выступили только съ отрицательной стороною дѣла, когда они, желая захватить въ свои руки коринфское общество, старались унизить только авторитетъ апостоловъ. Но на ряду съ этою отрицательною стороною здѣсь является тотчасъ и положительная. Пришедшіе лжеучители скоро поняли психологическое настроеніе общества, въ которое стремились вѣсниться. Они хорошо поняли тотъ мотивъ, который заправлялъ первыми двумя партіями при раздѣленіи ихъ другъ отъ друга, — что бы воспользоваться для своихъ цѣлей неопытнымъ взглядомъ незрѣлаго ума, ослѣпленнаго на первыхъ порахъ яркимъ лучемъ божественнаго свѣта. Если одна партія говорила, что она принадлежитъ Павлу, другая — Аполлосу, то этимъ самымъ хотѣла каждая выразить то, что она стоитъ въ болѣе близкомъ отношеніи къ проповѣданному Христу. Что бы привлечь на свою сторону новобращенныхъ христіанъ, люди Христовы уничтожаютъ всякое посредство между вѣрующими и Христомъ, какъ предметомъ вѣры, устраняютъ всякое звѣно, отдѣляющее первыхъ отъ послѣдняго. Они выставляли прежде всего на видъ то, что какъ они сами стоятъ въ непосредственной связи съ Христомъ, какъ они непосредственно принадлежатъ ему, такъ и всякій, поступившій въ ихъ общину, не стоитъ уже болѣе въ подчиненномъ отношеніи къ какому либо апостолу, ни даже къ высшимъ первоапостоламъ, а въ прямомъ и непосредственномъ отношеніи ко Христу (1 кор. 1, 12).

Таково положеніе и направленіе партіи Христовой по

первому посланію къ Коринѳянамъ, гдѣ партія эта является, такъ сказать, эмбрионически, напервыхъ ступеняхъ своего развитія.

Теперь посмотримъ, какъ эта партія является предъ нами во 2 посланіи къ Коринѳянамъ, гдѣ она точнѣе формируется и опредѣляется. При этомъ мы главнымъ образомъ обратимъ вниманіе на тѣ мѣста посланія, въ которыхъ находится прямое указаніе на людей Христовыхъ. Это прежде всего цитированное уже нами мѣсто. гл. II ст. 13. Здѣсь апостолъ Павелъ характеризуетъ своихъ противниковъ, какъ *Ψευδαποστολοι, ἐργαται δόλοιο μετασχηματιζομενοι εις ἀποστολους χριστοῦ*. Что подъ этими противниками Апостолъ разумѣетъ приверженцевъ Христа, а не приверженцевъ Кифы ¹⁾ это ясно уже изъ того порицательнаго отзыва, который апостолъ дѣлаетъ о нихъ, называя ихъ лукавыми дѣлателями и служителями сатаны (14)—чего конечно нельзя было ожидать, если бы здѣсь дѣло шло о перво-апостолахъ. Извѣстно еще изъ перваго посланія къ Коринѳянамъ, что Павелъ всегда отдавалъ должное уваженіе и подобающую честь первоверховнымъ апостоламъ (1 кор. 15, 5) и ни какимъ образомъ не могъ приписать имъ такихъ предикатовъ, какъ *Ψευδαποστολοι ἐργαται δόλοιο* и т. п. Нѣтъ сомнѣнія при этомъ, что *Ψευδαποστολοι* и т. п. составляютъ предикатъ ²⁾ къ *οἱ ταῦτοι*, и ни какъ не субъектъ ³⁾ иначе этимъ выраженіемъ *οἱ ταῦτοι ψευδαποστολοι* α вводилась бы противоположность къ другимъ лжеапостоламъ. Между тѣмъ выраженіемъ *οἱ Ψευδαπόστολοι* и т. п. Апостолъ характеризуетъ прямо извѣстныхъ людей, указываетъ признаки имъ только свойственные, таковы: ложное присвоеніе себѣ чужихъ правъ, лукавая дѣятельность и маскировка этой дѣятельности подъ ширмою мнимаго апостольства.

¹⁾ Противъ Баура и Ребигера.

²⁾ Такъ Мейеръ вслѣдъ за Бейшлягомъ, Озіандеръ и де-Ветте.

³⁾ Противъ Noffmann die. Heil. schr. II s. I. 284.

Въ чемъ же выражалась и къ чему направлялась эта лукавая замаскированная дѣятельность лжеапостоловъ?—Отвѣтъ на это мы можемъ получить изъ тѣхъ мѣстъ 2 посл. къ кор., въ которыхъ Апостолъ, при разсматриваніи своей собственной дѣятельности, дѣлаетъ намекъ и на дѣятельность противниковъ. Въ этомъ отношеніи выступаетъ предъ нами на первомъ планѣ ст. 17 гл. 2. Съ ст. 14—16 той же главы Павелъ указываетъ плодотворную дѣятельность своей Евангельской проповѣди въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ проходилъ, указываетъ на эту дѣятельность съ признательною благодарностію къ Богу. Дѣятельность эта (проповѣдническая), по Апостолу,—благоугожденіе Божіе, живительное для однихъ и смертоносное для другихъ. И въ чемъ же Апостолъ находитъ преимущественную квалификацію для его ведущей къ жизни или смерти проповѣднической дѣятельности?—Въ томъ, что онъ—не какъ другіе многіе *κατηλέοντες τον λόγον του Θεου*. Безъ сомнѣнія здѣсь находится указаніе на такихъ христіанскихъ учителей, которые повинны были въ «*κατηλέειν*» слова Божія, указаніе далѣе на извѣстныхъ опредѣленныхъ лжеучителей, которыхъ Апостолъ имѣлъ предъ глазами, какъ это показываетъ членъ *οι πολλοι*. Въ чемъ же состояло это *κατηλέειν* слова Божія? Правильный отвѣтъ на это мы получимъ, если будемъ разсматривать это «*κατηλέειν*» «въ лексическомъ его употребленіи, въ значеніи ему только принадлежащемъ¹⁾, а не въ общемъ понятіи²⁾. «*Κατηλέειν*», въ собственномъ смыслѣ слова, значитъ вести торгъ, торговать мелочью, барышничать³⁾ торговца, котораго промыслъ состоитъ въ

¹⁾ Такъ Hofmann. Ibid s. 58.

²⁾ Какъ принимаютъ де—Ветте (Handb. N T. II. 2. s. 190) Клѣпперъ (Unter s. üb. d. zw. br. kor. I. 40).

³⁾ Въ такомъ значеніи это слово принимаетъ Ребигеръ (Untersuch. ub. d. inhalt. d. beid. Brr. Ap. II. an d. K. gem. 1847 s. 168) и Гофманъ (Die Heil. schr. II. 3. s. 58).

томъ, чтобы бушенное перепродать съ прибылью, направляетъ дѣло торговли такъ, чтобы ему легче и съ большею прибылью продать свой товаръ. Для этой цѣли онъ унижаетъ личности другихъ продавцевъ соперниковъ по торговлѣ, представляя ихъ не заслуживающими довѣрія и неблагонадежными, чрезъ что и самый товаръ другаго дѣлаетъ подозрительнымъ и опаснымъ для покупки. Такъ поступаютъ и тѣ, которыхъ касается упрекъ Апостола. Они стараются показать цѣнность себя и своего слова униженіемъ личности другихъ, и преимущественно Павла и его слова. Параллель эта лежитъ съ одной стороны въ томъ, что противники Павла лжеучители съ ихъ предположеніями ищутъ только себя самихъ, а не славы Божіей и спасенія тѣхъ, которымъ предлагаютъ слово,—съ другой стороны направляютъ дѣло такъ, чтобы косвеннымъ путемъ, чрезъ униженіе другихъ возвысить себя, почему они прибѣгаютъ къ хитрости, обману, и лукавству. Проповѣдь противниковъ Павла такъ образ. въ сущности не отличалась отъ проповѣди Павла и не представляла ничего новаго и особеннаго. Она предлагалась только въ изящной формѣ ораторскаго краснорѣчія (2 кор. 11, 6); но за этой мишурой внѣшняго величія не было ничего отличнаго отъ проповѣди Павла, почему этотъ послѣдній, балансируя съ противниками на вѣсахъ полноправія, не видитъ за собою ничего таковаго, чтобы не доставало ему предъ высшими Апостолами, *υπερ λιαν αποστολων* (11, 5), какъ онъ иронически называетъ людей Христовыхъ.

(Продолженіе будетъ).

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ АП. ПАВЛА КЪ КОРИНѢЯНАМЪ.

(Продолженіе).

Это безотличіе содержанія проповѣди Павла и его противниковъ съ очевидностію открывається изъ другаго особенно замѣчательнаго въ настоящемъ случаѣ мѣста, 9 Кор. 11, 3—5. Въ этомъ мѣстѣ апостоль Павелъ ведетъ полемику противъ такъ называемыхъ *υπερ λiάν ἀποστόλων*. Этимъ именемъ, очевидно, Павелъ обозначаетъ не кого другаго, какъ

только въ Коринѣхъ пришедшихъ, предводителей оппозицион-
той партіи, которыхъ ниже онъ характеризуетъ *Ψευδαποστολοι*!)

Ибо въ гл 11, 5 высшіе апостолы (*υπερ λιαν αποστολοι*)
не другіе какіе личности, какъ коллективно понятое *ερχομενος*
ст. 4 той же главы. Ст. 5 составляетъ только дальнѣйшій
выводъ ст. 4 и можетъ б. понять не иначе какъ въ связи
съ своимъ контекстомъ. Неопредѣленное „*μηδεν*“ (ст. 5)
можетъ быть опредѣлено въ связи съ ст. 4, который можно
сказать, составляетъ классическое мѣсто для существеннаго
пониманія Христовой партіи. Мы рассмотримъ это мѣсто
въ связи съ предъидущимъ контекстомъ рѣчи: такъ какъ
послѣдующій отчасти разъясненъ у насъ.

Въ ст. 1, 11 главы апостолъ проситъ читателей, чтобы
они были нѣсколько снисходительны къ неразумію его. Но
говоритъ онъ это, утѣшая себя исполненіемъ этой просьбы,—
„вы и снисходите ко мнѣ,“ говоритъ онъ читателямъ (ст.
1). Основаніе для такого снисхожденія апостолъ находитъ
въ той ревности, съ которою онъ заботится о спасеніи вѣ-
рующихъ. Отсюда естественное желаніе апостола, чтобы вѣ-
рующіе оставались вѣрными единому мужу, которому онъ
ихъ обручилъ и опасеніе за вѣрующихъ, чтобы они не под-
дались обману хитрыхъ лжеучителей, дѣйствующихъ съ
заднею корыстною цѣлію, и не увлеклись ихъ оболещеніемъ
какъ Евва оболещеніемъ змія (ст. 3). Отъ этихъ, предва-
рительно высказанныхъ Павломъ замѣчаній, получаетъ всю
силу и въ свою очередь сообщаетъ имъ твердую опору услов-
ное выраженіе ст. 4, предъидущія и послѣдующіе части ко-
торого представляютъ собою различіе во времени: „*ει μεν γαρ
ο ερχομενος αλλον Ιησουν κηρυσσει ον ουκ εκηρυσσαμεν, η πνευμα
ετερον λαμβανετε ο ουκ ελαβετε, η εβαγγελιον ετερον ο ουκ εδεξασθαι,
καλωσ ηγειρεσθε*“, Настоящему времени „*κηρυσσει*“ въ первой

1) Такъ и Гофманъ (H. Sehr. 11, 3, s. 274) и Клѣпперъ
(Unters. s. 103).

части—соотвѣтствуетъ во второй прошедш. „ἤνεχεσθε“. Такое различіе во времени имѣть свое основаніе отнюдь не въ измѣненіи конструкціи такъ чтобы можно было предполагать опущеніе частицы „ἄν“¹⁾ ни въ измѣненіи ἀνέχεσθε въ ἤνεχεσθε²⁾, но гораздо болѣе въ вставкѣ послѣ перваго члена (εἰ μὲν.... ἐκρηυξί) двухъ какъ бы вводныхъ предложений, изъ коихъ одно съ глаголомъ λαμβάνετε стоитъ въ настоящемъ времени, другое а съ глаголомъ ἐδέξασθε — въ прошедшемъ, такъ что одинаково было бы точно, если бы послѣдній членъ (ἀνέχεσθε) стоялъ и въ настоящемъ времени или въ прошедшемъ³⁾ Поэтому здѣсь не можетъ быть и рѣчи о грамматической аномалии⁴⁾; здѣсь скорѣе грамматическая трудность, чѣмъ неправильность. При этомъ въ какомъ бы времени не былъ поставленъ послѣдній членъ стиха (4), онъ всегда, въ соотвѣтствіе частицъ „εἰ“ въ первомъ членѣ, долженъ выражать условность дѣйствія и настоящей случай (ст. 4) мы должны разсмотрѣть не какъ дѣйствительный, уже совершившійся фактъ, что пришедшій проповѣдывалъ другаго, отличнаго отъ Павлова, Христа⁵⁾, а какъ условіе, при которомъ вѣрующіе имѣли бы право увлечься проповѣдію пришедшаго и принять ее; т. е. вѣру-

¹⁾ Противъ Мейера (exeg. Handb. ub. zw Br an. d. kor s. 209.)

²⁾ Противъ de Bette (kurzgehass. Handb. 11. 9, s. 293) и Клѣппера (Unters. ub. d. zw an. d. kor gem. 1869 s. 83).

³⁾ Такъ разсматриваетъ настоящее мѣсто Гофманнъ (D. Heilschr. N. Test 11. 3. s. 272), основываясь на одномъ мѣстѣ изъ Платона: Plato Apol. socr. p. 33a.

⁴⁾ Противъ Клѣппера (Unters. s. 83).

⁵⁾ Противъ Клѣппера (ibid. s. 82) de Bette (Handb. s. 292) и Гильгенфельда (Zeitschr 1871 1. Paul. u. kor. wirren. s. 117).

ющіе могли принять ученіе пришельцевъ и даже съ одобреніемъ отъ Павла (*καλῶς*) только въ томъ случаѣ, если въ этомъ ученіи они имѣли нѣчто такое, чего имъ не доставало, нѣчто другое, новое (*ἄλλον, ἕτερον*). Но такъ какъ апостоль былъ вполне увѣренъ въ полнотѣ и совершенствѣ своей проповѣди, какъ исходящей изъ божественнаго источника (Гал. 1. 8); такъ какъ былъ увѣренъ въ томъ, что никто и ничего не могъ болѣе возвѣстить и невозвѣстить, чего не было проповѣдано имъ, — то настоящее условіе онъ и разсматриваетъ въ границахъ невозможности. И *ἄλλον Ἰησοῦν, πνεῦμα ἕτερον* и *εὐαγγέλιον ἕτερον* могло быть таковымъ только въ глазахъ противниковъ, желавшихъ, съ помощію своей діалектической тонкости, тоже самое представить въ другой формѣ или перетолковать по своему на самомъ же дѣлѣ злѣсь, въ ученіи противниковъ Павла, не заключалось ничего новаго, особеннаго; почему Павелъ и говоритъ, что у него ни въ чемъ нѣтъ недостатка противъ *ὁπέρλιάν ἀποστόλων* (ст. 5) Эти *ὁπερ λιαν ἀποστολοι* такъ образомъ не проповѣдывали ничего другаго, отличнаго отъ проповѣди Павловой; а только старались тоже самое благовѣстіе представить глазамъ читателей въ иномъ видѣ, — дѣйствуя главнымъ образомъ отрицательно, искажая проповѣдь и представляя въ извращенномъ видѣ всю дѣятельность Павла. При такомъ разумѣніи настоящаго мѣста будетъ вполне понятна и та параллель, въ которой апостоль представляетъ отношеніе общества къ лжеучителямъ съ такими же отношеніями Еввы къ змію (ст. 3). Ибо какъ Евва не могла ожидать отъ змія ничего такого, чего бы не дано было ей отъ Бога, и однакожъ зміи представлялъ ей нѣчто другое, такъ точно и общество не могло ожидать отъ пришельцевъ ни чего новаго, чтобы не было проповѣдано Павломъ и однакожъ и это „ничто“ (*μηδεν* ст. 5) представлялось чѣмъ то своеобразнымъ, особеннымъ. Параллель, какъ видно, полная и вполне удачная. Этимъ сравненіемъ мы от-

части уже можемъ выяснитъ главные мотивы и тенденціи враговъ Павла. Какъ діаволь, въ образѣ змія, движимый чувствомъ зависти, направлялъ все лукавство и хитрость свою на то, чтобы вывести первозданнаго человѣка изъ подчиненія Творцу и достигалъ этого чрезъ искаженіе и ложное истолкованіе божественныхъ словъ, а также чрезъ возбужденіе недовѣрія къ самому Творцу; такъ точно и противники Павла, движимые корыстнымъ чувствомъ властолюбія, направляли свою дѣятельность прежде всего на то, чтобы отклонить вѣрующихся отъ простодушной довѣренности къ Павлу и его проповѣди и стремились достигнуть этого чрезъ представленіе въ ложномъ свѣтѣ личности Павла, а чрезъ это и его проповѣди. Что это было дѣйствительно такъ — въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія еще одно мѣсто изъ 2 Кор., гдѣ апостоль Павелъ съ особеннымъ воодушевленіемъ говоритъ о себѣ и своихъ противникахъ. Это отдѣлъ 10 гл. съ 2 по 7 ст. Здѣсь довольно ярко очерчивается характеръ противниковъ Павла и ихъ главное нападеніе на апостола языковъ. Основной пунктъ упрека, на который съ особенною силою налегали противники, былъ тотъ, что апостоль, по представленію враговъ его, дѣйствуетъ *κατὰ σάρκα* (10, 2). Значеніе *κατὰ σάρκα* въ настоящемъ случаѣ вполне ясно и опредѣленно. *Κατὰ σάρκα* стоитъ какъ противоположность *κατὰ πνεῦμα*, и дѣятельность *κατὰ σάρκα* есть дѣятельность душевно плотская, зависящая отъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни, жизнь слабая и тягостная въ постоянномъ антагонизмѣ съ духомъ, жизнь наконецъ грѣховная. Если перенести это понятіе „*κατὰ σάρκα*“ на жизнь и дѣятельность Павла, то жизнь эта, съ точки зрѣнія противниковъ его, можетъ быть охарактеризована, какъ жизнь чувственно плотская; здѣсь господствуетъ моментъ слабости, представленіе его дѣйствій, опредѣляемыхъ человѣческою боязнію и человѣко-угодностію; — отсюда здѣсь господствуетъ трусость и чрезмѣрная скромность въ личномъ присутствіи (10, 10). При такомъ

представленіи жизни и дѣятельности Павла, противники его выставляли слово его не заслуживающимъ довѣрія, какъ слово *хатὰ σάρκα*, а проповѣдь — лишенною всякой божественной санкціи, всякаго одухотворенія (2 Кор. 1, 12). И только себя самихъ выставляли какъ истинныхъ проповѣдниковъ, непосредственно наученныхъ самимъ І. Христомъ, — въ силу чего и гордились своимъ знаніемъ, какъ бы имманентно присущимъ имъ, и надмѣвались надъ другими (ср. 1 Кор. 9, 1, 2 Кор. 10, 6), постоянно стараясь показаться болѣе другихъ принадлежащими Христу (10, 7).

Вотъ существенная характеристика христивцевъ, какъ она является намъ по выдающимся мѣстамъ второго посланія къ Коринѣянамъ. Если мы теперь сравнимъ эту характеристику съ тѣми чертами, которыя получали изъ перваго посланія, то легко поймемъ тотъ историческій мотивъ который заправлялъ мыслию Павла при написаніи нашего второго посланія къ Коринѣянамъ. Въ сущности апостолу и во второмъ посланіи къ Кор. предстояло устранить тѣже самыя мысли, которыя онъ отклонялъ въ первомъ и его апологія во 2 посланіи есть только дальнѣйшее развитіе, коротко въ 1 посланіи высказанной, сущности оппозиціи противниковъ, въ свою очередь явившейся въ болѣе раскрывшейся формѣ. Это очень естественно и понятно само собою при той характеристикѣ Христовой партіи, которую даютъ намъ оба посланія ап. Павла къ Коринѣянамъ. Какъ бы ни была коротка и отрывочна эта характеристика, все же въ ней нельзя не узнать существенной тенденціи людей Христовыхъ и исключительнаго положенія ихъ въ средѣ Коринѣской христіанской общины. Партія людей Христовыхъ является съ чисто практическимъ направленіемъ — сдвинуть Павла съ того фундамента, на которомъ онъ стоялъ, и захватить въ свои руки тотъ террриторіумъ, который онъ занималъ. Такое направленіе должно было поставить людей Христа во враждебное отношеніе къ Коринѣскимъ авторитетамъ — преимущественно

же къ Павлу—и—выдвинуть ихъ изъ ряду другихъ партіонныхъ направленій, господствовавшихъ тогда въ Коринѣ. Между тѣмъ какъ другія партіи судорожно держались своихъ авторитетовъ, не затрогивая другъ друга, люди Христовы, какъ предводители партіи, поставляли главною задачею своею—сдвинуть апостола съ того пьедестала, на которомъ онъ стоялъ и захватить всѣ права, которыя принадлежали этому апостолу, какъ главному насадителю Коринтской общины. Тамъ (въ друг. парт.) общество судорожно примыкаетъ къ авторитетамъ; здѣсь (въ парт. Христ.) авторитеты силятся удержать за собою общество, возвышая себя въ ущербъ другимъ. Тамъ только заблужденіе младенчествуящаго ума, слѣпо довѣряющаго одному авторитету предъ другимъ, здѣсь расчитанное, расплавленное, тенденціозное направленіе, силящееся сдвинуть съ своего мѣста другіе авторитеты и энергически преслѣдующее свои цѣли. При такой тенденціозности, люди Христовы не могли, конечно, остановиться предъ субъективнымъ, неотвѣчающимъ ихъ возраженію, оправданіемъ апостола: οὐκ! Ἰησοῦν Χριστὸν ἐὼραχα такъ какъ оправданіе это выходило не изъ того пункта, на (который такъ налегали противники—именно не изъ личнаго знакомства съ Христомъ), тѣмъ менѣе они могли удовлетвориться фактическимъ основаніемъ, выведеннымъ изъ плодотворной дѣятельности его въ Коринѣ. Если Павелъ хвалился успѣхами своей проповѣди въ Коринѣ (1 Кор. 9, 1; 2 Кор. 3, 2); то противники его съ своей стороны могли воспользоваться нѣкоторыми частными случаями изъ практической жизни Павла, чтобы, съ помощію своей изворотливой діалектики, представить ихъ въ ложномъ свѣтѣ и очернить чрезъ это личность Павла (ср 2 Кор. 11, 5; 1, 15; 10, 10). Защита Павла въ 1 посл. Кор. противъ людей Христа дала послѣднимъ только новый поводъ для новыхъ, стоящихъ въ связи съ первыми, возраженій противъ его апостольскаго авторитета. Оспариваніе правъ, при энергическихъ усиліяхъ съ обеихъ сторонъ, должно было по это-

му перейти въ рѣзкій антагонизмъ, въ упорную борьбу между апостоломъ языковъ и лжеапостолами Коринѣскими. Сѣмя вражды, брошенное противниками, при удобныхъ условіяхъ дало замѣтный ростокъ; разсѣлиа, образовавшаяся вначалѣ между Павломъ и пришельцами въ Коринѣ—людьми Христа, должна была расширяться до пропасти, которую уже потомъ трудно было перейти. Религіозные революціонеры Коринѣскіе не ограничивались теперь краткимъ возраженіемъ,—что Павелъ не апостолъ: поелику не видѣлъ Иисуса Христа они; старались подорвать его апостольскій авторитетъ и со стороны практической, выходя изъ своихъ теоретическихъ началъ личнаго знакомства со Христомъ, какъ главнаго критериума апостольскаго права.

Если Павелъ былъ избранъ въ апостолы не историческимъ Христомъ, то онъ дѣйствовалъ, по взгляду его противниковъ, только по плоти, руководился σοφία σαρκίνη (2 Кор. 1, 12; 10, 2), — свои рѣшенія понималъ κατὰ σάρκα: проповѣдь его по этому должна носить характеръ не благонадежности, какъ это показываетъ недавній его поступокъ—измѣненіе плана путешествія (1, 15—18, ср. также 4, 3). Если онъ, далѣе, не былъ уполномоченъ самимъ Христомъ лично на дѣло проповѣди, то онъ могъ, по мнѣнію противниковъ, ввести себя въ общество, какъ апостола, только чрезъ себя самага, чрезъ саморекомендацію (3, 5; 4, 5), и проповѣдывалъ только себя самага и отъ себя самага, помимо всякаго духовнаго просвѣщенія (3, 5; 4, 5). При недостаткѣ такого духовнаго озаренія и подъ вліяніемъ κατὰ σάρκα, Павелъ представляется притворно отважнымъ, съ замѣтнымъ высокоуміемъ, граничащимъ въ сущности съ безуміемъ (5, 13),—это, по мнѣнію партіи Христовой, не апостолъ, а только замаскированный эксплуататоръ, обманщикъ (6, 8). Отсюда и самое безкорыстіе его должно быть понято, какъ притворное и ложное, оно выясняется изъ легко понятныхъ мотивовъ. Павелъ не принимаетъ дѣйствительно прямо никакого

вспоможения отъ основаннаго имъ общества, но не безъ основанія онъ заботится повсюду о милостыняхъ въ пользу святыхъ Иерусалима: такъ какъ при этомъ онъ можетъ извлечь и свои собственныя выгоды (7, 1 ср. 12, 17 18). Такая маскировка побора объясняется тѣмъ, что Павелъ, по взгляду противниковъ, не былъ увѣренъ въ себѣ самомъ и въ подлинности своего апостольства; этимъ же объясняется и то, что издали, въ посланіяхъ, онъ строгъ, въ присутствіи же боязливъ и слабъ и рѣчь его незначительна (10, 1; 9, 11). Вотъ тѣ обвиненія противъ апостола Павла, которыя мы не неузнаваемо встрѣчаемъ во 2 посланіи къ Коринѳянамъ, и которыя естественно слѣдуютъ изъ основныхъ началъ и тенденцій Христовой партіи.

Какъ апологія противъ этихъ обвиненій, является 2 посланіе апостола Павла къ Коринѳянамъ, въ послѣдовательномъ развитіи своей идеи отвѣчающее возраженіямъ Христинцевъ и разоблачающее коварныя замыслы послѣднихъ.

(Продолженіе будетъ).

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ АП. ПАВЛА КЪ КОРИНΘЯНАМЪ.

(Продолженіе).

Это безотличіе содержанія проповѣди Павла и его противниковъ съ очевидностію открывается изъ другаго особенно замѣчательнаго въ настоящемъ случаѣ мѣста, 9 Кор. 11, 3—5. Въ этомъ мѣстѣ апостоль Павелъ ведетъ полемику противъ такъ называемыхъ *υπέρ λίαν ἀποστόλων*. Этимъ именемъ, очевидно, Павелъ обозначаетъ не кого другаго, какъ

только въ Коринѣхъ пришедшихъ, предводителей оппозицион-
той партіи, которыхъ ниже онъ характеризуетъ *Ψευδαποστολοι*!)

Ибо въ гл 11, 5 высшіе апостолы (*υπερ λιαν αποστολοι*) не другіе какіе личности, какъ коллективно понятое *ερχομενος* ст. 4 той же главы. Ст. 5 составляетъ только дальнѣйшій выводъ ст. 4 и можетъ б. понять не иначе какъ въ связи съ своимъ контекстомъ. Неопредѣленное „*μηδεν*“ (ст. 5) можетъ быть опредѣлено въ связи съ ст. 4, который можно сказать, составляетъ классическое мѣсто для существеннаго пониманія Христовой партіи. Мы рассмотримъ это мѣсто въ связи съ предъидущимъ контекстомъ рѣчи: такъ какъ послѣдующій отчасти разъясненъ у насъ.

Въ ст. 1, 11 главы апостолъ проситъ читателей, чтобы они были нѣсколько снисходительны къ неразумію его. Но говорить онъ это, утѣшая себя исполненіемъ этой просьбы,— „вы и снисходите ко мнѣ,“ говорить онъ читателямъ (ст. 1). Основаніе для такого снисхожденія апостолъ находитъ въ той ревности, съ которою онъ заботится о спасеніи вѣрующихъ. Отсюда естественное желаніе апостола, чтобы вѣрующіе оставались вѣрными единому мужу, которому онъ ихъ обручилъ и опасеніе за вѣрующихъ, чтобы они не поддались обману хитрыхъ лжеучителей, дѣйствующихъ съ заднею корыстною цѣлію, и не увлеклись ихъ оболещеніемъ какъ Евва оболещеніемъ змія (ст. 3). Отъ этихъ, предварительно высказанныхъ Павломъ замѣчаній, получаетъ всю силу и въ свою очередь сообщаетъ имъ твердую опору условное выраженіе ст. 4, предъидущія и послѣдующіе части котораго представляютъ собою различіе во времени: „*ει μεν γαρ ο ερχομενος αλλον Ιησουν κηρυσσει ον ουκ εκηρυξαμεν, η πνευμα ετερον λαμβανετε ο ουκ ελαβετε, η εβαγγελιον ετερον ο ουκ εδεξασθαι, καλωσ ηγειρεσθε*“, Настоящему времени „*κηρυσσει*“ въ первой

1) Такъ и Гофманъ (H. Sehr. 11, 3, s. 274) и Клѣпперъ (Unters. s. 103).

части—соотвѣтствуетъ во второй прошедш. „ἤνεχεσθε“. Такое различіе во времени имѣть свое основаніе отнюдь не въ измѣненіи конструкціи такъ чтобы можно было предполагать опущеніе частицы „ἄν“¹⁾ ни въ измѣненіи ἀνέχεσθε въ ἤνεχεσθε²⁾, но гораздо болѣе въ вставкѣ послѣ перваго члена (εἰ μὲν.... ἐκρηυξί) двухъ какъ бы вводныхъ предложений, изъ коихъ одно съ глаголомъ λαμβάνετε стоитъ въ настоящемъ времени, другое а съ глаголомъ ἐδέξασθε — въ прошедшемъ, такъ что одинаково было бы точно, если бы послѣдній членъ (ἀνέχεσθε) стоялъ и въ настоящемъ времени или въ прошедшемъ³⁾ Поэтому здѣсь не можетъ быть и рѣчи о грамматической аномалии⁴⁾; здѣсь скорѣе грамматическая трудность, чѣмъ неправильность. При этомъ въ какомъ бы времени не былъ поставленъ послѣдній членъ стиха (4), онъ всегда, въ соотвѣтствіе частицъ „εἰ“ въ первомъ членѣ, долженъ выражать условность дѣйствія и настоящей случай (ст. 4) мы должны разсмотрѣть не какъ дѣйствительный, уже совершившійся фактъ, что пришедшій проповѣдывалъ другаго, отличнаго отъ Павлова, Христа⁵⁾, а какъ условіе, при которомъ вѣрующіе имѣли бы право увлечься проповѣдію пришедшаго и принять ее; т. е. вѣру-

¹⁾ Противъ Мейера (exeg. Handb. ub. zw Br an. d. kor s. 209.)

²⁾ Противъ de Bette (kurzgehass. Handb. 11. 9, s. 293) и Клѣппера (Unters. ub. d. zw an. d. kor gem. 1869 s. 83).

³⁾ Такъ разсматриваетъ настоящее мѣсто Гофманнъ (D. Heilschr. N. Test 11. 3. s. 272), основываясь на одномъ мѣстѣ изъ Платона: Plato Apol. socr. p. 33a.

⁴⁾ Противъ Клѣппера (Unters. s. 83).

⁵⁾ Противъ Клѣппера (ibid. s. 82) de Bette (Handb. s. 292) и Гильгенфельда (Zeitschr 1871 1. Paul. u. kor. wirren. s. 117).

ющіе могли принять ученіе пришельцевъ и даже съ одобреніемъ отъ Павла (*καλῶς*) только въ томъ случаѣ, если въ этомъ ученіи они имѣли нѣчто такое, чего имъ не доставало, нѣчто другое, новое (*ἄλλον, ἕτερον*). Но такъ какъ апостоль былъ вполне увѣренъ въ полнотѣ и совершенствѣ своей проповѣди, какъ исходящей изъ божественнаго источника (Гал. 1. 8); такъ какъ былъ увѣренъ въ томъ, что никто и ничего не могъ болѣе возвѣстить и невозвѣстить, чего не было проповѣдано имъ, — то настоящее условіе онъ и разсматриваетъ въ границахъ невозможности. И *ἄλλον Ἰησοῦν, πνεῦμα ἕτερον* и *εὐαγγέλιον ἕτερον* могло быть таковымъ только въ глазахъ противниковъ, желавшихъ, съ помощію своей діалектической тонкости, тоже самое представить въ другой формѣ или перетолковать по своему на самомъ же дѣлѣ злѣсь, въ ученіи противниковъ Павла, не заключалось ничего новаго, особеннаго; почему Павелъ и говоритъ, что у него ни въ чемъ нѣтъ недостатка противъ *ὁπέρλιάν ἀποστόλων* (ст. 5) Эти *ὁπερ λιαν ἀποστολοι* такъ образомъ не проповѣдывали ничего другаго, отличнаго отъ проповѣди Павловой; а только старались тоже самое благовѣстіе представить глазамъ читателей въ иномъ видѣ, — дѣйствуя главнымъ образомъ отрицательно, искажая проповѣдь и представляя въ извращенномъ видѣ всю дѣятельность Павла. При такомъ разумѣніи настоящаго мѣста будетъ вполне понятна и та параллель, въ которой апостоль представляетъ отношеніе общества къ лжеучителямъ съ такими же отношеніями Еввы къ змію (ст. 3). Ибо какъ Евва не могла ожидать отъ змія ничего такого, чего бы не дано было ей отъ Бога, и однакожъ зміи представлялъ ей нѣчто другое, такъ точно и общество не могло ожидать отъ пришельцевъ ни чего новаго, чтобы не было проповѣдано Павломъ и однакожъ и это „ничто“ (*μηδεν* ст. 5) представлялось чѣмъ то своеобразнымъ, особеннымъ. Параллель, какъ видно, полная и вполне удачная. Этимъ сравненіемъ мы от-

части уже можемъ выяснитъ главные мотивы и тенденціи враговъ Павла. Какъ діаволь, въ образѣ змія, движимый чувствомъ зависти, направлялъ все лукавство и хитрость свою на то, чтобы вывести первозданнаго человѣка изъ подчиненія Творцу и достигалъ этого чрезъ искаженіе и ложное истолкованіе божественныхъ словъ, а также чрезъ возбужденіе недоувѣрія къ самому Творцу; такъ точно и противники Павла, движимые корыстнымъ чувствомъ властолюбія, направляли свою дѣятельность прежде всего на то, чтобы отклонить вѣрующихся отъ простодушной довѣренности къ Павлу и его проповѣди и стремились достигнуть этого чрезъ представленіе въ ложномъ свѣтѣ личности Павла, а чрезъ это и его проповѣди. Что это было дѣйствительно такъ — въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія еще одно мѣсто изъ 2 Кор., гдѣ апостоль Павелъ съ особеннымъ воодушевленіемъ говорить о себѣ и своихъ противникахъ. Это отдѣлъ 10 гл. съ 2 по 7 ст. Здѣсь довольно ярко очерчивается характеръ противниковъ Павла и ихъ главное нападеніе на апостола языковъ. Основной пунктъ упрека, на который съ особенною силою налегали противники, былъ тотъ, что апостоль, по представленію враговъ его, дѣйствуетъ *κατὰ σάρκα* (10, 2). Значеніе *κατὰ σάρκα* въ настоящемъ случаѣ вполне ясно и опредѣленно. *Κατὰ σάρκα* стоитъ какъ противоположность *κατὰ πνεῦμα*, и дѣятельность *κατὰ σάρκα* есть дѣятельность душевно плотская, зависящая отъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни, жизнь слабая и тягостная въ постоянномъ антагонизмѣ съ духомъ, жизнь наконецъ грѣховная. Если перенести это понятіе „*κατὰ σάρκα*“ на жизнь и дѣятельность Павла, то жизнь эта, съ точки зрѣнія противниковъ его, можетъ быть охарактеризована, какъ жизнь чувственно плотская; здѣсь господствуетъ моментъ слабости, представленіе его дѣйствій, опредѣляемыхъ человѣческою боязнію и человѣко-угодностію; — отсюда здѣсь господствуетъ трусость и чрезмѣрная скромность въ личномъ присутствіи (10, 10). При такомъ

представленіи жизни и дѣятельности Павла, противники его выставляли слово его не заслуживающимъ довѣрія, какъ слово *хатὰ σάρκα*, а проповѣдь — лишенною всякой божественной санкціи, всякаго одухотворенія (2 Кор. 1, 12). И только себя самихъ выставляли какъ истинныхъ проповѣдниковъ, непосредственно наученныхъ самимъ І. Христомъ, — въ силу чего и гордились своимъ знаніемъ, какъ бы имманентно присущимъ имъ, и надмѣвались надъ другими (ср. 1 Кор. 9, 1, 2 Кор. 10, 6), постоянно стараясь показаться болѣе другихъ принадлежащими Христу (10, 7).

Вотъ существенная характеристика христивцевъ, какъ она является намъ по выдающимся мѣстамъ второго посланія къ Коринѣянамъ. Если мы теперь сравнимъ эту характеристику съ тѣми чертами, которыя получали изъ перваго посланія, то легко поймемъ тотъ историческій мотивъ который заправлялъ мыслию Павла при написаніи нашего второго посланія къ Коринѣянамъ. Въ сущности апостолу и во второмъ посланіи къ Кор. предстояло устранить тѣже самыя мысли, которыя онъ отклонялъ въ первомъ и его апологія во 2 посланіи есть только дальнѣйшее развитіе, коротко въ 1 посланіи высказанной, сущности оппозиціи противниковъ, въ свою очередь явившейся въ болѣе раскрывшейся формѣ. Это очень естественно и понятно само собою при той характеристикѣ Христовой партіи, которую даютъ намъ оба посланія ап. Павла къ Коринѣянамъ. Какъ бы ни была коротка и отрывочна эта характеристика, все же въ ней нельзя не узнать существенной тенденціи людей Христовыхъ и исключительнаго положенія ихъ въ средѣ Коринѣской христіанской общины. Партія людей Христовыхъ является съ чисто практическимъ направленіемъ — сдвинуть Павла съ того фундамента, на которомъ онъ стоялъ, и захватить въ свои руки тотъ территоріумъ, который онъ занималъ. Такое направленіе должно было поставить людей Христа во враждебное отношеніе къ Коринѣскимъ авторитетамъ — преимущественно

же къ Павлу—и—выдвинуть ихъ изъ ряду другихъ партіонныхъ направленій, господствовавшихъ тогда въ Коринѣ. Между тѣмъ какъ другія партіи судорожно держались своихъ авторитетовъ, не затрогивая другъ друга, люди Христовы, какъ предводители партіи, поставляли главною задачею своею—сдвинуть апостола съ того пьедестала, на которомъ онъ стоялъ и захватить всѣ права, которыя принадлежали этому апостолу, какъ главному насадителю Коринтской общины. Тамъ (въ друг. парт.) общество судорожно примыкаетъ къ авторитетамъ; здѣсь (въ парт. Христ.) авторитеты силятся удержать за собою общество, возвышая себя въ ущербъ другимъ. Тамъ только заблужденіе младенчествуящаго ума, слѣпо довѣряющаго одному авторитету предъ другимъ, здѣсь расчитанное, расплавленное, тенденціозное направленіе, силящееся сдвинуть съ своего мѣста другіе авторитеты и энергически преслѣдующее свои цѣли. При такой тенденціозности, люди Христовы не могли, конечно, остановиться предъ субъективнымъ, неотвѣчающимъ ихъ возраженію, оправданіемъ апостола: οὐκ! Ἰησοῦν Χριστὸν ἐὼραχα такъ какъ оправданіе это выходило не изъ того пункта, на (который такъ налегали противники—именно не изъ личнаго знакомства съ Христомъ), тѣмъ менѣе они могли удовлетвориться фактическимъ основаніемъ, выведеннымъ изъ плодотворной дѣятельности его въ Коринѣ. Если Павелъ хвалился успѣхами своей проповѣди въ Коринѣ (1 Кор. 9, 1; 2 Кор. 3, 2); то противники его съ своей стороны могли воспользоваться нѣкоторыми частными случаями изъ практической жизни Павла, чтобы, съ помощію своей изворотливой діалектики, представить ихъ въ ложномъ свѣтѣ и очернить чрезъ это личность Павла (ср 2 Кор. 11, 5; 1, 15; 10, 10). Защита Павла въ 1 посл. Кор. противъ людей Христа дала послѣднимъ только новый поводъ для новыхъ, стоящихъ въ связи съ первыми, возраженій противъ его апостольскаго авторитета. Оспариваніе правъ, при энергическихъ усиліяхъ съ обеихъ сторонъ, должно было по это-

му перейти въ рѣзкій антагонизмъ, въ упорную борьбу между апостоломъ языковъ и лжеапостолами Коринѣскими. Сѣмя вражды, брошенное противниками, при удобныхъ условіяхъ дало замѣтный ростокъ; разсѣлива, образовавшаяся вначалѣ между Павломъ и пришельцами въ Коринѣ—людьми Христа, должна была расширяться до пропасти, которую уже потомъ трудно было перейти. Религіозные революціонеры Коринѣскіе не ограничивались теперь краткимъ возраженіемъ,—что Павелъ не апостолъ: поелику не видѣлъ Иисуса Христа они; старались подорвать его апостольскій авторитетъ и со стороны практической, выходя изъ своихъ теоретическихъ началъ личнаго знакомства со Христомъ, какъ главнаго критериума апостольскаго права.

Если Павелъ былъ избранъ въ апостолы не историческимъ Христомъ, то онъ дѣйствовалъ, по взгляду его противниковъ, только по плоти, руководился σοφία σαρκίνη (2 Кор. 1, 12; 10, 2), — свои рѣшенія понималъ κατὰ σάρκα: проповѣдь его по этому должна носить характеръ не благонадежности, какъ это показываетъ недавній его поступокъ—измѣненіе плана путешествія (1, 15—18, ср. также 4, 3). Если онъ, далѣе, не былъ уполномоченъ самимъ Христомъ лично на дѣло проповѣди, то онъ могъ, по мнѣнію противниковъ, ввести себя въ общество, какъ апостола, только чрезъ себя самаго, чрезъ саморекомендацію (3, 5; 4, 5), и проповѣдывалъ только себя самаго и отъ себя самаго, помимо всякаго духовнаго просвѣщенія (3, 5; 4, 5). При недостаткѣ такого духовнаго озаренія и подъ вліяніемъ κατὰ σάρκα, Павелъ представляется притворно отважнымъ, съ замѣтнымъ высокоуміемъ, граничащимъ въ сущности съ безуміемъ (5, 13),—это, по мнѣнію партіи Христовой, не апостолъ, а только замаскированный эксплуататоръ, обманщикъ (6, 8). Отсюда и самое безкорыстіе его должно быть понято, какъ притворное и ложное, оно выясняется изъ легко понятныхъ мотивовъ. Павелъ не принимаетъ дѣйствительно никакого

вспоможения отъ основаннаго имъ общества, но не безъ основанія онъ заботится повсюду о милостыняхъ въ пользу святыхъ Иерусалима: такъ какъ при этомъ онъ можетъ извлекать и свои собственныя выгоды (7, 1 ср. 12, 17 18). Такая маскировка побора объясняется тѣмъ, что Павелъ, по взгляду противниковъ, не былъ увѣренъ въ себѣ самомъ и въ подлинности своего апостольства; этимъ же объясняется и то, что издали, въ посланіяхъ, онъ строгъ, въ присутствіи же боязливыхъ и слабъ и рѣчь его незначительна (10, 1; 9, 11). Вотъ тѣ обвиненія противъ апостола Павла, которыя мы не неузнаваемо встрѣчаемъ во 2 посланіи къ Коринѳянамъ, и которыя естественно слѣдуютъ изъ основныхъ началъ и тенденцій Христовой партіи.

Какъ апологія противъ этихъ обвиненій, является 2 посланіе апостола Павла къ Коринѳянамъ, въ послѣдовательномъ развитіи своей идеи отвѣчающее возраженіямъ Христинцевъ и разоблачающее коварные замыслы послѣднихъ.

(Продолженіе будетъ).

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ТАМБОВСКИХЪ

ЕПАРХИАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

15-го іюля

№ 14.

1878 года.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ АП. ПАВЛА КЪ КОРИНѢЯНАМЪ.

(Продолженіе).

Изложеніе содержанія 2 посланія Апостола Павла къ Коринѣянамъ въ послѣдовательномъ развитіи идеи его.

а) *Отношеніе Ап. Павла къ проповѣдуемому имъ Христу (по 5 гл. включит.).*

Послѣ обычнаго привѣтствія и благожеланія Коринѣянамъ (ср. 1 Кор. 1, 1 Ефес. I, 1), а также и обрисовки своего тягостнаго положенія, подъ гнетомъ котораго пишетъ настоящее посланіе 1) ¹⁾, Апостоль Павелъ непосредственно раскрываетъ предъ обществомъ внутреннія основы своей проповѣднической жизни и дѣятельности. Поелику враги Павла правоапостольства обосновывали на непосредственномъ обращеніи со Христомъ и Павелъ поэтому не могъ доказать этого личнаго знакомства со Христомъ на основаніи однихъ только видѣній (1 Кор. 9, 1), то онъ могъ его

¹⁾ См. въ концѣ объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ посланія.

приготовленіе къ служенію отнести только на непосредственное дѣйствіе божественной благодати, изъ которой онъ выясняетъ и всю свою дѣятельность. (2 Кор. 1, 12) 2) Такъ самъ Богъ помазалъ его на служеніе (1, 21—22) 3) т. е. чрезъ сообщеніе ему Св. Духа посвятилъ его къ проповѣданію евангелія и постоянно сохраняетъ его на этомъ пути, избавляя его отъ искушеній и чрезмѣрныхъ опасностей жизни (1, 4—10) По чему самая дѣятельность его представляетъ собою какъ бы рефлектъ дѣятельности проповѣдуемаго имъ Христа (1, 19). Отсюда не можетъ быть и рѣчи о непостоянствѣ проповѣднической дѣятельности Павла; такъ какъ основа его проповѣди—Христосъ есть положительное, всегда вѣрное само себѣ „да“ (1, 18). И если апостоль измѣнилъ планъ своего путешествія (15),—на что такъ налегали противники,—то только потому, что движимый духомъ Божиимъ и дѣйствуя какъ строитель, а не какъ разоритель, онъ изъ любви къ вѣрующимъ и изъ пощады ихъ не рѣшался снова притти къ нимъ съ печалію и огорченіемъ (1, 23; 2, 1—3) 5).

Апостоль Павелъ такимъ образомъ самую способность къ служенію Новаго Завѣта производить не отъ самаго себя, но отъ Бога (3, 5) 6) который далъ ему залогъ духа для этого служенія (1, 22), отъ благодати Божіей, которая ввѣрена ему на это служеніе. По чему онъ говоритъ искренно—отъ Бога, предъ лицомъ Бога во Христѣ (2, 17). Онъ не нуждается въ чужей сторонней рекомендаціи, но рекомендуетъ самъ себя каждой неспорченной человѣческой совѣсти, чрезъ открытое возвѣщеніе истины. (3, 1—4 и 4, 2), проповѣдуемой въ простотѣ и искренности, не по плотской мудрости, но по благодати Божіей (1, 12). Очевиднымъ залогомъ такой дѣятельности служить само общество, которое апостоль представляетъ, какъ рекомендательное письмо, написанное не чернилами, но духомъ Бога живаго (3, 3) 7) такъ какъ и самъ апостоль—служитель Новаго Завѣта, не

буквы, но духа (3, 6). Такое чисто духовное отношеніе къ дѣлу апостоль въводитъ изъ самой сущности ново-завѣтной христіанской религіи, которая есть чисто духовная, свободная въ противоположность религіи ветхо-завѣтной подзаконной и плотской. (3, 6--17) 8) Параллель, которую апостоль проводитъ между служеніемъ ветхозавѣтнымъ и ново-завѣтнымъ, ясно даетъ понять превосходство послѣдняго надъ первымъ. Съ одной стороны сущностію является буква, которая убиваетъ; съ другой духъ, который животворитъ (ст. 6); первое служеніе было соупотребляемо славою, которая ослѣпляла плотскіе глаза, но второе есть гораздо болѣе благотворное и величественное по причинѣ даровъ, которые Духъ Святой распространилъ въ душахъ вѣрующихъ (9—10). Слава одного измѣнчива, какъ тѣнь, которая переходитъ; слава другаго не подвижна и вѣчна, какъ истина, которая живетъ всегда, которой только отображеніемъ, тѣнью была слава преходящаго (11). Наконецъ съ одной стороны Моисей долженъ былъ покрывать лице свое, сіяющее лучами свѣта, которые онъ получилъ въ общеніи съ Богомъ (ст. 13) и оставилъ на глазахъ Іудеевъ плотское покрывало, препятствующее имъ видѣть лице І Христа, съ другой апостолы, чрезъ открытое проповѣданіе Христа, должны снять это покрывало, сами созерцая открытымъ лицемъ, чрезъ Духа Святаго, всю славу І. Христа и возвышаясь въ силу духовнаго общенія съ нимъ отъ славы къ славѣ до образа славы Господней (ст. 18).

При такомъ служеніи, основанномъ на чисто духовныхъ началахъ—внутренняго общенія съ распятымъ и непосредственнаго внутренняго облагодатствованія, апостоль Павелъ всю свою жизнь и дѣятельность разсматриваетъ, какъ вполне гармонирующую съ апостольскимъ призваніемъ и служеніемъ и соотвѣтствующую своему первоидеалу. Такъ вся его проповѣдническая дѣятельность, какъ не ложное возвѣщеніе Христа есть Хριστός εἰσδία т. е. благоуханіе пристокающее

отъ Христа и благопріятное Богу (4, 5; 2, 15) 9) Даже печали и страданія, которымъ апостоль подвергался во время своего служенія, составляютъ, понему, необходимое условіе его апостольской дѣятельности служить явнымъ доказательствомъ того, что онъ (Павель)—вѣрное отображеніе своего первообраза,—распятаго Христа (4, 10). Онъ разсматриваетъ эти страданія, какъ такія, которыя потерпѣлъ по образу Христа и ради Христа. (4, 10 ср. 1, 4) 10) какъ страданія временныя, руководящія однакожь къ славѣ вѣчной. Онѣ являются по апостолу какъ бы горниломъ очищающимъ и приготовляющимъ его для вѣчной жизни и служатъ вѣрнымъ ручательствомъ за непосредственное присутствіе божественной благодати, которая дѣйствуетъ въ этихъ слабыхъ, бранныхъ элементахъ тѣла (4, 7—18) 11) и помогаетъ выдерживать всѣ напоры несчастій бурной жизни.—Но съ другой стороны такое особенное духовное одареніе дѣлаетъ апостола болѣе отвѣтственнымъ предъ Богомъ и этотъ взглядъ на будущее возмездіе, на будущій судъ, держитъ его заботливо бодрствующимъ относительно своихъ дѣлъ и поступковъ (5, 10). Въ сознаніи этого страшнаго суда, Апостоль Павель и старается вразумить вѣрующихъ отъ истинности и чистоты его общихъ дѣйствій,—убѣдить въ томъ, что онъ открытъ уже всезнающему и могущему видѣть глубину сердца—Богу и въ тоже время высказываетъ надежду, что его искренность открыта и каждой неиспорченной совѣсти (5, 11) Въмѣстѣ съ этимъ апостоль не могъ подставить свое собственное самосужденіе подъ точку зрѣнія своей саморекомендаціи, но могъ только читателямъ указать на это, какъ на матеріаль, чтобы они съ своей стороны хвалились Апостоломъ и защищали его противъ тѣхъ, которые хвалятся *eu prototou kai ou kardia* (5, 12) 12) Чтобы усилить этотъ поводъ еще болѣе и довести до послѣднихъ размѣровъ, апостоль раскрываетъ что даже и то, что противники его называютъ безуміемъ (5, 13) 13) есть результатъ того же соз-

нанія вѣрнной ему Христомъ благодати и силы: если онъ и выходитъ изъ себя, то для Христа, который принесъ себя въ жертву за грѣхи всего міра и своею смертію примирилъ міръ съ Богомъ. Посему онъ и проповѣдуетъ Христа безгрѣшнаго, сдѣлавшагося грѣховнымъ ради насъ (5, 14—21), Христа не въ границахъ его земной плотской жизни и натурально общечеловѣческихъ свойствъ, но въ значеніи его крестной смерти, снявшей съ насъ грѣховныя узы плоти и примирившей насъ съ Богомъ. (ст. 15 и 16) 14). Посему далѣе служеніе, которое Богъ, примиривъ съ собою міръ, возложилъ на Павла, есть *διακονία τῆς καταγγέλσεως* (5, 18—19) 15). Павелъ такимъ образомъ выступаетъ для Христа, что бы исполнить его дѣло какъ *посланнику*, какъ бы самъ Богъ выражаетъ чрезъ него требованіе вѣрующимъ примириться съ нимъ. (5, 20).

Изъ этого до 6 гл. трактата Павла относительно его апостольскаго достоинства выходитъ такимъ образомъ, что онъ не чрезъ плотское личное знакомство съ Христомъ, не чрезъ внѣшнее посредство достигъ къ тому, чтобы сознать свои апостольскія права, но чрезъ непосредственное божественное призваніе, чрезъ непосредственное облагодатствованіе, которое дѣлаетъ его чисто духовнымъ и способнымъ на вѣрнное ему служеніе,—что онъ, апостоль, считаетъ своею задачею—не возвѣщеніе земнаго, плотскаго Иисуса, но проповѣданіе распятаго и воскресшаго Христа, примирившаго своею смертію міръ съ Богомъ и давшаго служеніе примиренія апостолу, что наконецъ все обладаніе служеніемъ носить въ себѣ характеръ духовно-идеальный, соотвѣтствующій такому же отношенію ко Христу. Здѣсь такимъ образомъ апостоль Павелъ раскрываетъ свои отношенія къ проповѣдуемому имъ Христу и основные принципы своей дѣятельности. Какъ результатъ этихъ отношеній ко Христу, апостоль изъ основныхъ принциповъ своей дѣятельности выводитъ и отношенія свои къ обществу и выясняетъ ихъ въ слѣдующихъ 4 главахъ съ 6 по 9 включ.

в) *Отношеніе Апостола Павла къ обществу (съ 6 гл. по 9 включит.).*

Въ сознаніи того, что онъ органъ божественной благодати, органъ, назначенный привести всѣхъ къ примиренію съ Богомъ (5, 20), Апостоль и просить вѣрующихъ воспользоваться всѣми дарами благодати, сообщенной имъ (6, 1 и 2).

Послѣ живой и быстрой картины своихъ преслѣдованій, — картины гдѣ находятся страданія, нужды, тѣснота, раны, темницы, обольщенія, труды, бдѣнія, посты, терпѣніе, честь и безчестіе, слава и безславіе, печаль и радость, бѣдность и богатство, наконецъ смерть и жизнь — послѣ всего этого Апостоль Павелъ обращается къ дорогимъ Коринтянамъ, для которыхъ онъ потерпѣлъ всѣ эти страданія, съ словами: «О Коринтяне, уста наши отверсты къ вамъ, сердце наше расширено для васъ, вамъ не тѣсно въ насъ, но въ сердцахъ вашихъ тѣсно, — въ равное возмездіе распростравитесь и вы» (6 ст. 11—13) (16) почему и просить Коринтянъ остаться вѣрными своему призванію, удаляться всякаго общенія съ невѣрными и очистить себя отъ всякія скверны плоти и духа (гл. 7, 1): (17) такъ какъ чистое можетъ быть обнято только чистымъ; между тѣмъ какъ общество многими заляпало себя, соблазнялось и увлекаясь такими лжеучителями, которые обижаютъ ихъ и эксплуатируютъ ими (7, 2 ср. 11, 20); (18) но опасаясь вызвать такую иронію неудовольствіе въ обществѣ, онъ смягчаетъ эту иронію тѣмъ завѣреніемъ, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія осуждать Коринтянъ и что его слово — слово любвеобильнаго отца къ дѣтямъ, твердоувѣреннаго въ томъ, что порицаніе вызоветъ исправленіе (ст. 3 гл. 7); онъ всегда говоритъ къ нимъ свободно, какъ отецъ къ дѣтямъ, съ любовію, довѣренностію и уваженіемъ, ихъ послушаніе составляетъ ихъ славу, онъ вполне утѣшенъ и прензобилуетъ радостію, не смотря на всѣ скорби, которыя онъ терпитъ (4 и 5 ст.) (19). Основаніемъ такой довѣреннос-

ти и утѣшенія служить для него недавній фактъ,—(по поводу его прежняго посланія(—въ которомъ коринѳяне показали себя какъ истинные христіане. Почему Апостоль говоритъ объ извѣстіяхъ, принесенныхъ ему изъ Коринѳянъ притомъ о печали, которую Коринѳяне показали, о слезахъ, которыя они пролили при одной только мысли, что они опечалили сердце Павлово, о ревности загладить сдѣланный проступокъ (8, 12) и наконецъ о томъ, что они слишкомъ хорошо приняли Тита и тѣмъ самымъ оправдали свою рекомендацію (см. 13 и 14).—Выяснивши такимъ образомъ, что онъ дѣйствуетъ изъ любви и довѣренности къ обществу, а отнюдь не изъ корыстныхъ какихъ либо цѣлей, Апостоль теперь смѣло обращается къ Коринѳянамъ съ просьбою о милостынѣ въ пользу святыхъ въ Іерусалимѣ (гл. 8 и 9). Чтобы лучше достигнуть исполненія своей просьбы, онъ сначала представляетъ Коринѳянамъ примѣръ Македонянъ,—примѣръ особенно разительный для дѣйствія на ихъ сердца: такъ какъ Македоняне сими были очень бѣдны. (ст. 1 и 2 гл. 8) (20) но не смотря на свою бѣдность, они оказались слишкомъ щедры и доброхотны сверхъ чаянія, они не жалѣютъ для Господа и самихъ себя (3—5); тѣмъ болѣе это должны, по совѣту Павла, сдѣлать Коринѳяне, обилующіе другими дарами (ст. 7). Между тѣмъ Апостоль не хочетъ дать правила и ограничивается однимъ только приглашеніемъ къ приношенію, напоминая Коринѳянамъ чрезъ примѣръ Македонянъ, какъ натуральна должна быть съ ихъ стороны милостыня (ст. 8). Однакожъ Апостоль не ограничивается этимъ примѣромъ Македонянъ, онъ даетъ Коринѳянамъ другой примѣръ болѣе поучительный, примѣръ самаго Іисуса Христа, который обладалъ всѣми сокровищами неба и земли, но который ради другихъ сдѣлался бѣднымъ (ст. 6). И здѣсь, гдѣ кажется, Апостоль имѣлъ полное право повелѣвать, онъ ограничивается однимъ только совѣтомъ—для ихъ же репутаціи исполнить обязательство, которое они еще съ прошлаго года паложали на себя

(10, 11) (21). Для того, чтобы дать этому мотиву непреодолимую, могущественную силу, онъ показываетъ вѣрующимъ Коринтянамъ сколь легко удовлетворить ихъ обязательствамъ послѣ того, какъ у нихъ просить только умеренныхъ вспоможеній, которыя однакожъ имѣютъ своимъ назначеніемъ облегчить крайнюю нужду бѣдныхъ братьевъ (13 и 14). Наконецъ, не оставляя ни какаго даже малѣйшаго повода Коринтянамъ къ отказу, Апостоль увѣряетъ, что ихъ пожертвованія будутъ въ точности и по принадлежности доставлены, что онъ отвѣчаетъ вѣрностію тѣхъ, которые посланы къ нимъ для сбора (18—24) (22). вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы рядомъ этихъ побужденій не оскорбить Коринтянъ, и безъ того уже вызывавшихся на пожертвованія бѣднымъ братіямъ (1 Кор. 16, 1), Апостоль высказываетъ и то, почему онъ столько и такъ настоятельно говоритъ о подаваніи въ пользу святыхъ Іерусалима: онъ вполне увѣренъ въ ихъ готовности къ вспоможенію святымъ и исполненію этой готовности, даже прославляетъ эту готовность предъ Македонянами (9, 1—2) (23) и если онъ послалъ къ нимъ братьевъ для сбора и побуждаетъ ихъ снова, то не потому, чтобы сомнѣвался въ исполненіи, но единственно только изъ опасенія, чтобы замедленіе не омрачило ихъ репутаціи и чтобы они не подорвали похвалы, которую онъ расточалъ о нихъ предъ Македонянами (3 и 5). Но при этомъ, чтобы такое настоятельное напоминаніе о милостыни не было истолковано въ худую сторону, Апостоль отклоняетъ всякое требованіе и хочетъ, чтобы Коринтяне доброхотно дѣлали подаваніе, чтобы это было какъ благое даваніе, а не какъ поборъ. Поэтому каждый долженъ удѣлять по своему расположенію и усердію (6—7); а чтобы скупость, столь свойственная человѣческому сердцу, не омрачила ихъ щедрости, онъ выясняетъ имъ, что даваніе ихъ не останется безъ вознагражденія, что милостыня не обѣднитъ ихъ, что щедрость того, кто расточаетъ имѣніе бѣднымъ, никогда не оскудѣетъ (8—9), что Богъ умножитъ зерна ихъ сѣмени и

будутъ расти плоды ихъ щедрости (10) чрезъ благодарность вспомоществуемыхъ, которые прославлять о нихъ Бога и вознесутъ жаркія молитвы за нихъ къ Всевышнему (11—13).

Апостольскій заключаетъ этотъ трактатъ новымъ заявленіемъ полной увѣренности въ ихъ готовности къ пожертвованіямъ; онъ смотритъ на эти обѣщанныя милостыни, уже какъ на исполненныя и съ чувствомъ полною умиленія къ Богу взываетъ: Благодареніе Богу за неизрѣченный даръ его!... (9 15).

с) *Отношеніе ап. Павла къ своимъ противникамъ (съ 10 по 12 гл.).*

Вмѣстѣ съ этимъ радостно торжественнымъ чувствомъ предъ взоромъ Павла предносится жалкій образъ его противниковъ, ничтожныхъ по своимъ качествамъ въ сравненіи съ нимъ. Почему для полноты и окончательной апологіи своихъ апостольскихъ правъ онъ переходитъ на сравнительную характеристику своихъ враговъ. Съ гл. 10 Апостольскій переходитъ на спеціальное разсмотрѣніе отношеній своихъ къ противникамъ, изрѣдка и только стороною касаясь общества. При этомъ, ставши на твердую почву чисто духовныхъ началъ общенія съ распятымъ и выяснивши напередъ свои отношенія къ обществу, Апостольскій Павелъ съ полнымъ сознаніемъ своего апостольскаго права смѣло противопоставляетъ себя и свое служеніе дѣятельности противниковъ и живымъ сравненіемъ этихъ противоположностей, безъ всякаго пристрастнаго самохвальства, достигаетъ въ своей апологіи полного апогея своего апостольскаго величія, низводя между тѣмъ своихъ противниковъ на степень низкихъ эксплуататоровъ, хитрыхъ обманщиковъ и лукавыхъ дѣлателей (11—13). Такъ какъ онъ болѣе борець духа (1, 12), то и всѣ оружія его воинствованія не плотскія, но духовныя (10, 4), которыя въ состояніи сокрушить всѣ коварныя замыслы враговъ и всякое горделивое превозношеніе (5 и 6). Этимъ краткимъ замѣчаніемъ Апостольскій какъ бы хотѣлъ высказать главный принципъ, изъ

котораго онъ выходитъ въ настоящемъ случаѣ, при сопоставленіи съ противниками. Если противники хвалились чисто внѣшними преимуществами, стоимъ личнымъ обращеніемъ съ Христомъ, хвалились *εν προσώπῳ* и гордились этимъ обращеніемъ какъ единственнымъ условіемъ на право быть Христовыми (10, 7) (25), то Павелъ съ своей стороны дѣлаетъ замѣтнымъ то, что онъ еще болѣе имѣетъ шансовъ (ст. 8) на право быть Христовымъ и высказываетъ такія данныя оспариваемаго у него преимущества, которыхъ не имѣютъ и не могутъ найти въ себѣ противники его (9—12). Этими данными служить съ одной стороны то, что самъ Богъ назначилъ ему удѣлъ для проповѣди (ст. 13), съ другой, — что онъ и въ дѣйствительности уже занимаетъ обширный территоріумъ не только въ средѣ іудейства, но и язычества, тогда какъ противники только и могутъ хвалиться чужими трудами (14 и 15) и рекомендовать только самихъ себя.

Апостолъ слишкомъ рельефно и рѣзко показалъ въ настоящемъ случаѣ все превосходство своихъ правъ надъ правами своихъ противниковъ. Чтобы смягчить нѣсколько такой рѣзкій порывъ своей самоапологіи, переходящей по видимому границы благоразумія (11, 1), Апостолъ старается оправдаться, при этой смѣлой апології, тѣмъ мотивомъ, который побуждалъ его къ такой рѣзкой параллели, — что онъ ревнуетъ о вѣрующихъ ревностію Божіею (11, 2), какъ ходатай ихъ предъ Богомъ, и что онъ сражается за вѣрность своихъ сыновъ по вѣрѣ, какъ бы они не опытные не соблазнились обманчивымъ блескомъ проповѣди враговъ — лжеучителей, (3), въ существѣ ни чѣмъ не отличной отъ его слова (ст. 5). Выяснивши этотъ мотивъ своеѣ апології, Апостолъ смѣло продолжаетъ дальнѣйшую параллель своихъ дѣйствій и своихъ противниковъ. Почему онъ выдвигаетъ здѣсь свое собственное безкорыстіе по отношенію къ обществу, — что онъ никогда не бралъ съ общества субсидіи для своего содержанія (7—13), (26); противники же его, какъ лукавые дѣлатели, выступаю-

шіе подь видомъ Апостоловъ Христовыхъ (13 и 14) только порабащаютъ и объѣдаютъ своихъ мнимыхъ питомцевъ (18—21). Итакъ что же противники Павла могли выставить въ оправданіе своихъ претевзій на апостольское право?—Остается одно только ихъ еврейское происхожденіе; происхожденіе отъ Авраама. Но Апостоль разбиваетъ и этотъ послѣдній возможный оплотъ его враговъ, когда говоритъ о своихъ противникахъ: они еврей?—и я, они израильяне? и я; сѣмя Авраамово? и я (11, 22) (27). Въ сравненіи своихъ дѣйствій и дѣйствій своихъ противниковъ (до 23 ст.) Апостоль показываетъ такимъ образомъ, что у него нѣтъ недостатка ни въ чемъ противъ, такъ называемыхъ, высшихъ Апостоловъ (ὁπέρ λίαν ἀποστόλων), что напротивъ онъ еще болѣе вездѣ является достойнымъ быть Христовымъ, чѣмъ его противники. Но онъ не ограничивается однимъ только сравненіемъ и равенствомъ, онъ хочетъ показать всѣ привилегіи его предъ противниками, всѣ преимущества его проповѣди. Почему съ ст. 23 (11 гл.) онъ переходитъ на безпрерывно продолжающуюся цѣнь трудовъ и огорченій всякаго рода, которые проходятъ чрезъ всю его жизнь, посвященную совершенно проповѣданію распятаго и которыхъ не дастъ его прротивникамъ (93—30) (28). Эти труды и страданія служатъ для него лучшимъ доказательствомъ того, какъ безконечно много болѣе онъ имѣетъ права, чтобы называться служителемъ Христовымъ, чѣмъ его противники, которые исключительно довольствуются однимъ только именемъ—*χριστοῦ εἰναί*,—не имѣя въ дѣйствительности ни какаго для сего основанія. Но верхъ его преимущества составляютъ его видѣнія и откровенія, которыя какъ бы въ крайнемъ только случаѣ Апостоль выставляетъ на видъ обществу (12, 1—5), чтобы показать все превосходное свое предъ противниками. (29) Почему тотчасъ, какъ бы спохватившись о такой рѣзкой выходкѣ, укоряетъ самъ себя въ этой недержанности и называетъ себя нѣкоторымъ образомъ неразумнымъ (11), но только оправдываетъ себя тѣмъ, что

само же общество вызвало его на это, дозволивши противникамъ унижать его (11—12), и не защищало его предъ лжеапостолами, а можетъ быть и соблазнилось даже ихъ рѣчами. Такое невниманіе его духовныхъ дѣтей снова побуждаетъ Апостола, чтобы сравнить себя съ настоятелями другихъ церквей, на которыхъ быть можетъ, въ крайнихъ случаяхъ, ссылались противники и въ этомъ сравненіи Павелъ не находить за собою ни какого недостатка (ст. 12). И такъ какъ Коринѣяне не оцѣнили заслугъ Павла въ отношеніи его безкорыстія, то онъ и дѣлаетъ довольно полную иронию: Уже ли вамъ (Коринѣ.) еще не достааетъ предъ прочими церквами, чтобы я былъ вамъ въ тягость?» (13) Апостоль мѣтко направилъ эту иронию и противъ враговъ своихъ, которые заимствуя право субсидіи изъ другихъ церквей, злоупотребляли этимъ правомъ, объѣдая Коринѣянь и эксплуатируя ими (11, 20). Напротивъ онъ, Апостоль, ни чѣмъ не пользовался отъ Коринѣянь ни явно, ни тайно (ст. 16), ни чрезъ другихъ, ни самъ не посредственно. Въ доказательство этого какъ на фактъ ссылается на то, что онъ уже въ третій разъ идетъ къ нимъ, но какъ не отягощалъ ихъ прежде содержаніемъ, такъ не будетъ отягощать ихъ впредь, такъ какъ цѣль его привести общество къ Богу, а не жить въ счетъ его. (14) Чтобы увѣрить еще болѣе въ этомъ Коринѣянь, онъ снова показываетъ имъ тѣсную связь родителей и дѣтей (ст. 14) и выходящій отсюда мотивъ самоаналогіи, чтобы устранить всякій поводъ къ распрямъ изъ за апостольскаго права и чтобы, по пришествіи не найти у нихъ зависти, раздоровъ и проч. (19—21).

Этотъ мотивъ онъ повторяетъ еще разъ въ 13 гл. 10 ст. и изъ него оправдываетъ нѣкоторымъ образомъ угрожающій тонъ своей заключительной рѣчи въ 13 гл.

Заключительная часть посланія.

Такъ какъ Апостоль доказалъ теперь свои права апостольства и прегмущества надъ противниками, разъяснилъ свои отношенія въ обществу, ревность свою по немъ и недостатки его, — то онъ съ правомъ угрожаетъ обществу строгостию (13, 1—2) и указываетъ на полную возможность осуществленія ея въ виду того, что въ немъ (Павлѣ) еще живетъ распятый Христосъ, сильный противъ всякой неправды (3—4). Почему совѣтуетъ Коринтянамъ наблюдать за собою (ст. 5) и не дѣлать зла, а совершать добро не для того конечно, чтобы показаться такими, но собственно ради добра, дѣлать добро для добра и истины (7). Ибо Апостоль, какъ и сотрудники его, ратуютъ собственно за истину (8) и желаютъ видѣть ее насажденною въ Коринѣ. общинѣ. Къ этой цѣли направляется вся дѣятельность ихъ къ созиданію именно, а не разоренію.

Въ заключеніе всего Апостоль Павелъ старается возбудить Коринтянъ къ радости и благодущію, поставляя впрочемъ и здѣсь миръ и любовь въ зависимость отъ ихъ взаимнаго единомыслія и любви (11). Почему и желаетъ имъ мирнаго лобзанія другъ друга и передаетъ радушное извѣстіе всѣхъ святыхъ извѣстныхъ имъ, а за тѣмъ изрекаетъ отъ себя всѣмъ благословеніе и благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога и отца и общеніе святаго Духа.

Объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ посланія.

1) 2 Кор. 1 гл. 1 ст. Тягостное положеніе Павла составляютъ его страданія и печали. Между многими страданіями и скорбями апостоль указываетъ на одинъ спеціальны фактъ, бывший съ нимъ въ Асіи (1 ст. 8) Осодорить а вслѣдъ за нимъ многіе изъ новѣйшихъ ученыхъ разумѣють здѣсь бунтъ Димитрія

Среброковача (Дѣян 19 23); но какъ не состоятеленъ такой взглядъ видно уже изъ того, что, при означенномъ возмущеніи, Павелъ не былъ въ личной опасности (Ср. Мейера толкованіе на ст. 8). Златоустъ и Теофилактъ разумѣютъ здѣсь борьбу Павла со звѣрями, о которой онъ упоминаетъ въ 1 Кор. 16, 9; но при этомъ не будетъ понятно, почему же апостоль снова говоритъ объ этомъ случаѣ, какъ совершенно не извѣстномъ для Коринѳянъ. Еще менѣе можно разумѣть здѣсь болѣзнь Павла. (Ивановъ руковод. къ истолковат. чтен. новозав. книгъ выпускъ 2-й стр. 237) Такъ какъ здѣсь подъ скорбію разумѣется скорбь не одного только Павла, но и всѣхъ приверженцевъ его,—на что указываютъ слова ἡμῶν и ἡμᾶς, которыми очевидно вводится множественность лицъ, а не одна личность. Вѣроятно же всего апостоль здѣсь указываетъ на то трудное положеніе свое въ Асїи, о которомъ говорится въ 20 гл. 19 ст. Дѣян. Апостольскихъ и которое было слѣдствіемъ постоянныхъ преслѣдованій его со стороны Иудеевъ.

2)—2 Кор. 1 гл. ст. 12. Похваленіе бо наше сіе есть.... Похвала (Καύχησις), о которой здѣсь упоминаетъ Павелъ, не есть матерія для прославленія (Противъ Руккерта. I. Rukkert d. Br. Paul an. d. kor. bearb. Leipzig); но сама похвала, состоящая въ томъ, какъ свидѣлствуетъ совѣсть что мы въ простотѣ и т. д. Εὐ ἀπλότητι καὶ εὐκρίσει αὐθεῶ не означаетъ высшей степени богоугодной жизни, или жизнь прїятную Богу, какъ думаетъ Розенмюллеръ (Д. G. Rosml. Scholia in nov. testam. tom IV—epist Paul. ad. Cor.); но жизнь отъ Бога подъ вліяніемъ божественной благодати (Теодоритъ, Мейеръ де Ветте и Гофманъ Heilschrft. 1866 г. t. 3. s. 16), какъ это видно изъ второй половины стиха, гдѣ жизнь эта противопоставляется жизни подъ вліяніемъ σοφία σαρκινῆ — что означаетъ собственно человѣческую мудрость, которая не есть дѣйствіе божественной благодати, но результатъ дѣятельности естественныхъ

силъ человѣческой природы. *Соφία σαρκινῆ* въ этомъ случаѣ будетъ тождественна съ *σοφία κατὰ σαρκά* и будетъ выражать прямую противоположность дѣятельности — *κατὰ πνεῦμα*, но никакъ не искаженіе слова Божія въ собственномъ смыслѣ (Противъ Θεодорита.).

3) 1 гл. 21 ст. Извѣствуяй же насъ съ вами во Христѣ и помазавый насъ Богъ.

Здѣсь апостоль двояко говоритъ о себѣ и своихъ вѣрующихъ: во первыхъ — что Богъ ихъ утвердилъ въ отношеніи ко Христу (*βασιλειῶν*), во вторыхъ — что Богъ помазалъ (*χρίσας*). Первое выраженіе апостоль простираетъ и на читателей, между тѣмъ какъ второе ограничиваетъ однимъ только дополненіемъ *ἡμᾶς*, безъ прибавленія *σὺν ὑμῖν*. Апостоль, конечно не исключаетъ читателей и изъ послѣдняго выраженія, но только хочетъ ихъ имѣть какъ бы содержащимися въ первомъ *ἡμᾶς* (Такъ Гофманъ *Neil schritt. 3 Abt*, стр. 29) Нѣтъ сомнѣнія что божественное помазаніе, — подъ которымъ въ ветхомъ завѣтѣ, какъ и въ новомъ, разумѣлось посвященія для святой дѣятельности (ср. Дѣян. 10, 38) и вмѣстѣ съ симъ одареніе Св. Духомъ, — есть помазаніе всѣхъ христіанъ. (ср. 1 Иоан. 2, 20), а не только однихъ носителей божественнаго призванія; но сообщеніе благодати, въ силу предъизбранія, соразмѣряется съ тѣмъ служеніемъ и назначеніемъ, къ которому кто призванъ и слѣд. самая благодать дается каждому по мѣрѣ дарованій (Ср. Еф. 4, 7). Но такъ какъ въ настоящей связи рѣчи апостоль говоритъ о своемъ и сотрудииковъ своихъ призваніи для возвѣщенія Христа, то помазаніе, о которомъ онъ здѣсь говоритъ, есть то, которое дано въ удѣлъ только имъ — проповѣдникамъ Евангелія, — это есть особенное посвященіе и одареніе дарами для дѣла имъ только свойственнаго, какъ даетъ понятъ дальнѣйшее развитіе мысли апостола въ слѣдующемъ 22 стихѣ: иже и запечатле насъ и даде обрученіе... Выраженіемъ *καὶ σφραγισαμενος* обозначается общій характеръ хри

стианскаго посвященія для проповѣдническаго служенія (Ланге. Bibelw. Kor—Brg 2. s. 282). Запечатлѣніе есть актъ, чрезъ который нѣчто обозначается какъ собственность и выражаетъ въ настоящемъ случаѣ, какъ 1, 13; 4, 30 ст. посл. къ Еф, божественный залогъ усновленія чрезъ сообщеніе и внутреннее свидѣтельство Св. Духа. Залогъ духа является какъ бы результатомъ этого запечатлѣнія. Почему апостоль вслѣд. За *σφραγισμένοι* добавляетъ *καὶ δοῦς τοῦ ἀρραβῶνα τοῦ πνεύ...* Ибо въ этомъ именно сообщеніи духа и лежитъ сила запечатлѣнія *Ἀρραβῶν*... собственно значить задатокъ, напр. въ куплѣ, гдѣ иногда предварительно дается только часть покушной суммы, что бы послѣ отдать полную сумму—отсюда залогъ, ручательство. По сему и въ данномъ случаѣ *ἀρραβῶνα* для апостола выражаетъ какъ бы вѣрнее ручательство за полноту божественнаго одаренія, необходимаго ему для выполненія довѣреннаго порученія. Въ силу такого залога духа апостоль и дѣйствуетъ *κατὰ πνεύμα*, дѣйствуетъ въ тѣсномъ общеніи со Христомъ и также положительно, какъ и послѣдній, который есть только одно „да“ (ст. 17).

4) 1 гл. 4—10 ст. Это особенно замѣтно въ его сужденіи о бывшей съ нимъ опасности жизни въ Асія (ст. 9); гдѣ высказывается полное содѣйствіе благодати въ перенесеніи случившейся скорби. *Αὐτοὶ ἐν ἐαυτοῖς* (ст. 9) выражаетъ здѣсь прямую противоположность съ *ἐπι τῷ θεῷ* чрезъ частицу *ἀλλ* т. е. выражаетъ человѣческую дѣятельность саму въ себѣ въ противоположность дѣйствию божественной благодати. Сами по себѣ, при однихъ только естественныхъ силахъ, апостоль и его сотрудники произнесли надъ собою смертный приговоръ и только одна божественная сила была въ состояніи спасти ихъ отъ такой опасности жизни, избавленіе отъ которой апостоль сравниваетъ съ воскресеніемъ изъ мертвыхъ.

5) *Ἐκρίθη δὲ ἐμαυτῶ, τοῦτο, το...* (2, 1). Новѣйшіе экзегеты

Мейеръ (коммент. стр. 29) и Ланге (Vib стр. 287) слово *παλι* относятъ къ *εν λοπη*, а не къ *ἐλθειν*. Златоустъ, Θεодоритъ, Бауръ (jahr 1830 Bd. 9. 2 стр. 148) связываютъ *παλι* съ *ἐλθειν*. Но послѣднее чтеніе грѣшитъ не только противъ чтенія въ лучшихъ переводахъ — сирскомъ, армянскомъ, вульгатѣ и *itala*, но и противъ даже простаго словоупотребленія: такъ какъ Павелъ въ противномъ случаѣ долженъ былъ написать только *ἐλθειν* или *αγγελθειν* безъ прибавленія не нужнаго *παλι*. Заблужденіе этихъ толковниковъ лежитъ въ ошибочномъ предположеніи, будто Павелъ до написанія нашего посланія былъ однажды только въ Коринѣ. Между тѣмъ какъ мы имѣемъ достаточное свидѣтельство относительно двукратнаго, къ этому времени, его пребыванія въ Коринѣ. Въ этомъ отношеніи прежде всего не представляетъ ни какаго сомнѣнія 2 Кор. 12, 14, гдѣ апостоль прямо говоритъ: Вотъ въ третій разъ я готовъ идти къ вамъ. Точно также и слѣдующее мѣсто 13, 1: — *τριτον τουτο ερχομαι προς υμᾶς* указываетъ уже на двукратное въ Коринѣ пребываніе Павла ко времени написанія нашего 2 посланія къ Коринѣской общинѣ. Напротивъ Гильгенфельдъ (*zeitshr* 1871 г. heft. erst стр. 101) вслѣдъ за Бауромъ старается доказать, что Павелъ этимъ выраженіемъ высказываетъ одно только намѣреніе, готовность, но не самое дѣйствіе, т. е. что апостоль только въ третій разъ намѣренъ притти въ Коринѣ, а на самомъ жедѣлѣ не былъ тамъ два раза. Такое объясненіе прямо будетъ въ разрѣзъ съ правильнымъ пониманіемъ ст. 14, гдѣ прежнія посѣщенія Коринѣа апостоль связываетъ съ извѣстными матеріальными издержками. Еще болѣе парализуетъ этотъ взглядъ Гильгенфельда безпристрастное чтеніе ст. 1 и 2, 13 гл. и правильное пониманіе ихъ. Въ прежній разъ, какъ бы такъ говорить апостоль, я былъ у васъ конечно съ пощадою и дѣйствовалъ кротко, ограничивался только увѣщаніями и угрозами (ср. 1 Кор. 4, 21); но теперь при настоящемъ третьемъ пребываніи я приведу въ дѣйствіе

эту угрожающую строгость и это также вѣрно, какъ всякое слово при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ имѣеть силу вѣрности и истинности. Посему, кажется, справедливо и удачно разсматриваетъ 2 ст. 13 гл. Блекъ (А. стр. 618), когда замѣчаетъ, что это мѣсто можно конструировать какъ угодно, можно въ немъ спорное *γραφω* читать или нѣтъ — и однакожь оно даетъ одинъ только результатъ и именно тотъ, что Павелъ по основаніи христіанскаго общества въ Коринѣи и прежде чѣмъ онъ написалъ туда посланіе, былъ уже два раза въ Коринѣи; ибо если Павелъ говорить, что онъ не пощадитъ, когда придетъ еще разъ, то онъ говорить очевидно въ противоположность прежнему разу, когда онъ приходилъ съ пощадою, что ему противники вмѣняли какъ слабость. Но вѣроятно ли сколько нибудь, чтобы это посѣщеніе относилось на первое пребываніе апостола Павла въ Коринѣи, когда онъ впервые основалъ здѣсь общество? Понятное дѣло, что гараздо натуральнѣе отнести это къ позднѣйшему пребыванію, когда онъ опять посѣтилъ насажденное имъ общество, нашель въ немъ не все такъ какъ желалъ и ожидалъ (ср. 1 Кор. 3, 3; 2 Кор. 1, 15) и вынужденъ былъ съ угрозами и сердечнымъ страданіемъ порицать найденныя безпорядки. Весь вопросъ теперь въ томъ — къ какому времени именно должно отнести это второе пребываніе о которомъ такъ ясно говорить наше второе посланіе и совершенно умалчиваютъ акты апостольскіе? Шмидтъ (Einl s. 241) а за нимъ и Блекъ (Einl s. 405) предполагаютъ, что второе пребываніе Павла въ Коринѣи относится на заключеніе втораго проповѣдническаго путешествія апостола Павла, а именно: Павелъ во время тогдашняго пребыванія въ Коринѣи предпринималъ другое путешествіе по Ахаіи (ср. 2 Кор. 1, 1) и возвратился опять въ Коринѣи. Это пребываніе, по мнѣнію означенныхъ ученыхъ, должно быть кратко, какъ частію это можно заключать изъ того, что Лука обходитъ его молчаніемъ, частію, кажется, на это указываетъ вы-

раженіе 1 Кор. 16, 7; гдѣ Павелъ говоритъ Коринѳянамъ, что онъ не хочетъ видѣться съ ними мимоходомъ. Но уже то самое, что апостоль обозначаетъ это пребываніе мимоходнымъ, опровергаетъ взглядъ означенныхъ ученыхъ. Ибо первое пребываніе Павла въ Коринѳъ отнюдь не можетъ быть названо кратковременнымъ. По чему не безъ основанія вооружается въ послѣднее время противъ этого взгляда де Ветте (Einl. s. 206). По мнѣнію этого ученаго Павелъ отправлялся во второй разъ въ Коринѳъ изъ Ефеса, во время почти трехгодичнаго тамъ пребыванія. Но однакожь это предположеніе остается одною только остроумною догадкою найти достаточно времени для посѣщенія Павломъ Коринѳъ; но не имѣетъ никакого основанія ни въ посланіяхъ Павла къ Коринѳянамъ, ни въ дѣянїяхъ апостольскихъ. Еще болѣе оригинальнымъ и въ тоже время не соответствующимъ дѣйствительности является взглядъ Евальда (Jahrbuch der Bibl. Wiss. von H. Ewald 1849. г. s. 228) который второе пребываніе апостола въ Коринѳъ относитъ ко времени между нашими посланіями обоими къ Коринѳской общинѣ и представляетъ дѣло такимъ образомъ. Когда Павелъ узналъ о нестроенїяхъ Коринѳской общины, онъ отправилъ туда Тимоѳея и хотѣлъ ожидать его на пути (1 Кор. 4, 18; 16, 10). Онъ могъ тогда намѣренно медлить своимъ посѣщеніемъ, чтобы не войти лично въ столкновеніе съ тѣми злоупотребленїями, которыя началъ порицать пламенно.

Тимоѳей поэтому могъ самъ пригласить Апостола въ Коринѳъ на короткое время и устранить злоупотребленія (Кор. 2, 1; 12, 11; 13, 1). Послѣ того какъ вѣроятно Павелъ на короткое время посѣтилъ Коринѳъ моремъ, ему были принесены извѣстія, которыя тотчасъ побудили его написать третье потерянное для насъ посланіе, которое было отправлено съ Титомъ.

Евальдъ такимъ образомъ относитъ это второе посѣщеніе Коринѳа ко времени между нашими обоими посланіями

или точнѣе ко времени между мнимо потеряннымъ 2 посланіемъ Апостола къ Коринѳянамъ и нашимъ первымъ каноническимъ пос. къ Коринѳянамъ. Но это мнѣніе Евальда парализуется прямымъ смысломъ ст. 23 гл. 1, 2 Кор., гдѣ словомъ *ουκετι* еще не (приходиль до селѣ) Апостоль указываетъ прямо на давнишнее пребываніе его въ Коринѳѣ, которое мы очевидно должны искать во времени еще до написанія нашего перваго посланія (Ср. 1 Кор. 4 гл. 18).

Дѣянія апостольскія—19, 2 совершенно въ сторонѣ оставляють, какія страны должно разумѣть подъ *αυτοτεριχα μερη*, которыя прошелъ Павелъ, пока не пришелъ въ Ефесъ. Между тѣмъ, если сопоставить это сказаніе Акт. апостольскихъ съ свидѣтельствомъ посланій Ап. Павла къ Коринѳянамъ, то можно предположить, что къ этому времени относится второе пребываніе Апостола Павла въ Коринѳѣ. И такъ какъ къ этому времени Апостоль уже былъ въ Коринѳѣ, то вѣроятнымъ становится, что здѣсь начиналось уже дѣленіе на партіи. Этотъ недостатокъ на первыхъ порахъ конечно не былъ особенно замѣтенъ для глазъ Павла,—онъ только вызывалъ безпокойство въ душѣ чадолюбиваго Апостола; но на ряду съ этимъ чувствомъ должно было возбуждаться въ душѣ Павла другое, болѣе глубокое, скорбное чувство, смѣшанное съ негодованіемъ на привязанность Коринѳянъ къ прежнему языческому образу жизни, особенно выразившемуся на первыхъ порахъ въ свойственномъ Коринѳянамъ пороку любодѣянія. Почему Павелъ въ первомъ, потерянномъ для насъ посланіи, о которомъ онъ упоминаетъ въ 5, 9 ст. и говоритъ противъ этого первичнаго недостатка Коринѳскаго общества, болѣе всего быть можетъ возмутившаго любвеобильную душу Павла. Это тѣмъ вѣроятнѣе становится для насъ, чѣмъ проще и ближе мы будемъ повимать собственныя слова Апостола 12 г. 21 ст. 2 Кор., гдѣ Апостоль прямо намекаетъ на прежнее свое пребываніе, которое очевидно должно имѣть мѣсто прежде написанія 1 посланія къ Коринѳянамъ (прот. де Wette

Handbuch zum. n. Test B an. d. Korinth. s. 289) и относиться ко второму пребыванію его въ Коринѣ (Такъ Мейеръ Komment. s. 257.); такъ какъ въ первое пребываніе Апостоль не могъ бы говорить о прежде согрѣшившихъ и не покаившихся. Согрѣшеніе же это состояло въ нечистомъ любодѣянніи и непотребствѣ, что оправдываетъ предположеніе о дѣйствительномъ первомъ, потерянномъ для насъ, посланіи къ Коринѣянамъ, въ которомъ Павелъ по преимуществу долженъ былъ раскрыть правильное отношеніе мужскаго и женскаго поювъ. И если таково было дѣйствительно второе пребываніе Апостола Павла въ Коринѣ, то намъ совершенно становится понятнымъ выраженіе ст. 2 гл. 2 что онъ разсудилъ самъ въ себѣ не приходитъ къ нимъ опять (*παλιν*) съ огорченіемъ и не будетъ ни какой надобности хлопотать изъ мѣстоположенія *παλιν*, которое какъ бы его не поставляли, будетъ всегда выражать повтореніе и возобновленіе прежняго.

6. Οὐχ ὅτι ἱκανοὶ ἐσμεν ἀφ' ἑαυτῶν λογισασθαί... Апостоль отклоняя упрекъ противниковъ, укорявшихъ его въ захватѣ апостольскаго права, показываетъ, что его дѣятельность—подъ вліяніемъ дѣйствія благодати (2, 14), при посредствѣ которой ему дана и самая способность къ служенію и увѣренность въ правотѣ и духовности этого служенія. Это онъ дѣлаетъ особенно замѣтнымъ, когда говоритъ, что и самую увѣренность въ духовности своей проповѣди онъ имѣетъ чрезъ Христа къ Богу (*διὰ τοῦ Χριστοῦ πρὸς τὸν Θεόν*). Выраженіемъ *διὰ τοῦ Χριστοῦ* Апостоль высказываетъ то, что ему чрезъ Христа свойственна такая увѣренность, какъ она является въ силу отношенія его ко Христу, а *πρὸς τὸν Θεόν* выражаетъ то, что онъ эту увѣренность имѣетъ въ направленіи къ Богу, какъ источнику этой увѣренности. (Такъ Озіандеръ, Мейеръ, Ланге и Гофманъ *Heil Schrift* 1866 г. 3. S. 66) Если же увѣренность въ истинности его проповѣди свойственна ему чрезъ Христа, то онъ поступаетъ не самъ по себѣ; такъ какъ не способенъ что либо и помыслить отъ

себя, какъ бы отъ себя. $\Omega\varsigma \epsilon\tilde{\zeta} \epsilon\alpha\upsilon\tau\omega\upsilon\upsilon$ не раздѣляется здѣсь отъ $\alpha\tilde{\rho} \epsilon\alpha\upsilon\tau\omega\upsilon\upsilon$ (противъ Гофмана Heil. Schrift 1866 г. 3. S. 67), но составляетъ ближайшее его опредѣленіе (какъ Мейеръ, де Ветте и Озіандеръ) и выражаетъ прямую противоположность съ $\epsilon\kappa \tau\omicron\upsilon\theta \Theta\epsilon\omicron\upsilon$, т. е. мысль человѣческую саму въ себѣ въ противоположность богодухновенной мысли божественной, сообщенной ему благодатию отъ Бога. (2 Кор. 3. 3).

7) 2 Кор. 3 гл. 3 ст. Неправильно понимаютъ настоящее мѣсто, когда эту противоположность переносятъ на противоположность закона и Евангелія (какъ Златоустъ, Феофилактъ, Клѣмперъ (Unters. ub. zwei. Brr. P. an. d. Kor. S. 41). Еще менѣе справедливо раздѣляютъ $\omicron\upsilon \mu\epsilon\lambda\alpha\upsilon\iota$ отъ $\epsilon\nu \pi\lambda\alpha\tilde{\zeta}\iota \lambda\iota\theta\iota\upsilon\alpha\iota\varsigma$ (какъ это дѣлаютъ Озіандеръ и Ланге Bibelw. Kor. Brr. 2 S. 248) и видѣтъ въ этомъ послѣднемъ представленіе Синайскаго законодательства. Такое пониманіе должно порвать связь настоящаго мѣста ст. 3 съ 1 и 2, для которыхъ разсматриваемый стихъ составляетъ только поясненіе. Если противники Павла хвалились рекомендательными письмами, принесенными ими изъ Иерусалима и написанными чернилами и на твердыхъ трудно сокрушимыхъ тѣлахъ (какъ камень), то Павелъ съ своей стороны не нуждается въ подобныхъ письмахъ, такъ какъ письмо для него само общество, письмо слишкомъ замѣтное для всѣхъ. Чтобы выяснитъ это еще болѣе, Апостоль, въ противоположность противникамъ, указываетъ самыя условія происхожденія настоящаго письма, именно показываетъ матеріалъ того, на чемъ написано это письмо. И въ виду этого $\epsilon\nu \pi\lambda\alpha\tilde{\zeta}\iota \lambda\iota\theta\iota\upsilon\alpha\iota\varsigma$ противопоставляетъ $\epsilon\nu \pi\lambda\alpha\tilde{\zeta}\iota \kappa\alpha\rho\delta\iota\alpha\varsigma$, — $\mu\epsilon\lambda\alpha\upsilon\iota$ же противопоставляетъ $\pi\upsilon\epsilon\rho\mu\alpha\tau\iota \theta\epsilon\omicron\upsilon$. $\mu\epsilon\lambda\alpha\upsilon\iota$ и $\lambda\iota\theta\iota\upsilon\alpha\iota \pi\lambda\alpha\tilde{\zeta}\iota\varsigma$ такимъ образомъ не два рода письма (Озіандеръ), а выраженіе только двухъ матеріаловъ одного и того же письма, два совокупныхъ условія одного и того же дѣйствія (Hofmann. Heil. Schrift. 1876 г. 3. S. 63).

8) Гл. 3 ст. 6. Иже и удовли насъ служители быти нову завѣту, не писмене, но духу: писма бо убиваетъ, а духъ

животворить. Настоящее мѣсто разумѣютъ какъ прямой намекъ на Иудейскихъ лжеучителей (такъ Θεодоритъ, Мейеръ, Бауръ. *Das Chris. und. die Chr. Kirch. dr. er st. jarhund. Baug.* 1860 г. Tubing S. 60—62. Ланге и Klöpffer. *Untez Zw. ub. Br. P. an. d. kor. S. 42*) съ ихъ приверженностью къ закону, обрѣзанію и ветхо—завѣтному служенію. Не отвергая этой приверженности лжеучителей, всегда склонныхъ къ національно легальнымъ тенденціямъ, мы однакожь въ настоящемъ мѣстѣ не видимъ указанія на нихъ. Напротивъ положеніе настоящаго мѣста въ цѣлой идеи посланія даетъ ясно понять, что различіе служенія буквы и духа *διακονία γραμματος ἀλλ̄ πνεύματος* — является какъ необходимый поступать основнаго принципа апологіи Павла — выяснить идею отношенія своего ко Христу изъ чисто духовныхъ началъ и показать всю славу своего служенія, зиждущагося на этихъ началахъ. Эти начала своего служенія Апостоль и выясняетъ изъ самаго содержанія своего служенія, служенія чисто духовнаго, котораго сущность въ свою очередь выясняется лучше всего изъ той основной формы, изъ которой развивалась эта религія духа, и для которой она служитъ завершеніемъ и послѣднею цѣлью. Почему Апостоль содержаніе своего служенія разсматриваетъ не въ абстрактной формѣ безъ относительнаго величія, а въ сравнительной параллели древняго и новаго, совершавшагося и совершающагося, и себя самаго называетъ служителемъ не буквы, но духа. Все совершенство такого служенія Апостоль и выводитъ изъ троякаго условнаго отношенія ветхо—завѣтнаго и ново—завѣтнаго служенія (7, 8, 11), въ каковомъ отношеніи служеніе буквамъ или закону, какъ служеніе въ своемъ родѣ славное, является условною градаціею славы и превосходста новозавѣтнаго духовнаго служенія. Слава (*δοξα*) перваго, какъ слава смерти, осужденія и преходящая, символически изображены Апостоломъ въ сіяшіи лица Моусея (идущаго отъ Іеговы), блескъ котораго не могли выносить дѣти Израиля и пребываніе котораго граничило съ жизнію

того, на комъ отразился это сіяніе. Слава второго, какъ слава духа, оправданія и постоянная, отражается въ лицѣ Христа, который, какъ чистый духъ, обладаетъ неистощимъ источникомъ жизни и все болѣе возвышающейся славы, которая освящаетъ собою славу подъ покрываломъ на лицѣ Моисея и дѣлаетъ ее сносною для нравственнаго глаза народа. Слава преходящаго такимъ образомъ является какъ бы тѣнью славы пребывающаго новозавѣтнаго и эта отображенная тѣнь славы преходящаго дѣлается ясною только въ виду отражающей ее славы настоящей, которая, какъ прототипъ, обладаетъ полнотою формъ и несравненно большею отчетливостію чертъ. И если въ ветхомъ завѣтѣ этою только тѣнью славы налагалось *κάλωμα* какъ въ объективномъ такъ и въ субъективномъ отношеніи т. е. какъ на самый законъ, который долженъ былъ скрывать преходящее назначеніе ветхозавѣтнаго служенія, такъ и на самыя сердца, такъ что они не въ состояніи были познать всей преходящности и опредѣленнаго значенія Моисеева служенія; то въ новомъ завѣтѣ, въ полной раскрывшейся формѣ—это *κάλωμα* должно быть снято вмѣстѣ съ обращеніемъ ко Христу, съ созерцаніемъ этой полной духовной свободной жизни, формы полной и законченной. Если Христось, какъ духъ, есть явленіе полной непомяченной божественной славы, то и познаніе его — познаніе полной идеи, во всей широтѣ (14, 4, и 4, 2). Поэтому всѣ вѣрующіе съ открытымъ лицомъ созерцаютъ истинную славу (*δοξήν*) Господа, какъ въ зеркалѣ, и при этомъ въ разсматриваемомъ образѣ божественно прославленнаго Христа даже восходятъ всегда къ высшей славѣ, какъ это иначе и не можетъ быть, такъ какъ глаорифицирующая метаморфоза исходитъ отъ Господа, которому приличествуетъ свойство духа, неограниченнаго въ извѣстныхъ предѣлахъ совершенства (ст. 18) Сущность этой глаорификаціи состоитъ во внутреннемъ духовномъ общеніи съ распятымъ и духовномъ воздѣйствіи на внутреннюю жизнь чловѣки. Здѣсь, слѣдов., разумѣется не

послѣдняя метаморфоза въ пришествіи Христовѣ, постоянно
продолжающееся уподобленіе Христу въ настоящей жизни
(2 Петр. 1, 4).

(Продолженіе будетъ).

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ТАМБОВСКИХЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

15-го августа

№ 16.

1878 года.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ АП. ПАВЛА КЪ КОРИНѢЯНАМЪ.

(Продолженіе).

9. Ибо мы Христово благоуханіа ἐρωδία Χριστοῦ) 2, 17. Подъ ἐρωδία, о которомъ здѣсь говоритъ апостоль, нельзя конечно разумѣть благоуханіе жертвы (ωσμη ἐρωδία Еф. 5, 2. Филипп. 4, 18), такъ какъ познаніе Божіе нельзя разсматривать какъ предложенную Богу жертву; нельзя также понимать подъ этимъ ἐρωδία благоухающаго куренія (Θεοδоритъ) или мазь (Златоустъ, Θεοφιлакть); безъ основательно также приравнивать это благоуханіе свѣту, звуку (противъ de Wette) Вѣриѣ всего здѣсь разумѣтся благоуханіе вообще (Мейеръ) или благоухающія травы (Glaire. Intr. histor. et crit. livres de l'ancien et de nouv. test. tom 5 s. 603). Этимъ метафорическимъ сравненіемъ апостоль какъ нельзя болѣе характеристично опредѣляетъ цѣль и заслуги всѣхъ его рѣчей и преслѣдованій, за которыя онъ уподобляетъ благоуханію Христову. Не смотря на всѣ огорченія и тревоги, не смотря на всѣ невзгоды и преслѣдованія (ст. 14 гл. 2), Богъ обезпечиваетъ побѣду его и распространяетъ доброе благоуханіе чрезъ І. Христа. Здѣсь сравненіе полное. Чѣмъ болѣе даютъ благовопныя травы, тѣмъ

болѣе распространяется запахъ ихъ, чѣмъ болѣе преслѣдуютъ апостоловъ, тѣмъ болѣе бальзамируются всѣ мѣста познаніемъ Спасителя. И какъ благовоніе вообще ощутительно для чувства и производитъ пріятное впечатлѣніе; такъ точно и проповѣдуемое ученіе Павла, о Христѣ пріятное для нравственнаго чувства, замѣтно сколько нибудь для каждаго неиспорченнаго нравственнаго органа. И если еще есть такіе, для которыхъ остается не замѣтнымъ это благоуханіе, то только потому, что ихъ опустѣвшія чувства не въ силахъ болѣе воспринимать впечатлѣній. (4, 4)

10) 4 гл. 10 ст. Всегда мертвость Господа Исуса въ тѣлѣ носяще. (Νέκρωτον τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ) Κυρίου Ἰησοῦ выражаетъ здѣсь родительный принадлежності, и даетъ разумѣть подѣ νεκρωτονъ челоуѣческое естество Спасителя и понесенные имъ труды и преслѣдованія. На своемъ проповѣдническомъ пути апостоламъ подвергаются тѣмъ же опасностямъ жизни, которыя потерпѣлъ и Спаситель. Руккертъ подѣ νεκρωτονъ понимаетъ болѣзнь Павла. Но этому совершенно противорѣчить понятіе ст. 11, гдѣ содержится прямое объясненіе и утвержденіе ст. 10. Постоянно ношимому νεκρωσις τοῦ Χριστοῦ соотвѣтствуетъ въ тѣлѣ то, что апостолы предаются на смерть ради Христа διὰ Ἰησοῦν, но отсюда конечно не слѣдуетъ, чтобы понимать здѣсь смерть для Исуса. Точное значеніе νεκρωσις опредѣляется въ связи съ ст. 10, гдѣ Κυρίου ἐν τῷ σωματι, чрезъ прилагательное Κυρίου, выражаетъ принадлежность νεκρωσις Господу, ἐν σωματι ημῶν отраженіе этого νεκρωσις въ тѣлѣ вѣрующихъ или иначе тожество смерти для одной и той-же цѣли. Въ томъ и другомъ случаѣ одно основаніе—царствіе Божіе, для котораго Исусъ Христосъ и Его апостолы выносятъ всѣ тяжкія страданія. И самая земная жизнь І. Христа, Его лице, Его имя существенно принадлежать этому основанію, которое мотивируетъ и самую жизнь апостоловъ. Посему они не только не дорожатъ болѣе внѣшнимъ храмомъ, земнымъ тѣ-

ломъ (4, 17), которому противостоятъ со всею силою величія и превосходства невидимый, небесный храмъ, жилище вѣчное и нерушимое; но и постоянно въздыхаютъ, чтобы совлечься ветхаго тлѣннаго и одѣться въ новое и небесное. Это въздыханіе нельзя конечно разсматривать какъ предчувствіе и основаніе знанія будущаго (Langé. Bibelw. Кор. Вгг. 3. s. 322). Не говоря уже о томъ, что такое пониманіе не согласно съ ст. 6, гдѣ знаніе, по апостолу, предшествуетъ чувству и обусловливаетъ его, — оно даетъ не вѣрный психологическій анализъ этого чувства. Воздыханіе, какъ чувство не полноты и сожалѣнія, всегда предполагаетъ въ извѣстной мѣрѣ сознательный элементъ этого чувства и неизбежно нуждается въ вѣдѣніи и знаніи, такъ что не чувство въ этомъ случаѣ предшествуетъ знанію, а знаніе — чувству. По этому не желаніе облечься въ храмъ нерукотворенный, какъ естественное слѣдствіе въздыханія служитъ основою нашего знанія небснаго вѣчнаго жилища, а на оборотъ знаніе служитъ основаніемъ такого желанія, т. е., мы и потому желаемъ совлечься тлѣннаго и облечься въ небесное жилище, поелику знаемъ, что наша земная храмина разрушится и что мы имѣемъ жилище на небесахъ, храмъ нерукотворенный, вѣчный. Мы въздыхаемъ потому, говоритъ Златоустъ (толк. на 2 посл. къ Кор. пер. стр. 179), „понеже много лучше есть оное небесное жилище“. Такое сравненіе очевидно предполагаетъ сознательное возрѣніе на оба эти состоянія.

11) 4, 17. 18. Для того, чтобы выяснитъ всю силу дѣйствующей въ немъ благодати, апостоль представляетъ со всею очевидностію собственныя немощи и слабости, относя все на внутреннюю, присущую ему силу духа, поддерживающую эти бранные останки. Такимъ образомъ и самыя немощи и слабости служатъ только большимъ ручательствомъ за дѣйствительное его благодатствованіе. Имамъ же сокровище сіе (т. е. благодать) въ скудельныхъ сосу-

дѣхъ, да премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ. Такой оборотъ дѣла требовался самымъ положеніемъ апостола Павла—съ одной стороны живущаго подъ сѣнію благодати, съ другой—въ постоянной борьбѣ съ притѣсненіями и превратностями судьбы, съ немощами и слабостями плоти. Вотъ почему Павелъ и выясняетъ эту слабую сторону своего высшаго служенія. Поелику, говоритъ блаженный Феодоритъ (стр. 323), сказанное о проповѣдникахъ новаго завѣта было важно, проповѣдники же сіи, какъ всякій видѣль, оставались въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, то апостоль по необходимости объяснилъ, что и это тягостное состояніе проповѣдуетъ Божию силу. Величайшій же признакъ силы Божіей, что и естество сіе, приѣмля на себѣ тысячи ударовъ, не утратило сокровища.

12) Итакъ зная страхъ Господень... (5 гл. 11 и 12 ст.) Златоустъ, Теофилактъ и др. принимаютъ *Κοριούς* за родительный субъекта и понимаютъ страхъ Господень во смыслѣ страшнаго суда, что вполне оправдывается контекстомъ рѣчи и даетъ слѣдующую мысль: апостоль сознаетъ хорошо, что дѣйствія его, какъ подлежащія отвѣтственности и суду знающаго сердца и утробы, не могутъ быть сокрыты и замаскированы, почему онъ говоритъ и поступаетъ такъ, какъ видятъ его вѣрующіе, не стараясь наружно показаться предъ ними какъ противника, которые хвалятся *ἐν κρησιν*, а не *ἐν καρδίᾳ* (ст. 12). Обыкновенно стараются связать эти стихи (11 и 12) или чрезъ частицу *ἄρα* (такъ Тишендорфъ),—которую однакожъ лучшіе толковники выпускаютъ (Вульгата, Златоустъ, Руккертъ, Мейеръ), или чрезъ то допущеніе, что апостоль встрѣчаетъ ложное истолкованіе своей, въ 11 ст. высказанной, самоувѣренности. Но какъ то, такъ и другое предположеніе намъ кажутся совершенно лишними. Связь здѣсь является вслѣдствіе простой противоположности, въ которой апостоль разсматриваетъ основаніе своей рекомендаціи и своихъ про-

тивниковъ. Самъ апостоль дѣйствуетъ не по внѣшнимъ какимъ нибудь корыстнымъ побужденіямъ, но исключительно чистымъ внутреннимъ; тогда какъ противники его стараются показаться только ἐν πρόσωπῳ. Ἐν πρόσωπῳ—κατὰ σάρκα 11, 18, и выражаетъ внѣшнее преимущество (Rabig). Πρόσωπον (личина) и есть то, что бросается въ глаза (ср. 1 сам. 16, 7); въ этомъ смыслѣ можетъ быть сюда примѣнено объясненіе Мейера, который подъ πρόσωπον разумѣетъ представляющуюся на лицѣ лицемѣрную святость, любовь и т. п. въ противоположность чувству сердечному, чувству искреннему.

13) 5 гл. 13 и 14 ст. „Аще бо изумихомся, Богови: аще ли цѣломудруемъ, вамъ“. Всему выдвинутому ряду основаній облагодатствованнаго состоянія Павла противостояло теперь возраженіе противниковъ, которые въ его дѣйствіяхъ испостоянныхъ, рьяныхъ и подъ часъ слишкомъ скромныхъ видѣли вынаруженіе обыкновенныхъ естественныхъ силъ человѣка, лишенныхъ всякаго содѣйствія божественнаго. Почему апостоль, какъбы отражая это нападеніе противниковъ, говоритъ εἰτε ἄρ' εἰσέστημεν... Что въ εἰσέστημεν апостоль дѣлаетъ косвенный намекъ на противниковъ, это уже замѣчено многими древними и новыми толковниками—Златоустомъ, Θεодоритомъ, Мейеремъ, de Bette и Ланге—какъ очевидно само собою; такъ какъ рѣзкій образъ выраженія, который здѣсь употребленъ апостоломъ, ни чѣмъ другимъ, кажется, не мотивируется. Но въ какомъ же смыслѣ здѣсь употребленъ εἰσέστημεν? Ланге (Theol. homil. Bibelwerk. Theil VII s. 333.) понимаетъ его въ смыслѣ безсмыслія, въ противоположность разумности, что конечно вообще вѣрно филологически, но не даетъ разъясненія дѣлу. Озіандеръ (стр. 571) это безуміе (insanitas) понимаетъ какъ чрезмѣрную ревность (Zelum) апостола въ отношенія къ Кориноянамъ; по этому противорѣчить съ одной стороны допущеніе Θεῷ, съ другой антитезисъ слова εἰσέστημεν—σοφ

ροῦσμεν, которое напротивъ показываетъ, что онъ былъ благоразуменъ въ отношеніи къ Коринтянамъ. Grot, Шрадеръ по de Wette стр. 219 понимаютъ εἴσταυ какъ экстазъ, какъ сильно размяченное чувство благодарности къ Богу, возвышенное состояніе духа Апостола (ср. 2 гл. 14). Но къ чему же было выдвигать это въ существѣ непредосудительное состояніе Духа апостола?—Мы находимъ разъясненіе и значеніе этого εἴσταυ въ самомъ же текстѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ эпитетъ взятъ изъ устъ его противниковъ, которые называли его безумнымъ (ср. Мрк. t. 21; Дѣян. 26, 24), къ чему какъ ограниченность такъ и злонамѣренность противниковъ могли найти достаточную причину въ чрезвычайномъ героизмѣ его дѣятельности вообще и въ особенности въ его беспощадномъ порицаніи лжеучителей. Въ отношеніи на это обвиненіе и говоритъ теперь иронически Павелъ: ибо если мы и безумны, то это безуміе для служенія Господу, если же благоразумны, то на служеніе вамъ. Такой смыслъ настоящаго мѣста получается въ связи его съ послѣдующимъ (14) стихомъ, гдѣ содержится прямая причина или лучше основной мотивъ для εἴσταυ σοφροειν Павла. Въ ст. 14 апостоль говоритъ, ἡ γὰρ ἀγάπη τοῦ Χριστοῦ... т. е. любовь, которую Христось оказалъ для міра и любовь, которую питали апостолы ко Христу, заставляетъ его разсуждать такъ: если Христось умеръ за всѣхъ, то уже послѣ того и живущіе должны жить не для себя, но для умершаго за нихъ и воскресшаго. Изъ разъясняющаго чрезъ γὰρ значенія для ст. 13 текста ст. 14 становится яснымъ, что подъ εἴσταυ Павелъ разумѣетъ отрѣшеніе отъ всѣхъ привязанностей къ здѣшней временной жизни, полную преданность интересамъ высшимъ своего служенія; почему онъ не жалѣетъ себя, какъ бы выходя изъ себя, не боится угрозъ и преслѣдованій, но проповѣдуетъ даже до смерти, проповѣдуетъ смѣло дерзновенно; такъ какъ онъ знаетъ, что такая ревность, такое самоотверженіе для Бога. Такой смыслъ εἴσταυ вполнѣ

подтверждается и значеніемъ антитеитическаго ему слова *σφοδρον*. Апостоль часто однакожь ограничиваетъ свое рвеніе въ дѣятельности и смотритъ на эту дѣятельность не какъ безумную, безразсудную дѣятельность, но какъ дѣятельность вполне разумную, но только задерживаемую требованіями другаго долга пасти стадо Коринтское или вообще Христово. Въ этотъ случаѣ апостоль представляетъ видимое какъ бы столкновеніе его долга самопожертвованія для Бога и долга труда въ пользу вѣрующихъ. Первый конечно выше послѣдняго. (самопожертвованіе для Бога высшая и первая обязанность Христіанская), но такъ какъ въ дѣлѣ служенія на пользу вѣрующихъ уже выполняется долгъ служенія Богу, то благоразуміе апостола требуетъ ограничивать излишнее самопожертвованіе для того, чтобы принести большую пользу Коринтянамъ. Отсюда можетъ быть и выяснено кажущееся непостоянство его дѣйствій—на что намекали его противники, которые упрекали Павла въ томъ, что онъ слишкомъ уже боязливъ и слабъ, ограничиваясь только заочнымъ письменнымъ порицаніемъ и не являясь самъ по обѣщанію (2 Кор. 10, 10, ср. 1 Кор. 16, 6; 2 Кор. 1, 15, 23). Въ оправданіе этого апостоль указываетъ два основные мотивы, которые, такъ сказать, заправляютъ всею его дѣятельностію, какъ бы сглаживая собственное „я“. Въ этомъ отношеніи нельзя не отдать полной справедливости объясненію Тюбенгенскаго ученаго Баура (Theol. jahrb. 1850 Bd. d. s. 182), который въ своемъ коментаріѣ на ст. 13 5 гл замѣчаетъ, что Павелъ въ этомъ стихѣ хотѣлъ только сказать то, что въ какомъ бы состояніи изъ двухъ—*εἴθετον* и *σφοδρον*—онъ не находился, ни въ какомъ случаѣ не дѣйствуетъ его собственное „я“.

14. 5 гл. ст. 15 и 16. Въ стихѣ 15 апостоль указываетъ послѣдній первоисточникъ своего апостольскаго служенія, сила котораго лежитъ въ томъ, чтобы дать читателямъ еще большій предметъ похвалы. Этотъ первоисточникъ

крестная смерть Христа, значение которой состояло въ томъ, что въ одномъ, умершемъ за всѣхъ, и всѣ умерли; такъ какъ эта крестная жертва послѣдовала ради божествомъ предназначенной искупительной цѣли; вмѣстѣ съ этимъ живи и живущіе (физически) не должны уже болѣе жить для ихъ плотской жизни, но для умершаго и воскресшаго; они умерли „σάρξ“ съ тѣмъ, чтобы жить для „πνεῦμα“. Непосредственное слѣдствіе такого взгляда на теологическое значение смерти и воскресеніе Христа есть то, что апостоль съ извѣстнаго времени (настоящаго времени) никого уже не знаетъ *κατὰ σάρκα*, какъ зналъ прежде, когда стоялъ подъ нормою *σάρξ*. Равно также если и зналъ прежде Христа подъ категорією *σάρξ* то теперь уже болѣе не знаетъ. Но что же означаетъ въ нашей связи *σάρξ*? И какъ понимать масштабъ знанія *κατὰ σάρκα*? Мы были бы слишкомъ несправедливы, если бы ограничились въ данномъ случаѣ краткимъ афористическимъ объясненіемъ, которое по Мейеру (Comment s. 113) представляетъ намъ нашъ отечественный толковникъ Ивановъ (Руковод. къ истол. чт. книгъ. нов. зав. II посл. Павла ап. къ Кор. Кіевъ. 1873 г. стр. 256) „Знать кого нибудь по плоти (*κατὰ σάρκα*), говоритъ этотъ толковникъ, значитъ признавать въ немъ тѣ свойства и различія, которыми обыкновенно можно отличить людей, какъ напр. происхождение, образованіе, положеніе въ обществѣ. Для апостола такихъ различій нѣтъ, онъ не знаетъ ни Иудея, ни Еллина и т. д. Плотскими глазами смотрѣлъ онъ нѣкогда и на Христа, когда гналъ его церковь, теперь же, по возрожденіи, смотритъ на Него, какъ на Искупителя, какъ на истиннаго Сына Божія. Такое, совершенно бездоказательное, объясненіе какъ оно является предъ нами, заключаетъ глубокой паралогизмъ понятія *κατὰ σάρκα* въ двухъ равнозначущихъ полустипціяхъ. Если подъ понятіемъ *κατὰ σάρκα* въ первомъ полустипціи разумѣется знаніе національныхъ особенностей и обо-

собленности званія то такое значеніе *κατά σαρχα* должно быть отодвинуто во второй половинѣ, такъ въ преслѣдованіи Павломъ Христа сказалось не отличіе Христа въ его національной исключительности, а совершенно другое—званіе Его въ узкихъ границахъ обыкновеннаго смертнаго и жалкаго реформатора.

Большимъ вниманіемъ настоящае классическое мѣсто ст. 16 пользуется у нѣмецкихъ экзегетовъ и какъ всякое трудное логически и граматически мѣсто варьируется довольно различнымъ образомъ. Здѣсь прежде всего выступаетъ предъ нами объясненіе Бейшлага (стр. 230) по которому *κατά σαρχα* даетъ будто личное знакомство со Христомъ въ продолженіи его жизни земной, но что съ известнаго момента въ этомъ личномъ соотношеніи съ историческимъ Христомъ, апостолъ не полагаетъ болѣе никакой цѣны, никакого достоинства вопреки противникамъ, которые прямо налегали на это внѣшнее личное общеніе съ Иисусомъ, причисляя себѣ къ непосредственнымъ ученикамъ его для своей рекомендаціи и для того, чтобы возвыситься надъ Павломъ. Несмѣемъ вмѣстѣ съ Мейромъ (Comment s. 114) и Ланге (Bibelwerk. VII s. 341) возвышать здѣсь того возраженія, что объ этомъ личномъ знакомствѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда въ Нов. Завѣтѣ.

Не думаемъ также оспаривать этого объясненія Бейшлага на томъ основаніи, что апостолъ въ томъ случаѣ, если бы онъ говорилъ о личномъ знакомствѣ съ земною человеческою личностію Христа, долженъ былъ выразиться не *Χριστός* но *Ἰησοῦς*. Конечно для Павла, когда онъ вступилъ въ личное соприкосновеніе съ Христомъ Иисусомъ, послѣдній еще не былъ Мессіею, но ничто не препятствовало ему обозначить эту личность съ его настоящей апостольской точки зрѣнія, этимъ именемъ должности и чести, которое между вѣбрующими было общимъ личнымъ именемъ, послѣ того, какъ онъ уже обозначилъ его достаточно *κακα. σαρχα*. Но что

возрастаетъ съ силою противъ указаннаго Бейшлагомъ настоящаго мѣста, такъ что даже оно (объясненіе) является невозможнымъ,—это слѣдующее соображеніе. Во второмъ членѣ ст. 16, гдѣ идетъ рѣчь о званіи Христа со стороны апостола, во всякомъ случаѣ еще можно сладить съ даннымъ значеніемъ *сарха*, но отнюдь однакожь не въ первомъ, гдѣ апостоль утверждаетъ о себѣ, что онъ не знаетъ никого по плоти. Если относить *ὄυδένα ἀϊδαμεν* (*ката сарха*) на личное знакомство Павла съ перво-апостолами, то не понятно, какимъ образомъ Павелъ это званіе теперь *απο του ουου* могъ отрицать, какъ знаніе *ката сарха*, тогда какъ они (апостолы) какъ еще жившіе на землѣ, могли быть разсматриваемы не иначе, какъ по плоти (въ данномъ смыслѣ). Относительно Христа, Который въ тотъ моментъ, какъ писалъ апостоль, имѣлъ образъ существованія *ката πνεύμα*, какъ воскресшій и прославленный Сынъ Божій—еще могъ апостоль, взирая на его прежній образъ жизни, обозначить его прежнее существованіе какъ бытіе *ката сарха*; но что же должно означать это выраженіе для первыхъ учениковъ Іисуса, если ограничиться при *σαρξ* единственно означеннымъ моментомъ? Но если здѣсь не возможно выяснитъ того, что Павелъ говоритъ здѣсь о своемъ до христіанскомъ личномъ знакомствѣ съ историческимъ Христомъ, то нельзя найти этой трудности настоящаго мѣста и въ другомъ спеціальному разсмотрѣніи этого вопроса, которое дѣлаетъ Бауръ въ своемъ сочиненіи: *Pavlus 2 aufl*, а также и въ другомъ сочиненіи: *P. T. Theolog s. 130 und folg.* По убѣжденію этого ученаго Павелъ здѣсь говоритъ также о его дохристіанскомъ отношеніи ко Христу, только здѣсь разумѣется не Христось въ границахъ его плотской жизни, но Христось—мессія Іудейства, національно Іудейская идея представленія о мессіи. Такъ какъ Іудейски—мессіанскому понятію недостовало момента страданій и смерти Месіанской личности; то очень естественно, что Павелъ въ крестной смерти Христа имѣлъ

сильный толчекъ, взмѣнившій ходъ его религіознаго сознанія, вслѣдствіе чего его мессіанская идеи была очищена отъ всѣхъ связанныхъ съ Іудействомъ элементовъ и апостолъ съ того момента ничего не хотѣлъ болѣе знать о плотскомъ, потерявшемъ свое значеніе чрезъ смерть Христа. Ст. 16 гл. 5 Бауръ формулируетъ такимъ образомъ; если и было время когда я (Павель) зналъ Христа, какъ Мессію Іудейства, какъ такого, который оставлялъ собственное служенія своей націи и чувственныя склонности и не въ состояніи былъ возвысить меня на ту ступень духовной жизни, на которой и теперь стою, смотря потому, какъ я живу съ Христомъ, который для меня, какъ и для всѣхъ умеръ, то я уже не могу въ настоящее время признавать такое понятіе истиннымъ, я отрѣшился теперь отъ всѣхъ предубежденій, отъ всѣхъ чувственныхъ представленій и ожиданій, которыя чрезъ естественное происхожденіе отъ моей націи перешли на меня и унаслѣдованы мною, какъ урожденнымъ Іудеемъ (Paul S. 304 aufl 1).

Не вдаваясь въ подробности разбора этой теоріи знаменитаго Тюбенгенскаго критика, въ сущности поддерживаемой и другими нѣмецкими учеными, мы можемъ однакожъ замѣтить, что Бауръ „Χριστὸς κατὰ σάρκα“ связываетъ въ одно понятіе, между тѣмъ κατὰ σάρκα по своему положенію принадлежитъ къ глаголу „Ἐγεννηθη“ (Мейеръ, Ланге, Hofmann. Heil schft. 1866 г. I. 153 и Гильгенфельдъ Heil. schr. 1871 г. heft. 1. S. 113), — что онъ принимаетъ Χριστὸς въ нарицательномъ значеніи, на что онъ имѣлъ бы право, еслибы Павель написалъ „ὁ Χριστὸς“, а не просто безъ члена „Χριστὸς“.

Основное положеніе Баурова взгляда, осужденное почти всѣми экзегетами, существенно старается пополнить и улучшить Клопперъ (Exeg krit unters. zwb. Brr. Paal. b. Gem. Kor. 1869 г. стр. 60—64). Христось, познаваемый подъ κατὰ σάρκα, по мнѣнію Клоппера, есть потомокъ опре-

дѣленной націи израильской, которая есть избранный отъ Бога народъ завѣта, обѣщанное сѣмя Аврааму. (Гал. 3, 16), національный іудей, національный Мессія, рожденный отъ жены также *υενομενος ὑπό νόμου*, принявшій обрѣзаніе, а съ обрѣзаніемъ обязанность ненарушаемаго послушанія тому, что чрезъ это онъ исполнилъ, онъ есть партикуляристическій дѣятель въ Израилѣ и для Израиля (Мѡ. 10, 5. 6, 7, 6; д, 36; 15, 24)—словомъ Христось *κατὰ σάρκα*—есть юдадаистически понимаемый партикуляристически—національно легальный мессія въ тѣсныхъ рамкахъ его родового происхожденія и земной чувственной жизни. Павелъ теперь т. е. со времени усвоенія христіанскихъ идей уже не знаетъ болѣе Христа, какъ не знаетъ никого уже болѣе въ этихъ границахъ національной обособленности. При этомъ въ прежнемъ знаніи Христа *κατὰ σάρκα* лежитъ, по Клѣпперу, прямой намекъ на противниковъ Павла, которые еще и до сего времени руководятся такимъ масштабомъ для оцѣнки Христа, который уже не имѣетъ болѣе цѣны и не приложимъ къ нему съ точки зрѣнія Павла (Klöpffer. *unres. ub. zw. br. P. an. d. Kor. S. 47 и 61.*) Вопросъ означеніи *κατὰ σάρκα* сводится такимъ образомъ у Клѣппера на существенное содержаніе ученія и взглядовъ противниковъ Павла, которые во Христѣ видѣли только партикуляристическаго Сына Давидова, національнаго Іудея и ревностнѣйшаго исполнителя закона Моисея, который такимъ образомъ оставилъ имъ въ примѣръ свой образъ жизни. Въ объясненіи Клѣппера взглядъ Баура пополняется такимъ образомъ объединеніемъ идеи мессіанства и самымъ осуществленіемъ этой идеи въ жизни Іисуса. Такой взглядъ Клѣппера какъ и Баура выходитъ, какъ видно, изъ тойже основной тенденціи отрицательной критики,—чтобы найти вездѣ фактически—догматическую борьбу между Павломъ и его противниками и выяснить изъ этой борьбы историческимъ путемъ все развитіе христіанства. Но такая тенденціозность

вовлекла въ данномъ случаѣ указанныхъ ученыхъ въ грубую историческую ошибку, незамѣтную только для пристрастнаго предубѣжденнаго взгляда. Если понятіемъ *κατὰ σάρκα* вводится знаніе Христа какъ идеала чувственно—юдаическаго мессіанства, если въ этомъ знаніи составляетъ существенную сторону выполненная до точности, въ его земной жизни, мессіанская идея іудейства, то не понятно какимъ образомъ подобное знаніе этого опредѣленнаго Христа по плоти могло быть у Павла до того момента, который онъ обозначаетъ *ἀπὸ τοῦτου* и которымъ, по мнѣнію Клоппера, является прежде всего актъ обращенія Павла на пути въ Дамаскъ. Напротивъ вся исторія до христіанской жизни Павла идетъ въ разрѣзъ съ такимъ знаніемъ его Иисуса по плоти. Савль или Павелъ терзалъ церковь, входя въ дома и влача мужчинъ и женщинъ, отдавалъ въ темницу (Акт. Ап 8, 3).

Очевидно, что въ этомъ преслѣдованіи церкви а въ лицѣ оной и основателя ея, никакимъ образомъ не мирятся тѣ мессіанскія черты Христа, которыя въ сознаніе Павла влагаетъ Клопперъ. Въ этомъ отношеніи знаніе Павломъ Христа, по Клопперу, является совершеннымъ незнаніемъ его, доходящимъ до ослѣпленія, соблазна и даже преслѣдованія Его. (Христа). И какимъ образомъ Павелъ могъ эти столь квалификаціирующие (въ моментѣ преслѣдованія) его самого поступки противъ Христа назвать—*ὑμῶσκειν κατὰ σάρκα* и поставить въ параллель съ положеніемъ его противниковъ по отношенію къ Христу?!

Если краткій обзоръ новѣйшихъ попытокъ объясненія такового выраженія Павла въ ст. 16 сообщилъ намъ покрайней мѣрѣ ту выгоду, чтобы устранить отсюда все то, что не можетъ быть здѣсь разумѣваемо, то теперь является обязанность отвѣтить положительно на вышеставленный вопросъ: что выражаетъ собою *κατὰ σάρκα* и что значитъ прежде всего въ рѣчи стоящее *σάρξ*?

Изъ этого понятія конечно должно отвлечь представле-

нѣ грубо—чувственной оболочки, которая точнѣе обозначается словомъ „*σῶμα*“. Равно также и извѣстное основное понятіе *σὰρξ* какъ земной матеріальной жизненной субстанции, въ настоящемъ мѣстѣ не можетъ быть примѣнено: поелику словомъ *σὰρξ*, какъ справедливо еще замѣтилъ Мейеръ (Comment. S. 185), Апостоль обозначаетъ здѣсь нравственный элементъ и выраженіемъ *κατὰ σάρκα* нѣкоторое нравственное водительство жизни. Правильное значеніе настоящаго выраженія мы получимъ, когда разсмотримъ въ совокупности встрѣчающееся въ нашемъ втор. посланіи выраженіе *κατὰ σάρκα*. Въ этомъ случаѣ выступаетъ прежде всего предъ нами разсмотрѣнное выше выраженіе 1 гл. ст. 12, гдѣ *σοφία σαρκινῆ* (человѣческая мудрость) является какъ противоположность мудрости духовной, облагодатствованной и выражаетъ ограниченную натуральную норму нравственной человѣческой дѣятельности, не просвѣщенной свыше. Подобный же смыслъ дать другое мѣсто 2 кор. 10, 2, гдѣ Апостоль въ глазахъ противниковъ представляется дѣйствующимъ *κατὰ σάρκα*. Здѣсь не можетъ быть, конечно, и рѣчи о какомъ нибудь родовомъ отношеніи (Противъ Иванова), но прямо выражаются нѣкоторые нравственные основы дѣятельности, натуральныя, плотскій или чувственный масштабъ при оцѣнкѣ дѣйствія (Ср. Мѡ. 16, 17) или какъ объясняетъ это мѣсто Ланге (Bibelwerk. VII. S. 380) вслѣдъ за Беккомъ (Beck. Chrstl. Lehrwiss. S. 278), по которому *σὰρξ* понимается какъ жизнь душевно—плотская, какъ бездушная частію и зависящая отъ внѣшнихъ вліяній, слабая, частію же находящаяся же въ положительномъ антогонизмѣ съ духомъ, жизнь грѣховная, грѣховный принципъ и органъ. Мы не погрѣшимъ, если въ такомъ же значеніи слова примемъ и выраженіе ст. 16 5 гл., гдѣ *κατὰ σάρκα* означаетъ прежде всего субъективную норму натурально—чувственнаго познанія (противъ Мейера), масштабъ познанія плотскій, не освѣщенный духовнымъ принципомъ сознанія, въ противо-

положность благодатствованному чисто духовному. Этимъ пониманіемъ *ката сарха* какъ субъективной нормы познанія, какъ чего то познающаго, не исключается и другой моментъ познанія—объективная сторона его. Напротивъ въ этой субъективной формѣ познанія лежитъ и объективная сторона его. Само собою разумѣется, что если кто знаетъ кого ли-бо *ката сарха* знаетъ такъ, какъ можетъ знать его человѣчески—натуральнымъ образомъ, тотъ знаетъ въ немъ только то, что составляетъ предметъ для такого знанія (Hofman. Neil. schrift. S. 153). И когда апостоль говоритъ, что никого не знаетъ болѣе по плоти, то этимъ онъ утверждаетъ то, что онъ не разсматриваетъ никого болѣе по масштабу натурально --плотскаго познанія и такимъ образомъ въ границахъ натуральной жизни. Онъ поставлялъ себя нѣкогда по отношенію къ другимъ такъ, какъ позволяла ему мірская мудрость, прозрѣвавшая только одну натуральную смертную сторону жизни, теперь же съ извѣстнаго времени, когда смерть была побѣждена смертію Христа и когда благодать Христа просвѣтила его плотскій взглядъ; онъ разсматриваетъ и познаетъ каждаго такъ, какъ онъ представляется взгляду освѣщенному смертію Христа, взгляду духовному, который не видитъ болѣе и въ людяхъ одну только натуральную плотскую жизнь, но умротоверенную силу креста Христова. По этому для апостола его любовь ко Христу будетъ дѣйствовать на него такимъ образомъ, что смерть Христа для него не тщетно совершилась и цѣль этой смерти реализовалась въ его жизни, измѣнивши самый масштаб его познающей дѣятельности. Этотъ измѣненный масштабъ онъ прилагаетъ къ познанію Иисуса Христа.

Почему если онъ и зналъ прежде Христа *ката сарха*, то теперь уже не знаетъ Его такимъ образомъ. Выраженіемъ *εἰς ὡραίων*, какъ поставленнымъ въ прошедшемъ перфектномъ врем. Апост. очевидно обозначаетъ познаніе прошедшаго, совершившееся; познаніе, которое имѣло своимъ предме-

томъ тогоже Христа, Котораго онъ теперь любить, но при этомъ съ такими свойствами, которыя вытекають изъ понятія натуральной плотской сущности и поэтому онъ зналъ Христа на столько, насколько онъ былъ предметомъ чувственного полотскаго знанія. Если же *χριστός* во второй половинѣ 16 ст. стоитъ непосредственно за *καί*, то можно здѣсь находить усиленіе относительно *οὐδένα* и понимать такимъ образомъ,—что это указываетъ время, когда онъ и Христа такъ зналъ, какъ онъ теперь болѣе никого не знаетъ. Это прежнее пониманіе Христа *κατά σαρκά* заключало въ себѣ всѣ признаки натурального ограниченного познанія, по которому Павелъ, отдаваясь обаянію своей религіи, съ жаромъ защищалъ ее противъ реформатора Иисуса и, еще будучи юношею, заявилъ уже (въ смерти Стефана) свою ненависть, дошедшую потомъ до преслѣдованія, къ Распятому и Его послѣдователямъ. Мы не ошибемся, если опредѣлимъ это прежнее познаніе Павла, какъ полное отраженіе всей ненависти Фарисейской ко Христу, и все болѣе и болѣе увеличивавшейся злобы противъ Того, котораго они, фарисеи, ослѣпленные плотію и кровію, представляли какъ дерзкаго соблазнителя народа и нарушителя общественнаго порядка. Такой взглядъ на Христа имѣлъ и Павелъ, когда онъ раздѣлялъ о лицѣ Иисуса Христа такіа убѣжденія фарисеевъ и книжниковъ, которыхъ отнынѣ (*ἀπό τοῦ ὕψους*) не раздѣляетъ болѣе.

Но что же это за моментъ, съ котораго послѣдовалъ такой замѣтный переворотъ религіозно нравственнаго сознанія Павла, гдѣ искать тотъ поворотной пунктъ, который можно бы было обозначить выраженіемъ *ἀπό τοῦ ὕψους*? — Очевидно мы будемъ блуждать въ бесплодныхъ поискахъ правительнаго рѣшенія, если станемъ вмѣстѣ съ Бауромъ, Гилгенфельдомъ на точку отрицательной критики и пойдемъ по пути натурально—послѣдовательнаго историческаго развитія религіознаго сознанія Павла, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы

не можемъ указать того опредѣленнаго пункта, который обозначенъ Павломъ въ выраженіи *ἀπό τοῦ ὕψ.* Но съ другой стороны мы были бы слишкомъ пристрастны къ дѣлу, если бы это „*ἀπό τοῦ ὕψ*“ отнесли на моментъ дамасскаго обращенія Павла. Дѣйствительно это обращеніе Павла было моментомъ, съ котораго можетъ быть обозначено радикальное измѣненіе религіознаго сознанія его, но только въ фантастическихъ категоріяхъ сознанія можно представить этотъ моментъ какъ полный магіическій переворотъ. Тамъ, гдѣ только допускаютъ нѣкоторые психологическіе анализы, чтобы ближе опредѣлить этотъ моментъ, никогда нельзя дойти до утвержденія того, чтобы тотчасъ послѣ обращенія Павлу мгновенно сообщена была, какъ бы нѣкоторый подарокъ, вся діалектически—оформленная христологія, какъ она является намъ въ его посланіяхъ. Требовало гораздо болѣе долгое время продолжавшейся интенсивной внутренней работы, чтобы добыть и утвердить въ сознаніи все то, что, какъ плодотворный зародышъ, положено было въ основаніе всей глубочайшей сущности духа Павла. Съ этой точки зрѣнія намъ совершенно кажется понятнымъ то, что Павелъ непосредственно послѣ обращенія отправился въ Аравію, гдѣ онъ подъ вліяніемъ благодати провелъ три года въ тихомъ размысленіи, въ рефлексивной переработкѣ полученнаго имъ въ откровеніи, въ усвоеніи сознаніемъ всего свѣта божественнаго, который могъ быть освѣщающимъ факторомъ только въ томъ случаѣ, когда духовный глазъ уже достаточно привыкъ и сроднился съ нимъ. Въ этомъ то трехгодичномъ пребываніи въ Аравіи, которое стоитъ въ непосредственной связи съ фактомъ откровенія, можно видѣть безошибочно тотъ моментъ религіозно—нравственнаго поворота сознанія Павла, который онъ обозначаетъ выраженіемъ: *κατὰ σάρκα*. Съ этого времени Апостоль началъ смотрѣть на все уже не плотскими глазами (Ср. 10, 2); но духовнымъ окомъ. Съ этого времени онъ понялъ все значе-

ніе жизни Христа, Который въ крестной смерти своей принесъ милостивительную жертву, за грѣхи всего міра и даровалъ міру жизнь новую и благодатную.

15) Ибо Богъ примирилъ съ собою міръ и проч. (5 гл. ст. 19).

Не самъ Богъ, говоритъ Апостоль, примирился съ нами, хотя самъ оскорбленъ былъ нашимъ преступленіемъ, но самъ примирилъ съ собою міръ, не человѣка употребивъ въ посредники, но Единороднаго Сына содѣлавъ посредникомъ міра (Теодоритъ по Русск. пер. стр. 331). Это примиреніе Иисусъ Христосъ совершилъ для всего міра, какъ указываетъ слова *κοσμου*, поставленное безъ члена (*Gramm. Winer. стр. 117*), совершилъ объективно. Субъективное же усвоеніе его предоставилъ собственной самодѣятельности каждаго индивидуума подѣ тѣмъ условіемъ, если человѣкъ обратится ко Христу и усвоитъ себѣ Его искупительныя заслуги; для такого обращенія, раскрытіе первыхъ словъ христіанства необходимы опять своего рода посредники; почему Христосъ для проповѣди о себѣ устроилъ служеніе апостольства, которое, какъ служеніе назначенное привести всѣхъ къ Богу, Апостоль и назвалъ служеніемъ примиренія. Съ этой точки зрѣнія апостоль былъ въ правѣ назвать и себя, какъ исполнителя воли избравшаго его, служителемъ примиренія и посланникомъ Христа, какаго посредника между Нимъ и людьми (ст. 20). Эта послѣдняя мысль составляетъ какъ бы центръ, около котораго вращаются всѣ другія мысли Павла до 6 гл. и которому стягиваются всѣ сужденія его.

16) 16 гл. 11 ст. Сердце наше расширено для васъ Коринѳяне... Таково свойство любви, сердца обладающихъ ею дѣлаетъ она пространными (Теодоритъ по Русск. перев. толк. на 14 пос. Ап. Павла стр. 234). Въ этомъ смыслѣ Апостоль могъ сказать, что сердце его вмѣстило всѣхъ Коринѳянь и желаетъ съ другой стороны, чтобы и сердца Ко-

риянянъ были исполнены любовію и сочувствіемъ къ нему. Этимъ Апостоль указалъ главный и существенный элементъ связи, который долженъ лежать между нимъ и обществомъ. Изъ этой отеческой любви Апостоль выясняетъ и всѣ дѣйствія свои по отношенію къ Коринѣянамъ. Руководимый этою любовію, Апостоль убѣждаетъ Коринѣянъ не имѣть общенія съ невѣрными, не преклоняться подъ одно ярмо съ ними (ст. 14). Ярмо, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, не ярмо подзаконное, которое тяготѣло надъ народомъ Іудейскимъ; но ярмо чуждое, такое, которое связывало невѣрующихъ и было чуждо христіанъ (Ланге Bibelwerk. VII. S. 343. Мейеръ стр. 130). Однакоже подъ этимъ общеніемъ разумѣется не обращеніе съ язычниками, которое даже было и необходимо, чтобы скорѣе и легче можно было привить къ нимъ христіанство; но участіе въ языческихъ зрѣлищахъ, обычаяхъ и распутствѣ.

Незаконность такого общенія съ невѣрными Апостоль доводитъ до сознанія несоединимости языческой и христіанской сущности въ пяти вопросахъ. Рядъ вопросовъ Апостоль ставитъ такимъ образомъ, что отъ объективнаго различія свѣта и тьмы, праведности и беззаконія, опирающагося на различіе Христа и Веліара, нисходитъ къ субъективному различію человѣчески вѣрнаго и невѣрнаго, выражая это понятіе образно, какъ различіе храма и идола. Тождество же храма Божія съ человѣческимъ тѣломъ доказываетъ тѣмъ, что Богъ живетъ въ человѣкѣ, какъ въ храмѣ, по свидѣтельству кн. Левитъ (26, 12): Вселюсь въ нихъ и буду ходить въ нихъ и буду ихъ Богомъ и они будутъ моимъ народомъ (ст. 16).

17) Очистимъ себя отъ всякія скверны плоти и духа (ст. 1 гл. 7).

Очистить себя значитъ освободить себя отъ извѣстныхъ присоединеній или примѣсей. Объектъ этой христіанской правдѣственной дѣятельности, которая требуется въ силу божественнаго необыкновеннаго духа (Римл. 8, 13; галат.

5, 16. Филиппъ 2, 13) есть *καταλογισμὸς σαρκὸς καὶ πνεύματος* т. е. нечистота внутренняя и вѣшняя, духовная и тѣлесная. Озіандеръ (*Sacr. bibelw* стр. 574) видитъ здѣсь прямое указаніе на преступленіе Коринѣскаго общества, (Ср. 6, 14, 12, 20; 1 Кор. 5, 6), при чемъ подъ выраженіемъ *σαρκὸς* разумѣетъ невоздержаніе, а подъ *πνεύματος* сопрیکосновеніе съ служеніемъ идольскимъ (Ср. Дѣян, 15, 29); но противъ такого пониманія возстаетъ выраженіе *πας*, которое обнимаетъ собою всю область духовно-тѣлесной жизни человѣка и потому простирается на всѣ грѣхи духовные и тѣлесные.

18) 7 гл. ст. 2. *Χορηγᾶτε ημεῖς...* Вмѣстите насъ, т. е. имѣйте насъ своими наставниками, довѣряйте намъ (Мө. 19, 11), имѣйте всегда въ сердцѣ, подобно какъ въ ст. 13 гл. 6 (такъ понимаютъ Теодоритъ, Мейеръ). *οὐδένα ἠδικήσαμεν...* (Мы никого не обидѣли) содержитъ основаніе, почему Коринѣяне должны вмѣстить ихъ проповѣдниковъ—основаніе, выведенное отрицательно изъ дѣятельности противниковъ. Апостоль дѣлаетъ въ этомъ случаѣ ироническій намекъ на увлекшихся обманщиками-лжеучителями, которые возводили разные клеветы на Апостола (Теодоритъ по русск. пер. стр. 336). Руккертъ вслѣдъ за Ребигеромъ (*Rab. Untersuchung. ub. d. beid. Brr. Ap. Paul. an. d. Kor. gemend. 1847. S. 178*) относитъ этотъ стихъ на кровосмѣсителя (Ср. ст. 8); такъ что *οὐδεὶς* по нему относится къ заслуживающему наказаніе. Но такого объясненія нельзя принять потому а), что къ словамъ *ἠδικ...* и *εὐδαιμον...*, которыя могли быть отнесены на кровосмѣсителя, прибавлено еще *εὐλοβήθησαμεν*, которое только можетъ быть примѣнено сюда, въ томъ случаѣ, если разумѣть подъ нимъ не корыстность дѣйствиій вообще или эксплуатацію, а вмѣстѣ съ *Räbig* (S. 178) и *de Wette* (S. 231) притязательность и властолюбіе Павла,—что по необходимости вводитъ значительную филологическую натяжку; в) если признать указа-

ніе здѣсь на кровосмѣсителя, то должно допустить, что Апостоль отклоняетъ отъ себя здѣсь упрекъ, сдѣланный ему или со стороны Коринтянъ, или со стороны лжеучителей; но изъ 8 и 9 и 10 ст. тойже главы видно, что Коринтяне безъ возраженій и упрековъ съ чувствомъ полной признательности къ Павлу приняли его судъ надъ кровосмѣсителемъ.

19) 7 гл. 5 ст. *ὡς εὐθύντων ἡμῶν εἰς Μακεδονίαν, οὐδεμίαν ἐσχηκεν ἄνεσιν ἢ σαρκὲ ἡμῶν, ἀλλ' ἐν παντί θλιβόμενοι. ἔξωθεν μάχαι, ἐσωθεν φόβοι.* Москеймъ и Морусъ (de Wette стр. 232 подъ *σαρξ* (плоть) разумѣютъ всего человѣка; Руккертъ разумѣетъ подъ *σαρξ* вообще тѣло. Вѣрнѣе понимаетъ слово это de Wette, который именовемъ *σαρξ* обозначаетъ чувственную душу. Въ этомъ случаѣ Апостоль слова дѣлаетъ замѣтнымъ рѣзкій контрастъ между собственно натуральною жизнью, которую обозначаетъ именовемъ *σαρξ* и жизнь отъ Бога, когда немощающему состоянію плоти противопоставляетъ (въ ст. 6) поддержку и утѣшеніе отъ Бога. *ἔξωθεν* и *ἐσωθεν* по этому должны выразать не бѣдствія Павла внутри своего общества и внѣ его (противъ Златоуста, Феодорита стр. 337), но дѣйствіе и воздѣйствіе внутри натуральныхъ границъ человѣческой слабости, когда внѣшнія (*ἔξωθεν*) преслѣдованія, при всемъ сознаніи Павломъ своего высокаго служенія, возбуждали въ душѣ его робость и боязнь (*φόβον*), въ которыхъ утѣшить могла только одна вседѣйствующая сила. Это—внутренняя тѣснота, внутренняя боязнь, опасеніе за себя, которыя столь свойственны человѣку стоящему подъ категорією *σαρξ*.

20) 8 г. 1 ст. *скажемъ вамъ братіе благодать Божию, данную въ церквахъ Македонскихъ.*

Благодатию Божією Апостоль здѣсь называетъ приобрѣтеніе, не отрицая свободы воли, но научая, что съ Божією только помощію возможно собрать богатство добродѣтели (Феодоритъ стр. 341).

21. 8 г. 10—11 ст. Въ щедрости Македонянь Апо-

столь указываетъ примѣръ щедрости Коринтянамъ и этотъ примѣръ тѣмъ разительнѣе дѣлается въ глазахъ Павла, чѣмъ ярче выступаетъ сравненіе между Коринтянами и Македонянами; послѣдніе, не смотря на то, что позже Коринтянъ начали заботиться о милостынѣ, уже совершили самое дѣло, — между тѣмъ какъ Коринтяне желали это еще съ прошлаго года и досихъ поръ еще не успѣли исполнить своего желанія, — примѣръ, по истинѣ, поучительный. Златоустъ и Θεодоритъ объясняютъ θελεῖν какъ добровольное дѣланіе, которому ποιεῖν противопоставляется какъ opus operatum. Но θελεῖν въ данномъ случаѣ не имѣетъ такого значенія; оно какъ справедливо замѣчаетъ de Wette (стр. 240) выражаетъ только желаніе болѣе раннее въ сравненіи съ Македонянами. Или даже прежде чѣмъ въ Македоніи была рѣчь объ этомъ, Коринтяне уже были готовы къ этому, желали этого. Между тѣмъ въ настоящее время въ Македонской общинѣ даръ милостыни былъ исполненъ съ величайшею точностію, — Апостоль желаетъ, что бы и Коринтяне не отставали отъ нихъ; такъ какъ они гораздо ранѣе возмимѣи намѣреніе это сдѣлать (Winer. A 5. § 65. S. 645. wiescl. Chronolod de ap. zeifact S. 364). Эту готовность можно съ правомъ отнести ко времени написанія перваго посл. къ Коринтянамъ, когда Апостоль (въ ст. 16, 1) на вопросъ Коринтянъ даетъ совѣтъ въ томъ, какъ поступать въ сборѣ милостыни на пользу Святыхъ Иерусалима. Въ подобномъ объясненіи мы не погрѣшимъ и хронологически. Απο̄ περὸς — какъ опредѣляетъ здѣсь Апостоль время этого намѣренія Коринтянъ, прямо выражаетъ моментъ прошлаго года. Этотъ моментъ опредѣлится точнѣе, если принять во вниманіе время написанія нашего посланія.

Изъ 1 Кор. 16, 8 можно съ вѣроятностію заключить, что первое посл. къ Коринтянамъ написано около времени праздника пятидесятницы; вскорѣ послѣ этого праздника Павелъ предпринялъ новое путешествіе къ Коринѳу, про-

былъ довольно долго въ Троѣми Филиппахъ и достигъ Коринѳа. Изъ кн. дѣянъ Апостольскихъ 20, 3 ст. видно, что Апостоль оставался въ Элладѣ около 3 мѣсяцевъ и потомъ снова возвратился въ Асію. Если еще отдѣлать приблизительно два мѣсяца на пребываніе Павла въ Филиппахъ, путешествіе отъ Филиппъ въ Коринѳъ и обратно, то можно полагать съ вѣроятностію, что время написанія нашего посланія падаетъ на конецъ осени. Между тѣмъ пребываніе Тита въ Коринѳѣ и начало сбора милостыни имѣетъ свое мѣсто около праздника пятидесятницы (Ср. 1 Кор. 16, 2).
 Если Павелъ слѣдуетъ иудейскому лѣтосчисленію, по которому начало года падаетъ на мѣсяць Tisri (октябрь), то могъ онъ назвать это время *ало перид* тѣмъ болѣе, что онъ хотѣлъ избрать сильнѣйшее выраженіе и обозначить этотъ фактъ, какъ прошлогодній. Но можно также *ало перид* относить на слово *делен* — чтобы обозначить это какъ болѣе раннее, чѣмъ *поиго*; при чемъ будетъ здѣсь умѣстиво и объясненіе Креднера (Credner. Einl. 1. S. 372), держащагося греческаго лѣтосчисленія, по которому годъ кончается около лѣтняго поворота солнца; такъ какъ готовность Коринѳянъ къ пожертвованіямъ въ пользу Святыхъ Іерусалима по времени предшествуетъ написанію нашего перваго посланія (1 Кор. 16, 1). Однакожь отсюда должно бытъ изъятно объясненіе Визелера (Chronol. d. ap. u. zalt. S. 364), который въ силу 9, 2 считаетъ здѣсь македонскій годъ. Было бы несправедливо обращаться къ Коринѳянамъ съ хронологіей другой страны и быть можетъ не совсѣмъ понятною для нихъ.

22) 8 гл. 18 — 22 ст. Сотрудниковъ Тита апостоль обозначаетъ какъ братьевъ и изъ нихъ перваго какъ прославленнаго по всѣмъ церквамъ, а послѣдняго испытаннаго во многомъ (22 ст.). По общему признаку, по которому смутно очерчивается личность послѣдняго, трудно опредѣлить его. И если Руккертъ видитъ здѣсь брата Павла, то

съ такою же вѣроятностію можно здѣсь, (вмѣстѣ съ Гротомъ) разумѣть и Епенета (Рим. 16, 5) Съ большею вѣроятностію можно предпологать опредѣленную личность въ первомъ (ст. 18) имѣя въ виду, что личность приобрѣла себѣ значительную славу уже во всѣхъ церквахъ, кромѣ Ахайской (ст. 10), что она не была извѣстна Коринтянамъ, можно думать вмѣстѣ съ Златоустомъ и Теодоритомъ (стр. 345), что здѣсь рѣчь идетъ о Варнавѣ (Ср. Дѣян. 13, 2; Галат. 2, 9, 10), Противъ этого говорить только подчиненное положеніе его у Тита Но это кажется объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ у Коринтянъ Титу принадлежитъ дѣло сбора въ пользу Святыхъ; а потому онъ здѣсь является главнымъ лицомъ при собираніи милостыни; при томъ Титъ болѣе, чѣмъ кто-либо былъ извѣстенъ Коринтянамъ. Видѣть же въ настоящемъ случаѣ Аполоаса (elt) крайне неумѣстно въ виду того, что Аполоасъ хорошо извѣстенъ былъ Коринтянамъ, и Павлу не было ни какой необходимости рекомендовать его.

23) 9, 1. Между 8 и 9 гл. 2 посл. къ Коринтянамъ не представляется простой непосредственной связи; почему нѣкоторыми толковниками и въ особенности Землеромъ, въ виду кажущейся непослѣдовательности рѣчи въ настоящемъ мѣстѣ, заподозривается цѣльность посланія. „Я осмѣливаюсь, говорить этотъ ученый, (Semler. Paraphrasis II ad Corinthios, Praefatio. p. 16) предположить, что быть можетъ 9 гл. была отдѣльнымъ листкомъ (Schedula), который только впоследствии былъ присоединенъ къ нашему второму посланію къ Коринтянамъ.“ Основаніемъ такого предположенія у Землера служить то, что въ 9 главѣ повторяются тежественно, различныя только въ фразахъ, мысли предъидущей главы. „Должно казаться слишкомъ удивительнымъ, говорить онъ, (ibid стр. 238), что въ одномъ и томъ же посланіи повторяется два раза почти тотъ же самый аргументъ.“ Это предположеніе Землера не имѣло успѣха въ

дальнѣйшемъ развитіи) оно неодобрительно было встрѣчено большинствомъ ученыхъ; но было сочувственно принято Веберомъ и Шмидтомъ (Histor. Chv. Tstl. стр. 243).

(Окончаніе будетъ).

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ТАМБОВСКИХЪ

ЕПАРХИАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1-го сентября

№ 17.

1878 года.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ АП. ПАВЛА КЪ КОРИНѢЯНАМЪ.

(Окончаніе).

Мы не можемъ признать ни малѣйшей доли правды въ этомъ смѣломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ шаткомъ предположеніи Землера, — не въ силу догматической боязни, но единственно потому, чтобы не закрывать глазъ предъ дѣйствительностію. Мы согласны съ Землеромъ, что такимъ предположеніемъ ни сколько не подрывается авторитетъ Павлова посланія, ни догматы вѣры содержащіяся въ немъ. (Seml. Paragr стр. 289), тѣмъ не менѣе мы не хотимъ жертвовать дѣйствительностію ради новизны идеи и оригинальности мысли. Единственное основаніе которое выставляетъ Землеръ и которое возможно указать здѣсь, — это сходство содержанія 8 и 9 гл., — причемъ послѣдняя глава повторяетъ мысль первой. Однакожъ, если всмотрѣться ближе въ логическое теченіе мысли Апостола Павла въ 8 и 9 гл., то здѣсь мы не только не встрѣтимъ повторенія, а на противъ найдемъ удивительную правильную и систематическую послѣдовательность мысли.

Высказавши КоринѢянамъ въ главѣ 8-й главные мотивы для сбора милосыни — чрезъ примѣръ Македонянъ и Иисуса Христа, — предупредивши ихъ относительно вѣрности сборщи-

ковъ, апостоль, какъ исвусный ораторъ, не ищетъ новыхъ мотивовъ, чтобы чрезъ это не высказать къ Коринѳянамъ недобѳрїя и чрезъ то не оскорбить ихъ; а потому онъ высказываетъ полную увѳренность въ ихъ готовности къ пожертвованію, онъ считаетъ излишнимъ даже говорить съ ними объ этомъ предметѣ, зная напередъ ихъ усердіе и ревность и хвалясь ими передъ Македонянами (9, 1). Если же онъ дозволилъ себѣ въ предыдущей, 8 главѣ такія или иныя побужденія высказать Коринѳянамъ, то только изъ опасенія, чтобы случайное замедленіе не омрачило ихъ славы и не поставило его (Павла) лжецемъ въ глазахъ Македонянъ, предъ которыми онъ такъ хвалилъ Коринѳянъ (9 гл. ст. 4). Едва ли что можетъ быть логичнѣе такого теченія мысли, едва ли что можетъ быть сильнѣе и разительнѣе такого убѳжденія Коринѳянъ къ благому дѣлу пожертвованія въ пользу святыхъ Іерусалима.

24) Рѣзкій переходъ отъ 1-й къ 10 гл., который вводится сильнымъ акцентомъ слова *αὐτὸς δὲ Παῦλος* (10, 1) представляетъ не мало трудности въ объясненіи его. Почему въ трудахъ ученыхъ по этому предмету мы замѣчаемъ усилія выяснить исходный пунктъ для раскрытія логической послѣдовательности въ 10 главѣ (de Wette стр. 252 стр.) и или изъ введенія новой мысли или изъ выступающей предъ Коринѳянами сознательной апостольской личности, сила которой лежитъ въ убѳженіи (Lange Bibel—Werk P. Test. VII zw. br. Paul an. d. Corinth. s. 379), или изъ болѣе рѣзкаго порицанія Павломъ ложнаго истолкованія противниками его апостольской дѣятельности (Hofman. Heil scr. s. 294); причемъ Апостоль какъ бы возбуждается этимъ непониманіемъ его Коринѳянами. На ряду съ этими стараніями экзегетовъ, мы встрѣчаемся, въ объясненіи настоящаго мѣста съ странностями такихъ ученыхъ, которымъ подобныя усилія кажутся сучливою обязанностію и которыхъ смѣллыя, нездержанныя предположенія переходятъ за предѣлы вѳроятности. На этомъ

пути мы сталкиваемся съ извѣстными теоріями Землера и Вебера и въ особенности новѣйшаго ученаго Гаусрата, гипотеза котораго составляетъ дальнѣйшее развитіе поновленной теоріи первыхъ. Увлекаясь гипотезою новѣйшихъ ученыхъ о потерянномъ посланіи (между 1 и 2 посланіи къ Кор.) Павла къ Коринѣянамъ, и соблазняясь рѣзкими переходами отъ 9 гл. 2 посл. Кор. къ гл. 10, Гаусратъ въ своемъ сочиненіи (*Der Vier. Capitel — Brief. d. Ap. Paulus. an. d. Corint Heidebberg. 1870 года*), пришелъ къ тому выводу, что посланіе это не потеряно, но что оно присоединено къ нашему второму посланію къ Коринѣянамъ и поставлено въ концѣ посланія 10—13 гл. включительно.

Мы не можемъ войти здѣсь въ подробный разборъ основаній такой гипотезы Гаусрата; такъ какъ не имѣемъ подъ руками подлиннаго сочиненія этого ученаго, а владѣемъ только отрывками, сообщенными намъ Гильгенфельдомъ въ библіографическомъ отдѣлѣ его учено-теологическаго журнала (*Zeitschrift. fur. Wsstheol. 1871 erst. heft, въ статьѣ Paul. und. d. Corinth. Virgen*); но смѣетъ сказать, что отдѣлъ съ 10 главы и до конца посланія не даетъ никакого права для такаго предположенія. Напротивъ этотъ отдѣлъ (10—13) составляетъ необходимое составное звѣно апостольской системы Павла, безъ котораго должна нарушиться цѣнность посланія. Наше второе посланіе къ Коринѣянамъ безъ сомнѣнія представляетъ собою строгую апологію апостольства Павла. Въ составъ же каждой апологіи входитъ неизбѣжно двѣ части: тезисъ и антитезисъ, утвержденіе одной стороны и отрицаніе другой. Это же самое мы встрѣчаемъ и у апостола Павла въ его второмъ посланіи, которое распадается собственно на два отдѣла: а) съ первой по девятую главу и б) съ 10—13 включительно.

Первый отдѣлъ въ свою очередь распадается на двѣ части—теоретическую (съ 1 по 5 гл. включительно) и практическую (съ 5 по 9 гл. включительно), изъ коихъ въ первой

онъ выясняетъ основной принципъ своего апостольскаго права, а во второй—естественный результатъ этого права.

Во второмъ отдѣлѣ съ 10 до 13 главы Апостоль разоблачаетъ основной принципъ своихъ противниковъ и его несостоятельность. До 10 гл. Павелъ разсматриваетъ свои отношенія, какъ Апостола съ одною стороны къ проповѣданному имъ Христу,—съ другой—къ назначенному въ его удѣлъ обществу. Здѣсь онъ не касается своихъ противниковъ, или если и касается, то на столько, на сколько оппозиція ихъ служила поводомъ для раскрытія его отношеній ко Христу и обществу. Съ гл. 10 апостоль переходитъ на специальное разсмотрѣніе своихъ отношеній къ противникамъ, изрѣдка и только стороною обращаясь къ прежнимъ отношеніямъ. И такъ какъ враги апостола, выходя изъ общихъ началъ несостоятельности проповѣдническаго права безъ непосредственнаго личнаго знакомства со Христомъ, направляли свои возраженія собственно противъ личности Павла, изъ жизни котораго даже брали и факты для своихъ упрековъ—то Павелъ въ разсмотрѣніи этихъ отношеній къ противникамъ переходитъ на почву чисто личной борьбы, замѣняя обычное до сего времени множественное („ἡμεῖς“) единственнымъ „Еγώ“. При этомъ далѣе такъ какъ Ап. Павелъ достаточно уже впереди выяснилъ свое апостольское право, то онъ теперь выступаетъ смѣло противъ враговъ,—изъ оборонительнаго до сего времени положенія переходитъ въ наступательное. Отсюда измѣняется и тонъ его рѣчи, изъ тихаго и раствореннаго любовью перемѣняясь въ рѣзкій и даже по мѣстамъ и грозный. Очень естественно по этому, когда Павелъ начинаетъ трактать съ главы 10 суровымъ αὐτοῖς δὲ ἐγὼ Παῦλος... и т. (ст. 1).

25) гл. 10 ст. 7. τὰ κατὰ πρόσωπον βλεπόμενα... Объясненіе настоящаго стиха (7) зависитъ отъ того, какое значеніе будетъ соединяться съ выраженіемъ κατὰ πρόσωπον. Теодоритъ (352,) Златоустъ (послав. перев. 1774) изъ новѣйшихъ толковниковъ Ланге (Bibel werk, s. 381) вслѣдъ за Непан-

деромъ (Ag. 1. s. 393) понимаютъ подъ *κατὰ πρόσωπον* то, что бросается въ глаза, и относятъ это выраженіе на внѣшнюю, при посредствѣ первоверховныхъ апостоловъ, связь съ Распятиемъ, на внѣшнее средство съ Нимъ.

Не отвергая законности такого толкованія, мы замѣтимъ однакожь, что внѣшняя связь, которая разумѣется здѣсь подъ понятіемъ *κατὰ πρόσωπον* отнюдь не связь чрезъ посредство первоапостоловъ, но связь непосредственная (ср. ст. 6), которою хвалились противники Павла—христинцы, выставляя на видъ (*ἐν πρόσωπον*) личное знакомство со Христомъ. Въ этомъ отношеніи *κατὰ πρόσωπον* будетъ тождественно съ *ἐν πρόσωπῳ* (3, 12) и будетъ выражать нѣчто внѣшнее, фарисейское, чѣмъ противники Павла хвалились въ подрывѣ авторитета Павла. Почему апостоль, какъ бы неполагая ни какаго значенія въ такомъ внѣшнемъ самохвальствѣ, разрушаетъ кажущееся преимущество противниковъ «*Εἶπα! Χριστοῦ*» тѣмъ, что и онъ Апостоль тоже Христовъ: *ὅτι καθὼς αὐτὸς Χριστοῦ οὕτω καὶ ἡμεῖς Χριστοῦ*. Но при этомъ для превосходства надъ противниками онъ старается показать, что его принадлежность Христу обосновывается не на пустомъ какомъ либо самохвальствѣ, но на духовныхъ началахъ, на чисто-внутреннемъ общеніи съ Нимъ. Такое пониманіе настоящаго мѣста вполне оправдывается всѣмъ строемъ мыслей 10 главы, гдѣ сначала Апостоль выясняетъ чисто духовныя оружія духовной борьбы (до 6 ст. включ.), затѣмъ обосновываетъ свое *Χριστοῦ εἶπα!* на фактическомъ успѣшномъ осуществленіи ввѣреннаго ему проповѣдническаго служенія, — что съ особенною ясностію выступаетъ въ основанномъ имъ обществѣ, назначенномъ ему самимъ Богомъ въ удѣлъ (ст. 13).

Такимъ образомъ основанія его общенія съ Христомъ заключаются не въ голословномъ самохвальствѣ личнымъ непосредственнымъ обращеніемъ со Христомъ, но въ духовномъ единеніи съ нимъ, въ духовномъ помазаніи его на дѣло служенія и опредѣленіи самага удѣла для этаго служенія.

отъ 26) 11 гл. 13 ст. Апостолъ Павелъ выясняетъ здѣсь, что онъ потому именно проповѣдуетъ у Коринѳянь безмездно, чтобы не дать повода тѣмъ, которые ищутъ повода похвалиться тѣмъ же, т. е. что составляетъ похвалу его апостольства. Златоустъ, Экуменій, Теофил. Кальв. Грот. Арет. Мор. Емерлингъ (de Vette стр. 206) предполагаютъ, что противники Апостола учили безмездно, хвалились этимъ и обличали въ жадности Апостола. И *αφορμή* (поводъ) есть за тѣмъ случай для противниковъ чтобы оклеветать въ этомъ родѣ Павла, —каковой случай Павелъ одинакожь хочетъ предотвратить своимъ собственнымъ безкорыстіемъ; *ὡς... εὐρεθ... ἡμεῖς* имѣеть поэтому такой смыслъ, — что они (т. е. противники) оказались не лучше въ этомъ безкорыстіи, чѣмъ мы, или чтобы они были какъ мы. За такое пониманіе съ одной стороны говорить умышленность, съ какою Павелъ выставляетъ на видъ свои собственныя безкорыстныя дѣйствія, съ другой легкость объясненія *ὡς εὐ ω καυδ...* Но противъ этого объясненія выступаетъ во 1-хъ не совсѣмъ подходящее выраженіе *εὐρεθῶσι καυδῶς καὶ ἡμεῖς*, — для чего скорѣе всего должно быть поставлено *εὐρεθῶμεν καυδ καὶ αὐτοὶ* и 2-хъ мѣста 1 Кор. 9, 12; 2 Кор. 11, 20 указываютъ совершенно противоположныя этому дѣйствія противниковъ. Почему вмѣстѣ съ Теодоритомъ (стр. 357) Мейеромъ (стр. 220) и Ланге (стр. 392), намъ кажется болѣе справедливымъ допустить корыстность дѣйствія противниковъ, стремившихся только внѣшнимъ образомъ показать себя безкорыстными. Кажущаяся трудность при этомъ въ объясненіи *ὡς εὐ ω καυδ.*, легко можетъ быть устранена, когда мы допустимъ прямую зависимость этого предложенія отъ *αφορμή*. *Αφορμή* является здѣсь для противниковъ поводомъ сравняться съ Павломъ. Почему Павелъ своимъ безкорыстіемъ отклоняетъ поводъ для тѣхъ, которые ищутъ повода, чтобы во всемъ быть, какъ и мы (Апостолы) т. е. показать, что они работаютъ безмездно. Между тѣмъ

какъ, извѣстно, противники брали деньги съ Коринтянъ и не считали это поборомъ, въ силу ихъ мнимо—учительскаго права и поэтому хвалились ихъ безкорыстіемъ—Павелъ не пользуется этимъ правомъ и такимъ образомъ не даетъ возможности противникамъ и здѣсь сравниться съ нимъ (12, 16). Онъ не беретъ ни явно ни тайно (12, 16) не такъ, какъ противники, которые, будучи лукавыми дѣлателями, подъ видомъ необходимыхъ для учителей субсидій, обираютъ и объѣдаютъ Коринтянъ своими поборами (11, 20).

27. Въ ст. 22 и 23 гл. 11. Апостолъ выставляетъ на видъ тѣже самыя преимущества, какъ и его противники. Но къ этому прибавляетъ еще нѣчто большее, чего недоставало его противникамъ, это прежде всего то, что онъ совершилъ и совершаетъ для дѣла Евангелія. (Ст. 22 *Ἑβραῖοι, εἰσὶ, καὶ Ἰσραηλῖται, σπερμα Ἀβρααμ καὶ* всё это различные признаки Иудейской національности, частью общіе этнографическіе, частью генеологическіе... теократическіе, имѣющіе значеніе для національной гордости. Очевидно, что Павелъ здѣсь разумѣетъ партикуляристическій признакъ противниковъ, признакъ ихъ Иудейскаго происхожденія; но отсюда еще неслѣдуетъ (противъ Клѣппера, Гильгенфельда), чтобы ихъ ученіе было, какъ и въ Галатіи, ученіе подзаконное (de Vette стр. 269). Напротивъ мы съ своей стороны не имѣемъ даже права предположить, чтобы такіе признаки, какъ *Ἑβραῖοι, Ἰσραηλῖται* и т. под., выставлялись прямо противниками; признаки эти только скорѣе предполагаются Павломъ, какъ послѣднее условіе, какъ послѣдняя возможность, которая еще оставалась противникамъ для ихъ похвалы. Почему Апостолъ и выражается условно *ἐν ᾧ δ' ἂν τις τοῦτα καὶ* (ст. 21) Почему дальше и самая рѣчь сопоставленія (ст. 22) идетъ вопросомъ путемъ. Ибо въ этомъ сопоставленіи Павелъ не видитъ въ себѣ недостатковъ предъ противниками; такъ какъ и онъ еврей по происхожденію и сѣмя Авраамово. Устранивши эту послѣднюю возможность похвалы изъ націо-

нальной партикулярности, Апостоль переходить къ высшей идеѣ своего Апостольскаго служенія (ст. 23), послѣдовательно возвышаясь надъ противниками.

28) 11 гл. 23 ст. *Διακονί Χριστοῦ εἰσι; παραδοτῶν ὑπερ εἶω...* Выраженіемъ *υπερ εἶω* Апостоль выставляетъ предикатъ *διακονοι Χριστοῦ*, — какъ кажущійся только признакъ противниковъ (подобно какъ 13 и 15 ст.) ибо въ *υπερ εἶω* лежитъ уже отрицаніе кажущейся принадлежности; по-сему, если бы Апостоль дѣйствительно приписывалъ противникамъ служеніе Христу, то было бы нелѣпо сказать: я болѣе (*ὑπερ εἶω*) (Мейеръ стр. 226). Мысль Павла та: Вы служители Христа? — если уже и вы, то я тѣмъ болѣе. Это большее *ὑπερ* — и составляютъ, его труды темницы и гоненія (ст. 24 и дал.)... которыхъ не достаетъ его противникамъ. Должно понимать тенденцію Павла, когда думаютъ, что Павелъ вовсе не оспариваетъ у противниковъ своихъ имя: *διακονοι Χριστοῦ*, равно какъ и понесенные имъ труды и гоненія, а только приписываетъ себѣ этотъ признакъ въ высшей степени и мѣрѣ. Слишкомъ незначительная нужна мѣра наблюдательности относительно направленія и образа выраженія въ этомъ отдѣлѣ, чтобы указать фѣдкую пронию, которая лежитъ въ формѣ Павловой аргументаціи. Если Павелъ въ ст. 23 выражается *διακονοι Χριστοῦ εἰσι* и вслѣдъ затѣмъ въ отвѣтѣ (какъ бы сумасбродно) говоритъ: *ὑπερ εἶω εν κοποις περιρροτερως*, то этимъ онъ даетъ знать, что онъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы признать за упомянутыми противниками вообще *διακονια Χριστοῦ*. Прямой смыслъ здѣсь тотъ, что Павелъ чрезъ указаніе на свои труды и гоненія хочетъ отнять у противниковъ все право на претендуемое ими имя, чтобы при сопоставленіи непрестанныхъ преслѣдованій, которыя выпали на долю Апостола, противники явились бы пристыженными предъ выведеннымъ предметомъ похвалы Павла. Чтобы юдаистическіе предводители партій могли сослаться на нѣ что значительное въ этомъ родѣ, что мог-

ло бы подать Павлу поводъ серьезно равняться съ ними— это въ высшей степени не вѣроятно. Апостоль между многими страданіями указываетъ между прочимъ и на то, что отъ Іудеевъ пять разъ ему дано было сорокъ ударовъ безъ одного, что, по замѣчанію Іосифа Флавія (Древ. Іосифъ Флав. 4, 8), означало синагогическое наказаніе по 5 кн. Моисеев. 25, 3, гдѣ максимумъ повелевалось давать 40 ударовъ, почему боязнь іудейскихъ законодателей опредѣлила 39 ударовъ, или какъ по другому раввинскому мнѣнію—количество 40 безъ одного обусловливалось трехконечнымъ кожаннымъ бичемъ, которымъ ударили 13 разъ, отъ чего образовалось 39 ударовъ (de Vette стр. 270). Этому факту преслѣдованія Павла отъ Іудеевъ трудно подыскать параллельный случай въ жизни его юданстическихъ противниковъ, которые напротивъ даже имѣли рекомендательныя письма отъ Іудейскихъ братій изъ Іерусалима (3, 1). И апостольская исторія даетъ повсюду доказательство того, какъ вѣрующіе Іудеи въ Іерусалимѣ жили согласно другъ подлѣ друга (Дѣян. 2, 45. 46; 5, 12. 13; 21, 20 ст.). Подлинно, что люди, которые хвалились только *εν αλλοτριοις κατοικος* (10, 15), *εν αλλοτριω κατοικον* (10, 16), въ дѣйствительности не могли указать ни на какіе труды, которые были свойственны только Павлу.

29. 12, 1, вѣнецъ всей самозпологии Павла составляютъ его видѣнія и откровенія (*οπτασια και αποκαλυψεις*), на которые онъ ссылается какъ на преимущественное предъ противниками право своего апостольскаго служенія. Когда разсматриваютъ по цѣли, для которой Павелъ упоминаетъ объ этихъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, то часто, въ назначеніи ихъ сбиваются на ложный путь (какъ мы это видимъ въ теоріи Шенкеля, выдвинутой около 30 годовъ настоящаго столѣтія и сочиненіи нашего отечественника Голубева (Обозрѣн. тол. Ап. Павла въ отдѣлѣ „община Христовыхъ“).

Именно представляютъ дѣло такъ, будто Павелъ потому именно говоритъ объ этихъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, пое-

лику противники Павла въ оправданіе своихъ правъ ссылались на такія видѣнія и откровенія. Должно прежде всего замѣтить, что въ 12, 1—11 ст. не достаетъ точки опоры для такого предположенія. Правда, что отдѣлъ съ 21 ст. 11 гл. принадлежитъ къ великому „passus“, который начинается словами: *εν ω δε αν τις τομα... τομω χαρω*,—откуда начинается соперничество похвалы Павла съ противниками. Но если должно въ отношеніи скорбей и страданій Павла считать невѣроятнымъ, чтобы имъ въ противной сторонѣ соотвѣтствовало нѣчто фактически подобное и значительное; то еще въ высшей мѣрѣ это должно разумѣть очевиднѣя и откровенія Павла. При составленіи себя съ противниками, чтобы показать всю несостоятельность ихъ, Павелъ открываетъ соперничество славы съ ихъ преимуществами; причемъ вѣсы на обѣихъ сторонахъ уравнивались только въ началѣ; затѣмъ уже при „κοποις“ (10, 15) (Такъ какъ противники хвалились трудами Павла)—достоинство служителей Христовыхъ значительно понижается; между тѣмъ какъ въ дальнѣйшемъ, при ссылкѣ на непрестанныя преслѣдованія и страданія, на видѣнія и откровенія Господни (11, 21—12, 1—11) прямая параллель между Павломъ и противниками прекращается. Но если теперь на сторонѣ противниковъ не могло быть выставлена слава видѣній и откровеній, какъ акта обращенія со Христомъ, то поистинѣ Павелъ упоминаетъ о своихъ видѣніяхъ и откровеніяхъ съ тѣмъ, чтобы поставить себя гораздо выше, силащихся Хριστοειναι, противниковъ своихъ. Первые противники—ставили похвалу въ личномъ знакомствѣ съ Христомъ, послѣдній апостолъ—общеніе съ Христомъ въ страданіяхъ ради Его. Эти страданія служатъ апостолу доказательствомъ того, что не самъ онъ живетъ для себя, но для умершаго и воскресшаго Христа, который имѣетъ общеніе съ нимъ чрезъ видѣнія и откровенія. Все это свидѣтельствуетъ, что Павелъ гораздо болѣе принадлежитъ Христу, чѣмъ его противники,

которые могли ссылаться только на земную плотскую связь съ Нимъ. Апостоль въ этомъ случаѣ былъ на столько выше ихъ, насколько небо отстоитъ отъ земли.

Вмѣсто заключенія.

Въ заключеніе нашего изслѣдованія сдѣлаемъ еще краткое замѣчаніе о подлинности втораго посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ.

Если со стороны исторической темноты настоящей предметъ изслѣдованія представляетъ значительныя трудности, за то со стороны исторической подлинности онъ имѣетъ за собою немаловажныя удобства, съ одной стороны облегчающія трудъ изслѣдованія, съ другой—дающія ему большую цѣнность: такъ какъ несомнѣнно достовѣрный памятникъ христіанской письменности апостольскаго времени даетъ натуральную окраску исторической жизни христіанства въ его первичной формаціи. Въ подлинности же нашего посланія не можетъ быть и сомнѣнія, послѣ того какъ въ этомъ завѣряетъ цѣлый рядъ несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Уже Маркіонъ, по свидѣтельству Тертуліана ¹⁾, имѣлъ это посланіе въ своемъ собраніи книгъ священныхъ. Правда Іустинъ Мученикъ какъ будто и не знаетъ о посланіяхъ къ Коринѳянамъ и ни чего не говоритъ о нихъ, но это молчаніе Іустина Муч. объясняется тѣмъ, что Іустинъ философъ былъ приверженцемъ энкратитовъ, которые, по свидѣтельству Евсевія ²⁾, питали глубокое уваженіе къ Іудейству и толковали ветхій завѣтъ по своему. А что Іустинъ былъ энкратитомъ—это съ вѣроятностію можно заключать изъ того, что Татіанъ, вышедши изъ школы Іустина, раздѣлялъ энкратитическія мнѣнія, которыя нигдѣ кромѣ не могъ онъ заимствовать, какъ изъ школы своего учителя.

¹⁾ Tertull. 5 libr. advers Marc. v. 21.

²⁾ Eusev. histor. Eccles. IV. 29.

Поэтому молчаніе Іустина не можетъ быть поводомъ къ сомнѣнію въ подлинности нашего посланія. За то послѣ Іустина церковные писатели постоянно указываютъ на наше посланіе, какъ на подлинное произведеніе пера ап. Павла. Писатель 2 в. Приней Лионскій ¹⁾ ссылается нѣсколько разъ на второе посланіе къ Коринтянамъ, авторизируя свои мысли выраженіями богодухновеннаго писателя. Аѳинагоръ въ сочиненіи „de resurrectione mortalium“ ²⁾ почти буквально приводитъ слова апостола Павла для подтвержденія мыслей о мздовоздаяніи. Тертуліанъ неоднократно приводитъ мѣста изъ этого посланія ³⁾ Евсевій-историкъ также не даетъ никакого повода сомнѣваться въ подлинности этого посланія. Мы оставляемъ дальнѣйшую перечень отцевъ церкви, изъ которыхъ многіе, какъ Златоустъ, Теофилактъ и Теодоритъ писали даже толкованія на наше посланіе, какъ на богодухновенное произведеніе пера апостольскаго. Это твердое убѣжденіе отцевъ церкви въ подлинности нашего посланія осталось непоколебимымъ и на все послѣдующее время. Представители реформаціи, свергнувшіе томившее ихъ иго преданія и авторитета церковнаго, — Лютеръ и Кальвинъ, — отвергли подлинность нѣкоторыхъ новозавѣтныхъ писаній (такъ посл. къ Евреямъ, апокалипс., посл. къ Іудѣ, Іакову и др.), но въ отношеніи посланій къ Коринтянамъ остались при древнемъ убѣжденіи въ подлинности ихъ. Даже современ-

¹⁾ Igin. advers. haeres. Liber v cap. 47 p. 349 словами: Apostolus ait in epistolam Secundam ad Coriuthios диктуеть мѣсто изъ 9 Кор. 2, 15 и 16; также въ 44 гл. стр. 344 Приней приводитъ 9 Кор. 3, 5. Въ книгѣ IV ст. 372 гл. 70 цитируетъ 9 Кор. 5, 4.

²⁾ Аѳинагоръ говоритъ: *Εκαστος κομισεται δικαιως δια του σωματος επραξειν αιτε αγαθα, ειτε κακα* (стр. 61), что очевидно взято изъ 9 Кор. 5, 10.

³⁾ См. сочин. Тертуліана „De pudicitia“ pag. 13 и слѣд.

ная отрицательная критика новой Тюбенгенской школы, отвергнувшая въ лицѣ своихъ представителей, Баура и Гильгенфельда ¹⁾, большую часть посланій Павловыхъ (за исключен. 2 къ Римлян. и Галат. посл. къ Кор. оставила не прикосновенною подлинность нашего посланія. Правда, что такое признаніе, обусловливающееся предвзанятостію идеи этой школы—провести послѣдовательно чрезъ Павловы посланія борьбу павлинизма и петринизма, —не можетъ еще ручаться за вѣрность этого признанія. Но если сопоставить это признаніе съ убѣжденіемъ древнихъ, то мы получимъ чрезъ это законченное убѣжденіе въ неоспоримой принадлежности нашего посланія апостольскому времени вообще, и въ частности перу божественаго Павла. При такомъ неоспоримомъ въ подлинномъ значеніи настоящее посланіе наше, въ силу объединяющаго принципа всѣхъ каноническихъ произведеній Павла, даетъ твердую почву для точнаго объясненія другихъ посланій этого апостола. Если нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ Грау ²⁾ что новозавѣтный канонъ есть цѣльный, правильно разчлененный организмъ, то по крайней мѣрѣ должно признать несомнѣннымъ тотъ фактъ, что этотъ канонъ, какъ сборникъ богодухновенныхъ апостольскихъ писаній, представляетъ раскрытіе одной и тойже божественной истины, вообще, открытой во Христѣ; въ частности же всѣ посланія ап. Павла представляютъ математически правильное развитіе одной и тойже идеи общенія со Христомъ не только Иудеевъ, но и язычниковъ; всѣ посланія ап. Павла при этомъ запечатлѣны однимъ принципомъ Павловой дѣятельности, однимъ и тѣмъ же личнымъ характеромъ его. Но нигдѣ такъ ясно и рельефно не является

¹⁾ Paulus. d. Apost. Iesu Chist. Studg. 1845 von Dr. Christ Baur—Hilhenf. Zetsch. Wiss Theolog.

²⁾ Entwicklungsgeschicht. de neutest schriftums. von Rudolf Gvau. II Bd. 1871.

предъ нами принципъ дѣятельности и личный характеръ апостола Павла, какъ во 2 посланіи къ Коринѳянамъ, которое составляетъ блистательную апологію сколько апостольской дѣятельности Павла, столько же и личного характера его; апостольскій высказалъ всю силу своего гения въ этой автоапологіи и нужно отдать полную справедливость ораторскому искусству Павла, защищающаго себя отъ нападеній противниковъ своихъ. Здѣсь великій апостольскій скромно, но сильно высказываетъ основные принципы своей апостольской дѣятельности (1 гл. съ 15 по 23 ст), показывая всю глубину практической мудрости и знанія, то живо и пламенно сопоставляетъ свои личные качества съ качествами противниковъ (11, 92), то скромно и угнетенно высказываетъ свои немощи (по плоти 11 24,—28), то смѣло и дерзновенно хвалится силою Божіею (4, 7—13; 11, 29—31) и рѣчь его тихая и сдержанная, по временамъ льется шумящею волною, далеко заглушающею дѣтскій лепетъ его слабыхъ противниковъ. Затѣмъ уже указанная систематическая послѣдовательность и грамматическая правильность дополняютъ все достоинство такого церковно-литтературнаго памятника, какъ наше второе посланіе Ап. Павла къ Коринѳянамъ.

А. Спаскій.
